ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 12-015

ДУША РАЗВЕДЧИКА ПОД ФРАКОМ ДИПЛОМАТА

М.Е. Болтунов

ХРАНИТЬ (ГОД) вечно ЛЕТ

ДУША РАЗВЕДЧИКА ПОД ФРАКОМ ДИПЛОМАТА
М.Е. Болтунов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Два столетия назад Барклай-де-Толли, в предвидении войны с Наполеоном, создал не только первый специальный разведорган — «Экспедицию секретных дел при военном министерстве», но и организовал зарубежные разведсилы — агентов. С тех пор они всегда были на переднем крае, впереди пограничных застав. Их называли по-разному — военными агентами, корреспондентами, атташе. Они представляют нашу страну за рубежом. По ним судят о стране. Они, если хотите, являются лицом России. Среди тех, кто служил в «корпусе военных дипломатов», — губернаторы, министры, руководители Генерального штаба, командующие округами и флотами, известные военачальники.

Этим людям и их деятельности посвящена книга.

- Михаил Болтунов
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - ПЕРВЫЕ ДИПЛОМАТЫ В ПОГОНАХ
    - «ИМЕТЬ ПРИ ПОСОЛЬСТВЕ… СПОСОБНОГО ОФИЦЕРА»
    - РУЖЬЕ ДЛЯ РУССКОЙ АРМИИ
    - ПОД ПЛАТЬЕМ МЕЛКОГО КЛЕРКА
    - ГОРЬКИЙ ОПЫТ ПОРАЖЕНИЙ
    - «НУЖНО ПРИСЛУШИВАТЬСЯ… К БИЕНИЮ ЖИЗНИ»
    - «РАЗВЕДКА… НЕ РАДУЕТ СВОЕЙ ПРОДУКТИВНОСТЬЮ»
    - НА РОДИНУ НЕ ВЕРНУЛИСЬ
    - ВОЕННЫЕ АТТАШЕ: НОВЫЕ ИМЕНА
    - ЗАГОВОР, КОТОРОГО НЕ БЫЛО
    - «ЭТОТ ТУПОЙ ГЕНЕРАЛ…»
    - ЛЕГАЛЬНЫЕ РЕЗИДЕНТУРЫ И АТОМНЫЙ ПРОЕКТ
    - ПРЕДАТЕЛИ
    - ВАШЕ СЕРДЦЕ ПОД ПРИЦЕЛОМ…
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - «СЛУЖУ РАЗВЕДКЕ!»
    - «Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, РОССИЯ…»
    - ИВАН САКУЛЬКИН — РУССКИЙ МАТРОС
    - ВОЗВРАЩЕНИЕ В АДЕН

Михаил Болтунов

ДУША РАЗВЕДЧИКА ПОД ФРАКОМ ДИПЛОМАТА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Два столетия назад талантливый военный деятель России, министр Барклай-де-Толли, в предвидение войны с Наполеоном создал не только первый специальный разведорган — «Экспедицию секретных дел при Военном министерстве», но и организовал зарубежные разведсилы — агентов. Отобрал лучших офицеров и послал их в Европу.

С тех пор силы эти неоднократно реорганизовывались, были периоды их расцвета и забвения, однако с годами, десятилетиями приходило осознание нужности, важности, ценности военных агентов и их деятельности.

Они всегда были на переднем крае, впереди пограничных застав. Разумеется, не они одни. Там работали «нелегалы», разведчики-«крышевики», но сегодняшний наш рассказ о «легальных» резидентах, — иными словами, военных атташе.

Их называли по-разному — военными агентами, корреспондентами, атташе. Что же это за люди? Я бы сказал, всецело государевы люди. Они представляют нашу страну за рубежом. По ним судят о стране. Они, если хотите, являются лицом России.

В свою очередь но их докладам, сообщениям, аналитическим материалам здесь, в Москве, складывается мнение о государстве, в котором они пребывают, несут нелегкую службу разведчика. Да-да, разведчика.

Во всем мире давным-давно не считается зазорным признать, что военный атташе и его аппарат занимаются разведкой. Ну а мы-то чем хуже других.

Уточним сразу, военный атташе — не всегда резидент, но практически всегда разведработник. В истории разведки труд но найти атташе и его помощников, чтобы они не занимались разведдеятельностью. Иное дело — эффективность этой деятельности.

В большинстве своем в русской, а позже и в советской армиях на военно-дипломатическую работу старались отбирать наиболее образованных, порядочных, опытных офицеров, имеющих богатый жизненный и профессиональный опыт. Разумеется, не всегда это получалось. Но что поделаешь, такова жизнь.

Как правило, среди военных агентов (атташе) было много заслуженных командиров — фронтовиков, удостоенных высоких наград. Так было после Русско-японской войны. Так было и после Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, когда па работу в зарубежные страны отправилось немало Героев Советского

Союза, офицеров, награжденных орденами и медалями. Соответствующий отбор давал свои результаты. Обогатившись опытом дипломатической и разведывательной деятельности, офицеры, возвратившись на Родину, успешно продвигались на службе, делали карьеру, поднимаясь нередко на самую вершину государственной власти.

Среди тех, кто служил в «корпусе военных дипломатов» — губернаторы, министры, руководители Генерального штаба, командующие округами и флотами, известные военачальники.

Этим людям, их деятельности посвящена книга. В первой части рассказывается о зарождении «корпуса дипломатов в погонах», его развитии, участии в войнах, включая и Великую Отечественную.

Во второй части — очерки о военных атташе послевоенного периода.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВЫЕ ДИПЛОМАТЫ В ПОГОНАХ

Зимой 1810 года князь Барклай-де-Толли назначен военным министром Российской империи. Михаил Богданович не был паркетным генералом: командовал батальоном Эстляндского егерского корпуса, егерским полком, 6-й пехотной дивизией. За умелый переход по льду пролива Кваркей и овладение шведским городом Умсо в 1809 году удостоен чина генерала от инфантерии, назначен главнокомандующим армией в Финляндии и финляндским генерал-губернатором. А через восемь месяцев он становится военным министром.

До войны с Наполеоном оставалось два года. Михаил Богданович спешил. Он оказался необычайно прозорливым и талантливым военным организатором. До сих пор по-настоящему не оценены его заслуги в преобразовании русской армии накануне войны 1812 года. В такой необычайно короткий срок военный министр занялся строительством крепостей и инженерных сооружений на Западном театре военных действий, закладывал тыловые базы, совершенствовал существующую дивизионную систему и развернул корпуса, упорядочил штабную службу, осуществил преобразования в звене высшего военного управления.

При нем введен новый устав пехотной службы, составлено первое в России положение о полевом управлении войск, и что очень важно — разработана стратегическая концепция ведения будущей войны.

Особое внимание Барклай-де-Толли уделял разведке. Однако первый же анализ состояния дел в этой области показал далеко не благополучное ее положение. Единой централизованной структуры военной разведки не существовало. В канцелярии управляющего квартирмейстерской частью чиновники занимались устройством дорог и расположением частей, архивными и текущими делами, наконец, топографией. Все это было важно и крайне необходимо, но в обязанности квартирмейстеров разведка не входила. Разведывательные сведения по военным и военно-политическим вопросам поступали из диппредставительств за рубежом сначала в Министерство иностранных дел, и лишь потом в Военное ведомство. А некоторые, попадая к канцлеру Румянцеву, уже не доходили до военных.

Такое положение дел не устраивало Барклая-де-Толли. Армии, образно выражаясь, нужна была своя разведка. И потому новый министр создал первый специальный централизованный

разведывательный орган — «Экспедицию секретных дел при Военном министерстве».

Однако этого было мало. Нужны специальные зарубежные агенты, понимал Михаил Богданович. Именно они будут добывать такую необходимую в предвоенное время разведывательную информацию.

Агентов подбирали с особой тщательностью. В этот список министра Барклая-де-Толли в числе первых попал полковник Тейль Фан Сероскеркен, голландский офицер, верой и правдой служивший России. В 1805 году он участвовал в экспедиции на остров Корфу, в кампании 1807 года воевал с французами в Пруссии в казачьем отряде генерала Платова, во время войны со шведами сражался при Идельсальми, был ранен, занимал города Торнео и Умео.

Барклай-де-Толли, как главнокомандующий армией в Финляндии, знал Сероскеркена как храброго, смелого офицера, имеющего к тому же и голову на плечах. И командирование полковника в Вену в качестве адъютанта к российскому посланнику генерал-лейтенанту П. Шувалову станет лишь началом его большого дипломатического пути. После войны 1812 года полковник, а вскоре и генерал-майор Телль Фан Сероскеркен будет работать в российской дипмиссии в Неаполе, при папском дворе в Ватикане, позже станет посланником сначала в Вашингтоне, а через некоторое время в Рио-де-Жанейро.

Но это произойдет потом, а пока Сероскеркен отправлялся в Вену с конкретным заданием: организовать разведывательную работу и доставлять необходимые сведения о передвижении, численности войск Наполеона, их вооружении.

В Берлин к российскому послу генерал-лейтенанту Ливену направился в качестве адъютанта полковник Роберт, на русский манер Роман, Ренни. Он потомок выходцев из Шотландии. До того как успел попасть в список военного министра, служил в армии прапорщиком. За то, что не явился из отпуска в Шотландию, был уволен. Через несколько лет вновь поступил на службу в Елецкий пехотный полк, в польской кампании 1794 года воевал с конфедератами в Курляндии. За храбрость получил звание капитана.

Участвовал в экспедиции в Голландию. Отличился в сражении при Прейсиш-Эйлау, за что был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. В 1808 году произведен в полковники.

Теперь храброму Роберту Ренни предстояло стать разведчиком.

Военным агентом в Саксонии, где российское посольство

возглавлял генерал-лейтенант Ханыков, стал майор Виктор Прендель. Он происходил из австрийских дворян, учился в Коллегиуме братства св. Бенедикта, состоял на военной службе. Участвовал в боевых действиях против революционной Франции, был ранен, пленен. Военным трибуналом приговорен к смертной казни, но бежал из тюрьмы.

Участвовал в прославленных Итальянском и Швейцарском походах А.В. Суворова. С 1804 года в звании штабс-капитана проходит службу в Черниговском драгунском полку. В следующем году назначен офицером для особых поручений к М.И. Кутузову. Отличился в сражении при Аустерлице, действуя с отрядом гусар и казаков в тылу противника. Пленил 60 офицеров и 260 вражеских солдат.

Потом в его жизни была русско-турецкая война, русско-прусско-французская. Во время австро-французской войны Виктор Прендель был прикомандирован к французским войскам и участвовал в сражениях при Регенсбурге, Асперне и Ваграме. Так что до отправки в Саксонию майор Харьковского драгунского полка Прендель был достаточно опытным, знающим офицером. И как нельзя лучше подходил к роли зарубежного разведывательного агента.

Четвертым офицером, отобранным для деятельности за рубежом, стал достаточно молодой офицер поручик Павел Брозин. Он был назначен адъютантом при посланнике в Испании генерал-майоре Репнине.

И тем не менее, на мой взгляд, первым российским военным агентом следует считать полковника Александра Ивановича Чернышева. Представитель старинного дворянского рода, он появился на свет в семье генерал-поручика, сенатора И.Л. Чернышева. С рождения записан вахмистром в лейб-гвардии Конный полк. Во время коронации Александра I произвел на императора благоприятное впечатление и был пожалован в камерпажи. Вскоре он становится корнетом Кавалергардского полка. В 1804 году — произведен в поручики.

Первое боевое крещение молодой офицер получил в Аустерлицком сражении, был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. Через год получил звание штабс-ротмистра.

Участвовал в кампаниях 1806–1807 годов. Отличился в сражениях при Гейльсберге и Фридланде. Удостоен ордена Св. Георгия 4-го класса и золотой шпаги «За храбрость».

В 1808 году Чернышев направляется с письмом Александра I к Наполеону. Он становится личным представителем российского императора в военной ставке Наполеона. В ходе австрийской кампании 1809 года находится при Наполеоне, а за сражение при

Ваграме удостоен ордена Почетного легиона.

С 1810 года Александр Иванович при дворе французского императора, он исполняет должность военного агента в Париже, руководит агентурной сетью. Достаточно сказать, что уже в 1811 году Чернышев оплачивает услуги нескольких агентов — в военном ведомстве, в военной администрации, в Государственном совете.

Что же это были за агенты? Надо прямо сказать — цепные агенты. Например, сотрудник Военного министерства по кличке «Мишель». Он работал в составе небольшой группы чиновников, которая регулярно, а точнее раз в две недели, составляла донесение лично Наполеону. В донесении — сведения о численности и дислокации французских войск. Характерно, что документ в целях секретности изготовлялся в единственном экземпляре. «Мишель» просто снимал копию с донесется и передавал се за соответствующее вознаграждение Чернышеву. Тот срочно отправлял ее в Петербург. Случалось так, что копия донесения ложилась па стол российского военного агента раньше, чем оригинал попадал к императору Наполеону. Российский государь высоко ценил своего посланца во Франции. Однажды на одном из донесений Чернышева он написал: «Зачем я не имею побольше министров, подобных этому молодому человеку».

А «молодой человек» тем временем весьма удачно играл в Париже роль этакого повесы, женского угодника. Еще бы, Чернышев был молод, красив, умен. О смелости и говорить не приходилось. Об этом трубили все парижские газеты. Когда в доме австрийского посла князя Шварценберга в столице Франции возник страшный пожар, русский агент первым бросился в огонь и, рискуя жизнью, спасал обезумевших от страха людей.

После этого в великосветских салонах только и говорили, что о красавце и храбреце из России. Судачили, якобы ему симпатизировала сама королева Неаполитанская, сестра Наполеона, а уж в другой сестре императора — легкомысленной Полине Бергезе — и сомневаться не приходилось. Молва приписала ей «любовную связь» с Чернышевым.

Кто знает, так ли это было, пет, по образ для разведчика был создан великолепный — репутация легкомысленного повесы служила хорошей маской для умного и ловкого российского агента, умеющего добыть ценную информацию в сложное предвоенное время.

Когда же в Россию пришла беда, Наполеон объявил войну, перешел границы империи, начал переправу через Неман, все военные агенты показали себя как истинные патриоты земли русской.

Полковник Александр Чернышев накануне войны подал рапорт императору Александру I, в котором говорил о необходимости соединения 1-й и 2-й Западных армий.

В сентябре — октябре 1812 года во главе партизанского отряда совершил рейд па территорию Варшавского герцогства в тыл армии французов. он преподнес немало сюрпризов захватчикам. 29 сентября, выступив из Тересполя, Чернышев занял селение Бяло, где захватил пленных и продовольственный склад с магазином. Назавтра он ступил в населенный пункт Мендзыржец и также уничтожил магазин. Далее несколько его подразделений действовали в городах Луков, Радзып, Коцк, сам же с остальным отрядом уничтожил переправу через реку Буг в районе Седльце и Дрогичин. Его казакам удалось уничтожить большой хлебный склад в Лукове, захватить пленных.

Свыше 400 верст прошел со своими офицерами и солдатами — уланами, гусарами, казаками — полковник Чернышев. Всюду уничтожал продовольствие, нападал на обозы, сеял панику в тылах врага.

В октябре 1812 года Александр Иванович получил новый приказ — затруднить движение Австрийского вспомогательного корпуса, который преследовал войска 3-й Западной армии. Вместе с казачьим полком майора Пантелеева он выдвигается навстречу неприятелю. Чернышев и здесь придает первостепенное внимание разведке. Его агенты докладывают: отряд генерала И. Мора движется к Неману, в местечко Мосты, чтобы переправиться через реку. Казаки, посланные Чернышевым, проходят на рысях сорок верст и уничтожают приготовленный для строительства переправы лес. Тем временем другие эскадроны разрушают мосты па реке Зельвянка.

Далее полк под руководством Чернышева и Пантелеева совершает рейд но тылам врага. Они вызволяют из плена генералов Винцингероде и Свечина, и еще несколько офицеров, захватывают французский пикет из двух десятков кирасир и драгун, выходят на неприятельские госпитали, уничтожают там оружие, забирают лошадей.

Рейд Чернышева длился около пяти суток. За это время казаки прошли 350 верст, уничтожая переправы, тыловые обозы, неприятельских солдат и офицеров.

За эту экспедицию Александр Чернышев получил звание генерал-майора.

Он и дальше воевал так же умело и храбро — под Мариенвердером нанес поражение войскам пасынка Наполеона вице-короля Италии Богарне, уверенно действовал против литовской дивизии при селении Цирк, и даже взял в плен

командира этой дивизии. В кампанию 1813 года занял Берлин, штурмовал Люнебург и Кассель, сражался при Ганау.

Преуспел Александр Иванович и в послевоенной мирной жизни. Достаточно сказать, что он двадцать лет — с 1832 по 1852 год — возглавлял Военное министерство Российской империи.

Военный агент в Вене полковник Телль Фан Сероскеркен также воевал в 1812 году. Он находился при штабе 3-й армии, потом участвовал в заграничных походах. В 1813 году был произведен в генерал-майоры «в награду заслуг, оказанных в разных сражениях».

В Отечественную войну 1812 года Роберт Ренни, бывший военный агент в Берлине, назначен генерал-квартирмейстером 3-й армии. Он смело сражался под Кобринюм, а за храбрость, проявленную в бою при Городечне, был удостоен звания генерал-майора.

С января 1813 года Ренни — начальник штаба корпуса генерала Винцингероде. Участвовал в сражениях при Клише, под Лютценом, Лейпцигом, Суассоном, Лаоном. В конце 1814 года Ренни назначен начальником штаба 4-го пехотного корпуса и участвовал во 2-м походе во Францию.

Майор Виктор Прендель, военный агент в Саксонии, прославил себя в боях 1812 года. Он участвовал в ожесточенном Смоленском сражении, командовал одним из подразделений в отряде генерала Винцингероде, «за отличие в партизанских делах» ему было присвоено звание подполковника.

Во время стояния Наполеона в Москве он со своим партизанским отрядом действовал в тылах французских войск под Рузой и Можайском.

В камланнии 1813 года отличился в боях под Клише, за что произведен в полковники. Во время Лютценского и Баутценского сражений со своим отрядом вновь воюет на тыловых коммуникациях противника. Заменил Д. Давыдова после его отстранения от командования и возглавил летучий отряд. После сражения назначен комендантом Лейпцига.

В 1831 году Виктору Пренделю было присвоено звание генерал-майора.

Поручик Павел Брозин, который состоял военным агентом при посланнике в Испании, также участвовал в Отечественной войне 1812 года, воевал храбро и умело. Уже в октябре 1813 года он был пожалован в флигель-адъютанты, а в 1817 году произведен в генерал-майоры.

Хотелось бы подчеркнуть, что в эти годы военным гением Барклая-де-Толли было рождено еще одно направление в деятельности военной разведки — работа офицеров-разведчиков

под так называемой «крышей», — прикрытием сугубо штатской должности в диппредставительстве Российской империи за рубежом.

Пройдет еще не одно десятилетие, прежде чем потомки Барклая поймут перспективность «крышевой» работы. Особое распространение такая деятельность получит в XX веке. Разведчики будут выдавать себя за дипломатов, торговых представителей, сотрудников различных государственных и общественных организаций, журналистов.

Однако первым военным разведчиком-«крышевиком» мы можем считать артиллерии поручика Павла Граббе. В сентябре 1810 года он прибыл в Мюнхен и состоял в скромном «звании канцелярского служителя» при российской миссии.

Павел Христофорович был внуком шведского дворянина, еще в XVIII веке перешедшего на российскую службу. Отец его Христофор Граббе — отставной поручик Сибирского мушкетерского полка.

Павел закончил Сухопутный шляхетский кадетский корпус в Санкт-Петербурге и в 1805 году выпущен во 2-й артиллерийский полк подпоручиком. Несмотря на достаточно юный возраст, в том же году принимал участие в походе в Австрию, воевал против французов, сражался при Голымине, Прейсиш-Эйлау, на реке Пассарге, при Хейльсберге и Фридланде.

В августе 1808 года поступил в 27-ю артиллерийскую бригаду, в сентябре — стал поручиком. А было ему всего 19 лет. Через два года его пошлют в Баварию.

Поручик Павел Граббе сделает блестящую карьеру — дослужится до звания наказного атамана Донского казачьего войска, а в 1866 году — станет членом Государственного совета Российской империи. Однако жизнь его будет полна взлетов и падений.

Уже после возвращения из-за границы Павел Христофорович попадет в лейб-гвардии конную артиллерию и будет участвовать в сражениях с французами под Витебском и Смоленском, при Бородино, под Тарутино.

За храбрость в боях при Малоярославце Граббе произведут в штабс-капитаны. Дальше будут бои при Вязьме, Дорогобуже, Красном, со своими артиллеристами он будет громить войска корпуса маршала Даву при Велане.

В 1815 году Павел Граббе участвует в походе во Францию, в 1817-м — командует Лубснским гусарским полком.

В 1822 году «за несоблюдение порядка службы» уволен в запас и не предан суду только «по уважению к прежней службе».

Через три года Павел Христофорович вновь на службе в

Северском конно-егерском полку. Но в декабре 1825 года арестован но делу декабристов и препровожден в Санкт-Петербург.

1826-й выдался особенно тяжелым. 2 января Граббе освобожден из-под стражи, а на следующий день вновь арестован, посажен в крепость, однако в июне опять выпущен на свободу и возвращен в полк. Но теперь он всего лишь командир дивизиона. Участвует в компании против турок.

В 1829-м Граббе — командир Новороссийского драгунского полка. За отличие при штурме Рахова получает звание генерал-майора. Вскоре становится начальником штаба 7-го пехотного корпуса.

Войска на Кавказской линии и в Черномории генерал Граббе возглавит в 1838 году. Воюет с горцами, с повстанцами в Венгрии.

В 1852 году назначен членом комитета раненых, но уже на следующий год за беспечность и допущение государственного ущерба лишен звания генерал-адъютанта, арестован и предан суду с наложением запрета на все его движимое и недвижимое имущество. Правда, через два месяца запрет был снят и объявлен строжайший выговор. Граббе отпущен па жительство в имение в Полтавской губернии.

Но уже весной следующего года Павел Христофорович вновь был призван под армейские знамена и назначен командовать пехотой и артиллерией Кронштадтского гарнизона. Летом ему вернули звание генерал-адъютанта. Закончил свою карьеру Граббе, как мы уже сказали, членом Государственного совета.

Так сложились судьбы первых военных агентов России. А вот судьба первого специального центрального органа военной разведки сложилась не столь удачно. Он закончил существование вместе со своим создателем. В сентябре 1812 года Барклай-де-Толли был уволен с должности военного министра, и двухлетняя, не имеющая аналогов в истории, эффективная система военной разведки с центральным органом, зарубежными силами (агентами) и средствами ушла в историю.

После победоносного окончания Отечественной войны в конце 1815 года в связи с переходом армии на штаты мирного времени система военного управления была преобразована. В частности, учреждался Главный штаб Его Императорского Величества. Военное ведомство вошло в структуру Главного штаба. Начальник штаба князь П. Волконский поставил задачу перед управлением генерал-квартирмейстера создать «Общий свод всех сведений о военных силах европейских государств». И тогда вспомнили опыт Барклая-де-Толли — за границу были посланы несколько офицеров. Их прикомандировали к русским

посольствам в Баварии (поручик Вильбоа) и во Франции (полковник Бутурлин). Несколько офицеров отправились на Восток — в Хиву и в Бухару. Но это были лишь отдельные поручения с целью выполнения конкретной, одноразовой задачи.

Нельзя сказать, что в послевоенное, мирное время армия оставалась без разведданных. Задачи по добыванию военной и военно-технической информации ставились военным ведомством через Министерство иностранных дел. Однако сколь тру-деп и бюрократически териист был этот путь! Дабы заставить чиновников МИДа заниматься сбором подобной информации, следовало получить разрешение самого императора. Да и в этом случае «высочайшее соизволение» не гарантировало успех. Тот же министр иностранных дел К. Нессельроде на просьбы военного ведомства отвечал, что его чиновники загружены собственными дипломатическими заботами, да к тому же плохо разбираются в вооружении, и всячески пытался «спихнуть» разведывательные задачи на… Министерство финансов и его представителей за рубежом.

Такое положение дел беспокоило военного министра. Разведданные были необходимы, вот и приходилось Чернышеву, что называется, бить челом и просить Нессельроде.

«Ваше сиятельство крайне меня бы одолжили, — писал в своем письме в декабре 1843 года Александр Иванович, — если бы изволили также поручить одному из чиновников миссий наших в Лондоне и Константинополе доставление подобных сведений об Англии и Турции».

Думается, Чернышев понимал всю ущербность такого положения, но поделать мало что мог. После Отечественной войны 1812 года Россия, на голову разгромив своего главного и очень сильного врага — наполеоновскую Францию, долгое время не имела достойного внешнего противника, который бы мог угрожать се безопасности. Это доминирование и стало основой уверенности (а возможно, и самоуверенности) в силу и непобедимость русской армии. Скорее всего, поэтому развединформация, ни шатко ни валко добываемая через чиновников Министерства иностранных дел, в той или иной мере удовлетворяла потребности высшего руководства страны.

Однако годы шли. Политическая обстановка в мире менялась. Россия стояла на пороге новой войны — Крымской. Надо отдать должное: военный министр Чернышев и его окружение чувствовали острую нехватку свежей развединформации. Александр Иванович пытается «разбудить» МИД.

«Государь Император, — обращается он в Министерство иностранных дел, — желая, чтобы Военное министерство имело

всегда сколь возможно полные и верные сведения о военных силах иностранных государств, своевременное получение коих необходимо для соображений министерства, высочайше повелевать соизволил возобновить с Министерством иностранных дел сношение…»

Откровенно говоря, некоторые поручения, предлагаемые военным министром, исполнили, по это не решало проблему в целом: для налаживания регулярного поступления ценных разведданных нужна была система. Единая, централизованная, обеспеченная силами и средствами. Система, которую, обогнав время, еще сорок лет паза;; внедрял Барклай-де-Толли.

И только жестокое, тяжелое поражение России в Крымской войне 1853–1856 годов, потеря более полумиллиона человек и Черноморского флота, заключение кабального Парижского мира открыли глаза руководству страны и вооруженных сил. Стала ясна ущербность и неэффективность добывания развединформации за рубежом через чиновников Министерства иностранных дел.

Горький опыт Крымской войны был положен в основу военных реформ 1860-х годов. Одним из важнейших направлений этих реформ стали качественные преобразования в российской военной разведке. Кстати говоря, сама разведка первой откликнулась на эти преобразования. А начались они с осмысления исторических уроков прошлого. И вновь был востребован опыт Барклая-де-Толли.

«ИМЕТЬ ПРИ ПОСОЛЬСТВЕ… СПОСОБНОГО ОФИЦЕРА»

Итак, как мы уже сказали, военная разведка раньше других служб сумела «переварить» опыт Крымской войны. Если милютинские военные реформы охватывают примерно десять лет — с 1860 но 1870 год, то «Проект общих статей инструкции агентам, посылаемым за границу» был «высочайше утвержден» уже летом 1856 года, то есть сразу после окончания войны.

Офицеров, прикомандированных к посольским миссиям в иностранных государствах, называли «корреспондентами Военного министерства» или просто «военными корреспондентами», но чаще — «агентами». Так они именовались и в «Проекте».

Кстати говоря, «Проект» являлся первым в России директивным документом военным и морским агентам. Он вменял им в обязанности «приобретать наивозможно точные и положительные сведения о числе, составе, устройстве и расположении как сухопутных, так и морских сил… о различных передвижениях войск… о нынешнем состоянии крепостей, предпринимаемых новых фортификационных работах… об опытах правительства над изобретениями и усовершенствованиями оружия… о лагерных сборах войск и маневрах… о духе войск и образе мыслей офицеров и высших чинов… о состоянии различных частей военного управления… о новейших сочинениях, касающихся до военных наук…»

Задачи были весьма серьезные. Агентам предписывалось «все означенные сведения собирать с самою осторожностью и осмотрительностью и тщательно избегать всего, что бы могло навлечь на агентов малейшее подозрение местного правительства».

Император Александр П лично назначил агентов в четыре европейские столицы — в Париж, Лопдон, Вену и Константинополь.

Кто были эти люди? Вот, к примеру, полковник граф Николай Павлович Игнатьев, направленный в Лондон. Ему едва исполнилось 24 года, но Игнатьев к этим годам успел закончить Пажеский Его Величества корпус и академию Генерального штаба. Кстати, по выпуску он был удостоен большой серебряной медали, а его имя занесено на мраморную доску лучших выпускников.

В 17 лет он начал службу корнетом в гусарском полку. Потом

состоял при главнокомандующем гренадерским корпусом, был командирован в Эстляндию, для составления подробной дислокации войск. С 1855 года Николай Игнатьев уже дивизионный квартирмейстер 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, а через год исполняет обязанности обер-квартирмейстера Балтийского корпуса.

Летом 1856 года Игнатьев едет в столицу Британии с личным поручением царя «изучить все новейшие достижения артиллерийского и инженерного дела в Англии и установить возможность их применения в России, а также привести в ясность военно-политические замыслы врагов наших в Европе и Азии».

Выполнить все задачи государя молодой полковник не успел. Слишком мало времени отвела ему судьба на пребывание в Англии — всего год с небольшим.

Будучи в Британском музее, где выставлялся строго секретный боеприпас — унитарный патрон новейшего образца, Николай Игнатьев «случайно» положил английскую оружейную новинку в карман. Британцы не простили похищение секретного патрона, разгорелся скандал, и граф был вынужден покинуть английскую столицу. Это стало уроком для молодого дипломата. Он стал осторожнее, хитрее, с годами обретая необходимый опыт и знания. Однако всю жизнь граф Игнатьев оставался большим энтузиастом тайных операций.

Ему еще не исполнилось тридцати, когда государь утвердил Игнатьева директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Ответив благодарностью на поздравление царя, Николай Павлович, тем не менее, твердо заявил, что не хотел бы долго засиживаться на этом посту.

Через несколько лет канцлер А. Горчаков предложил Игнатьеву должность посланника в Константинополе. Граф охотно согласился.

13 лет представлял интересы России в Турции Николай Павлович. Он имел значительное влияние на некоторых членов правительства, да и на самого султана Абдул-Азиза. Развернув сеть агентов, Игнатьев знал состояние дел в турецком правительстве, был посвящен в тонкости внешнеполитической деятельности страны, он умел добыть самый засекреченный документ. Однако проблема состояла в другом — как передать этот документ в Россию. Турецкая контрразведка вела тотальный контроль за перепиской русского посла. Специальные дипломатические пакеты с большими сургучными печатями, с гербом Российской империи вскрывались турками с легкостью. И тогда опытный дипломат и разведчик граф Игнатьев придумал простой, но гениальный ход — свою корреспонденцию он

вкладывал в простые, самые дешевые конверты, которые хранил рядом с дурно пахнущими продуктами, например с провонявшей селедкой. Адрес подписывал не сам — грамотный, каллиграфический почерк посла привлекал внимание контрразведки. Личным писарем Игнатьева стал его лакей. Письмо направлялось не по адресу Министерства иностранных дел, а но какому-либо частному адресу, например мидовского дворника. Уловка удавалась, письма доходили в целости и сохранности.

Возвратившись в Россию, Игнатьев становится членом Государственного совета, руководит российской делегацией при подписании Сан-Стефанского мира в 1878 году.

С 1881 года Игнатьев — министр внутренних дел Российской империи.

Кстати говоря, он — дядя Алексея Алексеевича Игнатьева, генерал-лейтенанта, военного агента России во Франции, автора известных мемуаров «Пятьдесят лет в строю». Так что Николай Павлович может считаться основателем династии российских военных агентов Игнатьевых.

Генерал-майор Николай Новицкий, работавший в Лондоне в 1860-е годы, был опытнее и мудрее молодого Николая Игнатьева. Он уделял пристальное внимание оружейной теме. В 1864 году Николай Александрович подготовил разведдоклад об особом комитете, который был учрежден в Англии для обсуждения вопроса о пользе введения в Британской армии казнозарядного оружия. Оказалось, что этот особый комитет работал, что называется, не покладая рук. Всего за два летних месяца — июнь и июль — он заседал четыре раза. В ходе заседаний обсуждались доклады из воинских частей, где проходили испытания нового оружия.

В составе комитета были как сторонники, так и противники казнозарядного оружия. Однако вскоре удалось добиться единого решения: британская армия должна начать перевооружение казнозарядными винтовками.

Специалисты оружейной комиссии Российской империи тоже были вынуждены согласиться с недостатками системы, однако констатировали тот факт, что на сегодняшний день не существует пи одного образца казнозарядного оружия, который полностью удовлетворял бы всем запросам.

Так что, собственно, выбора не было. И ведущие страны мира, такие как Великобритания, Российская империя и другие, занялись поиском оптимальной системы для переделки дульнозарядных ружей. Следует отметить, что в этом поиске должная роль отводилась российскому военному агенту в Англии

генералу Николаю Новицкому.

В 1864 году в помощь ему в Лондон был направлен поручик артиллерии Иван Драшковский. Он заказал переделку 6-линейной винтовки по методу Снайдера, а также приобрел уже готовый карабин и привез его в Петербург. Специалисты оружейной комиссии внимательно изучили и испытали карабин.

Потом было заказано еще несколько винтовок, переделанных по системе Снайдера, но уже другого калибра и под иные патроны.

Винтовку под патрон Шепарда поручили испытать поручику Драшковскому, еще одну винтовку, но уже под патрон Потте — стрелковому батальону лейб-гвардии Его Величества.

В июне 1866 года оружейная комиссия сделала заключение, что ружья Снайдера в том виде, в каком они были предоставлены, не могут быть признаны удовлетворительными. Казалось, на этом поставлена точка. Однако в спор специалистов-оружейников вновь вмешался генерал Новицкий. Он представил рапорт, в котором сообщал, что английский комитет провел большие испытания в Вульвиче. Из 50 стрелковых систем были выделены лучшие. Среди них системы Грина, Джослина, Вилсона, Вестлей Ричардса, Строма и уже хорошо известная нам система Снайдера. И все-таки в окончательном варианте комитет остановился на системе Снайдера и рекомендовал се для переделки 200 тысяч ружей. Правда, теперь эта система вновь была усовершенствована и разработана под новый металлический патрон. Более того, Новицкий сообщал, что решение комитета уже переведено в практическую плоскость: несколько тысяч новых винтовок проходят испытания в войсках.

Рапорт военного агента Новицкого заставил оружейную комиссию возвратиться к обсуждению системы Снайдера. Однако в России к тому времени полным ходом шла переделка ружей по системе Карля, и уже возвращаться к Снайдеру и приспосабливать к нему русские оружейные заводы было бы слишком разорительным.

Что же касается генерала Новицкого, то он докладывал и о других винтовках системы Шасспо, Пиободи, Бокла.

Знали в русской оружейной комиссии и о конкурсе, объявленном английским комитетом на изготовление однозарядных и магазинных винтовок. В ходе конкурса были испытаны 94 оружейных системы. Лучшими признаны винтовки Ремингтона, Генри, Бартона, Фосбери, Мартини и другие. Все они хорошо были изучены российскими оружейниками.

Полковник Петр Альбединский, посланный в Париж, тоже действовал весьма эффективно. Достаточно сказать, что

донесение, в котором аргументированно и весьма профессионально проводился разбор испытаний новых ружей и пуль, которые прошли во Франции, заставили рассмотреть этот вопрос на заседании Оружейного комитета России. Основываясь на выводах военного агента Петра Альбединского, комитет принял судьбоносное для русской армии решение: поставить на вооружение нарезные винтовки вместо гладкоствольных, с облегченными патроном и пулей.

Контрразведка докладывала, что Альбединский «сумел ловко расспрашивать об организации армии, о проходивших изменениях в огнестрельном оружии».

Доподлинно известно, что Петру Павловичу удалось завербовать очень ценного агента. Им был не кто иной, как личный ординарец французского императора. Он-то и передал российскому военному агенту чертежи нарезного оружия 12-го калибра, а также результаты его испытаний.

Достойным последователем полковника Петра Альбединского стал генерал-майор Петр Витгенштейн. Он был выходцем из древнего княжеского рода Витгенштейнов. Первый офицерский чин Петр Львович получил в 1851 году.

Будучи военным агентом в Париже, он внимательно следил за развитием военной техники и оружия. В 1862 году Витгенштейн направил в Россию рапорт о переделке во Франции дульнозарядных ружей в казнозарядные по системе Антуана Альфонса Шасспо. Он сообщал, что артиллерийский комитет Франции тщательно собирает сведения обо всех исследованиях этой ружейной системы, проводимых в других странах, а также сам проводит испытания. Так в Венсенской стрелковой школе прошли стрельбы, в ходе которых система Шасспо была признана лучшей. По итогам этих стрельб французы приняли решение продолжить испытание системы в войсковых условиях.

Через два года Петр Витгенштейн сообщил, что система Шасспо с кансольным воспламенителем почти окончательно избрана для переделки старых ружей.

Однако между специалистами вновь разгорелись споры. Достаточно авторитетный французский генерал Бурбака выступал за введение казпозарядных систем, но не консольного воспламенения. Его поддерживал военный агент Франции в Пруссии Тоннер.

И тем не менее в 1865 году Петр Витгенштейн окончательно сообщил, что после испытаний двадцати пяти систем оружия на вооружение французской армии все-таки была принята игольчатая система Шасспо.

В донесениях нашего военного агента в Париже речь,

разумеется, шла не только о названном оружии. Он подробно докладывал и о винтовке Якоба Снайдера, об опытах по переделке старых французских винтовок по этой системе.

Не менее успешно вели разведработу и другие военные агенты — полковник барон фон Торнау в Вене, гвардейской артиллерии штабс-капитан Франкини в Константинополе и прибывший несколько позже в Неаполь полковник Гасфорд.

Так, в 1867 году барон Торнау прислал в Петербург рапорт о заказах австрийским артиллерийским ведомством ружей системы Венцеля и Верндля. Первая система применялась для переделки старых ружей, вторая использовалась при изготовлении нового вооружения. Самому изобретателю Верндлю было заказано изготовление нескольких тысяч винтовок.

К завершению 1868 года военное руководство Австрии желало иметь более полумиллиона казнозарядных винтовок, сто тысяч из которых — новой системы Верндля. Однако наш военный агент оценивал возможность австрийских оружейных заводов скромнее и считал, что к назначенному сроку они поставят в армию не более четырехсот тысяч винтовок.

Кроме европейских государств — Англии, Франции, Австрии, Швейцарии, Голландии, которые вели активное переоснащение своих армий, Россию весьма волновало состояние вооружения се ближайшего соседа — Турции.

Военный агент в Константинополе Виктор Франкини был артиллеристом, выпускником Михайловского артиллерийского училища, и потому оружие любил, изучал и хорошо знал. С таким же уважением он относился и к оружию противника. Поэтому, не ожидая особых напоминаний из Петербурга, уже в первый год своего пребывания в командировке он добыл материал о винтовке системы офицера бельгийской службы Терссена и передал его в Россию.

Оружейная комиссия подвергла испытаниям ружье Терссена вместе с другими винтовками Альбини, Крика, Баранова.

В 1867 году Франкини сообщил, что турецкое руководство после долгих размышлений для переделки старых винтовок приняло-таки систему Снайдера и заключило контракт с литтихской фабрикой па переделку тридцати тысяч ружей.

Однако туркам и этого показалось мало. Они закупили еще 4500 карабинов, переделанных в казнозарядные по системе Снайдера.

Военный агент Виктор Франкини указывал, что турецкое правительство перевооружению войск придаст особое значение. Офицеры и солдаты плохо обмундированы и накормлены, часто им не выдают жалование, по вес деньги уходят на переделку и

закупку нового вооружения.

Очень продуктивно работал и российский военный агент в Брюсселе флигель-адъютант Эммануил Мещерский. До командирования за границу князь Мещерский успел послужить в кабардинском пехотном полку унтер-офицером. За боевые отличия был произведен в офицеры. Отличился в боях на Кавказе — в Аухте и в Большой Чечне. А вскоре показал себя весьма знающим и умелым разведчиком.

Судя по протоколам заседаний оружейной комиссии Арткома Главного артиллерийского управления, штабс-ротмистр Эммануил Мещерский только в 1867 году передал следующие разведсведения и образцы вооружения.

Итак, это материалы по системе Альбини, данные о новых металлических патронах с рисунками, отчет артиллерийского управления в Бельгии с программой испытаний стрелкового оружия, еще один доклад о новом патроне с металлической гильзой фабриканта Рошара, брошюра о ружьях системы Кохрана.

Теперь назовем образцы, добытые военным агентом: ружье системы Альбшш, две картечницы Кристофа, образцы новых металлических патронов, 2000 патронов от фабриканта Монтиньи.

В следующем году Мещерский доставил в Петербург ружье системы Террсена с патронами. В 1869 году руководству был представлен новый экземпляр этого ружья, а также винтовка Литтихского оружейника Бови и патроны к нему, ружье фабриканта Генри, духовое ружье бельгийца Галана.

Список добытых образцов оружия и разведматериалов по ним можно продолжать и дальше. Они являются подтверждением эффективности работы военного агента в Брюсселе.

Следует сказать, что после успешной военно-дипломатической и разведывательной деятельности Эммануил Мещерский был прикомандирован к прусской армии во время Франко-прусской войны 1870–1871 годов. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, командовал первой батареей 14-й артиллерийской бригады и геройски погиб на Шипке при отражении атаки турок на гору Св. Николая.

Однако в 1856 году за границу были посланы не только военные, но и военно-морские агенты. Это случилось сразу после заключения Парижского договора. Генерал-адмирал и управляющий Морским министерством великий князь Константин Николаевич писал министру иностранных дел: «… Признаю совершенно необходимым иметь при посольстве нашем в Лондоне способного, весьма образованного и весьма опытного морского офицера…»

Что же хотел от такого «морского офицера» в Лондоне великий князь и морской министр? Да, собственно, желал он одного — «подробных сведений о всех новейших улучшениях по морской части…»

Константин Николаевич понимал: источником угрозы для России является Англия. Это в первую очередь она навязала кабальные условия Парижского договора, по которому Российская империя не могла держать флот па Черном море.

Однако и этого «британской владычице морей» было мало. Она выражала недовольство итогами Парижского договора и стремилась положить конец возрождению России как военной и военно-морской державы. Оттого-то и нужен был в Лондоне «весьма образованный и весьма опытный морской офицер». И такой офицер нашелся.

Первым военно-морским агентом в столице Британии стал генерал-адъютант вице-адмирал Ефимий Путятин.

Когда Ефимий Васильевич попал на острова Туманного Альбиона, ему исполнилось 42 года. Он оказался самым старшим и опытным из плеяды военных и военно-морских агентов. За плечами у Путятина был морской кадетский корпус, служба мичманом на фрегате «Крейсер».

Куда только не бросала судьба Ефимия Путятина — на Балтику, на корабли Средиземноморской эскадры, на Черноморский флот.

Ко времени приезда в Лондон Путятин имел не только опыт кораблевождения, но и дипломатии. В 1842 году он возглавлял русскую дипломатическую миссию в Персию. Успех ее был широко известен. Путятин и его соратники добились для России отмены ограничений па торговлю и наладили пароходное сообщение на Каспийском морс.

Через десять лет Путятину поручили возглавить русскую миссию в Японии. Надо было установить дипломатические и торговые отношения со Страной восходящего солнца. Результат «путятинской» миссии — первый русско-японский договор 1855 года.

Он и после возвращения из Лопдопа вновь возглавит дипмиссию на Дальнем Востоке и заключит Тяньцзуньский трактах с Китаем.

Путятин вновь появится в Лондоне в 1858 году в том же качестве военно-морского агента Российской империи.

В 1860 году военно-морским агентом при российских посольствах в Италии, Великобритании и Франции станет контр-адмирал Григорий Бутаков. К тому времени Григорий Иванович был достаточно известным и любимым во флоте офицером. Он

командовал тендером «Поспешный», фрегатом «Владимир», участвовал в героической обороне Севастополя, отличился при обороне Малахова кургана. Занимал высокий пост начальника штаба Черноморского флота, был губернатором Николаева и Севастополя.

Контр-адмирал Бутаков прославился как ученый и теоретик военно-морского искусства. он составил «Свод морских сигналов», создал труд, отмеченный Российской академией наук, — «Новые основания пароходной тактики».

Морской офицер Иван Лихачев в один из периодов своей службы на Черном морс занимал должность начальника штаба при заведующем морской частью в николаевском порту контр-адмирале Бутакове. Позже он повторит путь своего командира и старшего товарища — тоже станет военно-морским агентом Англии и Франции. Случится это в 1867 году. До этого Иван Федорович пройдет большой путь — станет флаг-офицером при адмирале В. Корнилове, возглавит переход из Балтийского на Черное морс отряда корветов, будет служить на Тихом океане, командовать отрядом крейсеров на Балтийском флоте, возглавит первую броненосную эскадру.

Кроме Англии, Франции и Италии с 1872 года Россия будет назначать своих военно-морских агентов и в Австро-Венгрию. Первым таким агентом в этой стране (а также по совместительству в Италии) станет адмирал Иван Шестаков.

Жизнь и служба Шестакова в чем-то похожа на жизнь своих предшественников. Военно-морским агентом он стал достаточно поздно — в 52 года. До этого служил адъютантом у командующего Черноморским флотом адмирала М. Лазарева, командовал тендером «Скорый», вместе с адмиралом Бутаковым составлял первую лоцию Черного моря, руководил Средиземноморской эскадрой, а после возвращения из заграничной командировки был назначен на высокий пост управляющего Морским министерством.

В заслугу Ивану Алексеевичу ставится то, что он смог добиться утверждения 20-летней программы (1883–1903 гг.) кораблестроения, но шторой в России был построен океанский броненосный флот.

В 60-е годы произошло и еще одно важное событие, узаконившее пребывание за рубежом в составе дипломатических миссий военных и морских агентов. Мировое сообщество официально признало их статус и распространило на агентов все привилегии чиновников дипкорпуса.

Нельзя не отметить, что в ходе милютинских военных реформ в армии была восстановлена централизованная система разведки.

27 сентября 1863 года император Александр II утвердил на два года «Положение и штаты Главного Управления Генерального штаба». С этого дня в России вне зависимости от организационно-штатных мероприятий, изменений названия и даже общественно-политического строя будут действовать центральные органы военной разведки. А за рубежом работать военные и морские агенты при российских дипломатических представительствах.

Руководят сетью военных разведчиков два органа — военно-ученое и азиатское отделения Главного управления. Позже, поскольку «Положение» было временным, принятым на два года, военно-ученое отделение станет Военно-ученым комитетом.

Азиатское отделение в 1867 году будет переименовано в азиатскую часть и на нее возложат весь комплекс разведзадач азиатского региона. Через два года часть переименуют в делопроизводство. В нем «сосредотачиваются дела, касающиеся военных округов Кавказского, обоих Сибирских, Оренбургского и Туркестанского».

Что же касается военно-морского флота, то за годы реформ и там произойдут большие изменения. В 1856 году в России создается Кораблестроительный технический комитет. В его функции входило планирование и рассмотрение программ строительства судов. Естественно, для комитета были очень важны сведения о военном кораблестроении иностранных государств, вооружении и технических средствах их флотов.

В 1856 году на морской ученый комитет возлагаются задачи по развитию «мореходных и вспомогательных наук, для совершенствования морских сил», в свою очередь корабельный технический комитет должен был отслеживать все «улучшения по технической части кораблестроения» как в России, так и за рубежом.

В отчете о посещении лондонской выставки 1862 года по предметам кораблестроения, мореплавания и артиллерии, к примеру, говорилось: «… Морскому ведомству через своих постоянных агентов, живущих в Лондоне, весьма полезно приобрести подробные чертежи всего того, что относится как до отливки снарядов, так и до их контроля при приеме заводов…»

Военно-морская разведка той поры опирается не только на своих «гласных» агентов, но и направляет за границу офицеров, которые следят за постройкой кораблей для российского флота, служат волонтерами в экипажах судов иностранных государств, входят в состав научных экспедиций.

А вот зарубежные силы и средства, скажем так, сухопутной военной разведки России представлены в основном военными агентами. В Париже работает полковник князь Витгенштейн, в

Вене — генерал-майор барон Торнау, в Лондоне — кавалергардского полка полковник Новицкий, в Берлине — генерал-адъютант граф Адлерберг.

Пожалуй, самый известный и заслуженный из этой «смены» военных агентов — граф Николай Владимирович Адлерберг. Он происходил из балтийских немцев. Родился в семье члена Государственного совета Российской империи Владимира Федоровича Адлерберга. В 11 лет зачислен пажом к высшему двору. В 1830 году поступил в Пажеский корпус, а через шесть лет — в лейб-гвардии Преображенский полк.

В жизни Николая Адлерберга было все — торжественные парады перемежались с военными действиями, участием в боевых походах.

В 1839 году он принимает участие в торжественном открытии памятника Бородинской битвы, в следующем году командирован в Берлин на похороны прусского короля Фридриха Вильгельма III, несет караул при теле усопшего, а уже в 1841 году подпоручик Адлерберг воюет с горцами на Кавказе, штурмует укрепленный аул Чиркей, идет в бой при Акташ-Аухе, при Тепи-Юрте, при селе Архой в Малой Чечне.

С 1841 года уже поручик Адлерберг вновь в составе отдельного Кавказского корпуса. Он со своим подразделением прикрывает саперов, которые прокладывают дорогу, идет в авангарде частей генерала Фрейтага при проходе через Хубарскую позицию, командует правой колонной отряда, двинувшейся к укрепрайону Шамиля, затем состоит в авангарде генерала Пассека, принимает участие во всех боях, показывает себя храбрым, грамотным офицером.

В звании капитала в 1848 году Николай Владимирович назначен заведовать делопроизводством по особо секретным делам канцелярии Военного министерства.

Потом снова были бои и походы в Галиции и Венгрии. В 1853 году Адлерберг — градоначальник Таганрога, в 1854-м — военный губернатор Симферополя. В апреле следующего года он был удостоен звания генерал-майора, а через пять месяцев назначен состоять при миссии в Берлине. Там он прослужил десять лет. По возвращении назначен генерал-губернатором Финляндии, с 1881 года — член Государственного совета.

Следует отметить и тот факт, что накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 годов военная разведка использовала не только официальные «гласные» источники. Этого требовала предвоенная обстановка.

В 1875 году против турецкого засилия выступили народы Боснии и Герцеговины, вслед за ними поднялись жители Сербии,

Черногории, Македонии.

Весной 1876 года пламя борьбы перебросилось в Болгарию. Турки ответили жесточайшим террором. Они подавили национальное движение в Боснии и Герцеговине, утопили в крови восстание болгар во главе с Христо Ботевым.

Россия сама находилась в крайне сложном положении. После поражения в Крымской войне в армии и во флоте оставалось много неразрешенных проблем, не была завершена военная реформа, перевооружение, чувствовалась острая нехватка хорошо подготовленных солдат-резервистов.

Министерство иностранных дел Российской империи пыталось дипломатическими методами добиться облегчения положения христианских народов на территории Турции. Однако этого не удалось сделать. Султан отверг проект автономии некоторых провинций в Болгарии, в Боснии и Герцеговине. Стало ясно — война на пороге.

Российская империя развернула в Бессарабии части действующей армии. В случае войны эти войска должны были вынести основную тяжесть боев. Сложностей — немало. Однако особенно остро ощущалась нехватка свежей, а главное, регулярной разведывательной информации, как сугубо военного, так и военно-политического характера. Командующий группировкой великий князь Николай Николаевич желал четко представлять дислокацию гарнизонов турецких войск на территории Болгарии, их вооружение, численный состав, фортификационные сооружения.

Для этого следовало заслать в одну из близлежащих к Болгарии стран своего человека. Однако миссия столь сложна и ответственна, что великий князь был в раздумьях.

Выбор пал на офицера по особым поручениям полковника Петра Паренсова. Он вскоре исчез из ставки, зато в Румынии у российского консула в Бухаресте барона Стюарта появился «родственник», прибывший из Кишинева.

Первым делом Петр Дмитриевич (а теперь Пауль Паульсон) заводил нужные знакомства, наносил визиты известным в столице людям, кутил, был щедр и участлив. Словом, вел себя как богатый родственник консула, не обремененный службой и заботами. На самом деле Паренсов подбирал себе помощников, изучал обстановку.

Вскоре агентурная сеть Петра Дмитриевича состояла из разных по своему положению людей. В их числе был, к примеру, как местный староста Матюшев, так и крупный зерноторговец и банкир Евлогий Георгиев. Однако всех их объединяло одно — они любили свою попранную Родину, были патриотами Болгарии.

Матюшевские агенты следили за передвижением турецких судов по Дунаю. Братья Христо и Евлогий Георгиевы держали склады по всей Болгарии. Их торговые агенты мотались по стране, доставляя ценную информацию, а также вместе с зерном везли в Румынию и разведсообщения для Пауля Паульсона. Вскоре эти сообщения попадали в ставку русских войск в Бессарабии.

Сам Паульсон тоже был человеком беспокойным, не засиживался подолгу в столице. То и дело пересекал Дунай, объясняя туркам, что вынужден посетить могилу своего родственника. Паренсов понимал, что вскоре нашим войскам придется форсировать Дунай, и потому сам проводил рекогносцировку местности, изучал, уточнял береговые позиции турецкой армии.

Когда 15 июня 1877 года передовой отряд под командованием генерала Гурко пошел на форсирование Дуная, у командующего были все необходимые сведения о противнике. В успехе отряда Гурко несомненно есть большая доля труда одного из первых наших военных разведчиков-нелегалов — Петра Дмитриевича Паренсова.

Управляющий военно-ученым комитетом генерал Н. Обручев так оценил работу полковника Паренсова. «Никогда еще, — восхищался генерал, — данные о турецкой армии не были столь тщательно и подробно разработаны, как перед минувшей войной: до местонахождения каждого батальона, каждого эскадрона, каждой батареи…»

Остается добавить, что после войны и освобождения Болгарии русский военный разведчик Петр Паренсов стал военным министром этой страны. На базе ополченских отрядов он сформировал болгарскую армию, открыл военное училище.

Несмотря на одержанную победу после Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, становится ясно, как писал управляющий военно-ученым комитетом: «… политические осложнения, вызванные последней войной, обнаружили, что при настоящем своем устройстве Комитет не может вполне удовлетворительно отвечать этой задаче». Речь шла, разумеется, о разведке. Были разработаны предложения по увеличению штатов руководящего органа разведки. Но военный министр рекомендовал «при теперешнем требовании от всех ведомств сокращения расходов», наоборот, уменьшить штат. К счастью, на Военном совете удалось отстоять предложения об увеличении числа делопроизводителей.

Выросло количество сотрудников и в Азиатской части, но и задачи выроста многократно: «в связи с развитием наших Азиатских окраин» и «периодическим осложнением в

сопредельных с нами государствах». Теперь уже делопроизводители Азиатской части должны были не только «снаряжать военно-ученые и другие экспедиции», но и заниматься «сбором и обработкой сведений о вооруженных силах Азиатских государств». В их обязанности входили и «сношения с военными агентами» в этих государствах.

Таким образом, роль Азиатской части под воздействием военно-политических факторов постоянно росла, становилась весомее. И это вполне соответствовало духу времени. Ведь на Дальнем Востоке между Японией и Китаем назревал конфликт, в который могли вмешаться и европейские государства.

Революционные ветры в Японии разрушили вековую изоляцию страны от остального мира и пробудили воинствующие силы самураев. В 1847 году Япония попыталась захватить Тайвань.

Военно-политическая обстановка осложнилась. Для России она осложнилась в особенности. На всех театрах военных действий — в Европе, Азии, особенно па Дальнем Востоке — империи нужна была сильная армия, флот, а вместе с ними — эффективная военная разведка.

РУЖЬЕ ДЛЯ РУССКОЙ АРМИИ

Военные агенты Российской империи, работавшие за рубежом во второй половине XIX века, были выходцами из знатных, богатых семей. Они носили графские и княжеские титулы. Николай Игнатьев был графом, фон Торнау — бароном, Витгенштейн — князем. Все, как правило, получали хорошее по тем временам образование. Обучались, к примеру, в Пажеском Его Величества корпусе, потом заканчивали Николаевскую академию Генерального штаба. Случалось, что образование исчерпывалось обучением в корпусе. Порою было и по-другому. Тот же барон Торнау являлся выпускником благородного пансиона при императорском лицее.

Однако даже этим достаточно образованным людям не хватало технических знаний. Из «первого призыва» военных агентов 1856 года, командированных Александром II за границу, только Виктор Франкини окончил Михайловское артиллерийское училище и достаточно профессионально разбирался в артиллерийских и стрелковых системах.

Со временем понимание того, что военным агентам нужны помощники по технической части, придет. Но это будет позже, уже в начале следующего века. Такую должность введут, правда, только две на все европейские резидентуры.

Интересные примеры технической безграмотности наших военных агентов приводит Т. Ильина в своей книге «Военные агенты и русское оружие».

«С обязанностями официального представления они справлялись, — пишет автор, — но в технических вопросах разбирались слабо… Военный агент в Вене прислал чертеж трубки австро-венгерской полевой артиллерии № 5. Оказалось, что это — копия контракта на поставку повозок».

Следуя донесению агента, Генеральный штаб предложил приобрести негласным путем германский порох последнего образца но весьма дорогой цене — 1 франк за грамм. ГАУ заказало 500 граммов, а военный агент прислал старый, который никакого интереса не представлял.

Военный агент в Брюсселе должен был купить образец дистанционной трубки. Чертеж и описание се купили, а оказалось, что это «грубо отделанная болванка, похожая на трубку».

В таких условиях технически грамотные военные агенты были, что называется, на вес золота. Первым среди них, несомненно, следует считать Александра Павловича Горлова. В

плеяде самых ярких военных дипломатов России он занимает особое место. Талантливый ученый, высокопрофессиональный технолог, успешный конструктор, смелый разведчик — все это о нем, о генерале Горлове. И тут нет преувеличения. Полтора десятка лет провел он за границей, изучая иностранное вооружение. Сначала это были поездки в Европу — в Бельгию, в Англию — для сбора сведений по артиллерийской части, для постройки лафета, потом в Соединенные Штаты Америки. Там он провел более трех лет, в том числе и в качестве военного агента.

С 1873 по 1882 год генерал Горлов представил Российскую империю в Великобритании.

За эти годы Александр Павлович досконально изучил военную промышленность США и Англии. Авторитет генерала Горлова был столь высок, что трижды по его рекомендации в русский армии принимали па вооружение лучшие зарубежные образцы огнестрельного оружия — винтовку, созданную па основе системы Бердана, картечницу Гатлинга — Горлова и револьвер Смита-Вессона. А в 1881 году по настоянию Александра Павловича наша армия получила новое холодное оружие — драгунские казачьи шашки и палаши.

Жизнь и боевая практика войск показала, что генерал Горлов не ошибся в выборе — два десятка лет помогала побеждать воинам русской армии на полях сражений надежная винтовка Бердана, еще больше — четверть века служил верой и правдой мощный револьвер Смита-Вессона.

Таков весомый вклад генерал-лейтенанта Александра Павловича Горлова в дело вооружения и укрепления боеспособности русской армии в 1860—1880-е годы XIX столетия. Следует подчеркнуть: то, что сумел сделать Горлов, не удалось повторить никому. Свой уникальный талант военного дипломата и оружейника, помноженный на энергию, глубокие знания и опыт, Александр Павлович отдал до конца своей Родине.

Кто же он такой, генерал Горлов, и как ему удалось совершить столько славных дел во имя России?

…Маленький Саша появился на свет в дворянской семье, в Казанской губернии в 1830 году. На службу поступил фейерверкером в 13 лет. Через полгода стал юнкером Михайловского артиллерийского училища. От своих сверстников отличался тем, что любил и желал учиться. Свой первый офицерский чин подпоручика получил не за ратные подвиги, а именно за отличие в науках.

В 1850 году подпоручик Горлов был выпущен из офицерских классов Михайловского артиллерийского училища и определен в конно-артиллерийскую бригаду. Однако прослужил он в бригаде

недолго. Его научные способности, знания артиллерийского дела были по достоинству оценены: Горлова принимают на службу в Военно-ученый совет, назначают на должность помощника ученого секретаря артиллерийского отделения.

Семь лет Александр проходил в помощниках. Однако это не смущает молодого офицера. Кроме исполнения своих служебных обязанностей он активно занимается наукой. Его интересуют, например, проблемы отката артиллерийского лафета во время стрельбы. И Горлов проводит опыты, в ходе которых исследует законы отката.

В 1858 году Александр Павлович становится ученым секретарем. В следующем году отделение преобразуют в Артиллерийский комитет. Ученым секретарем Арткома утвержден Горлов.

К тому времени он уже совмещает работу в комитете с преподаванием в артиллерийской академии.

В этот период Горлов время от времени выезжает в командировки как по России, так и за рубеж. В 1858 году он испытывает мортиры станка в Калуге, а в следующем году направляется за границу — в Бельгию, потом в Англию.

Дома, в заграничных командировках Александр Павлович старается разрешить сложную конструкторскую проблему: создать лафет для казнозарядной пушки.

И такой лафет для восьмидюймовой пушки был разработан и принят на вооружение русской армии. После проведенных испытаний лафеты Горлова разместили в казематах Кронштадта.

В 1865 году начинается новый этап в жизни полковника Александра Горлова. Он едет в Северо-Американские Соединенные Штаты. Цель поездки — сбор сведений о развитии артиллерии.

Сведения были успешно собраны, отчет о состоянии артиллерии в США составлен. Кроме того, Горлов привез в Россию из-за океана новые американские винтовки. Испытания этих винтовок убедительно доказали, что Соединенные Штаты по уровню стрелкового оружия оказались далеко впереди самых развитых стран Европы. В Главном артиллерийском управлении приняли решение: используя американский опыт и технологии, создать новую современную винтовку. Если эксперимент удастся, этой винтовкой перевооружить русскую армию.

В ГАУ понимали, сколь важна и ответственна эта задача. Туг нужны были люди, обладающие разносторонними качествами, как дипломатическими, военно-техническими, так и сугубо деловыми. Такими людьми оказались полковник Александр Горлов и поручик Карл Гунниус.

Карл Иванович был младше Горлова, но ко времени их командировки немало повидал и испытал. Окончив Михайловское артиллерийское училище, участвовал в боевых действиях против горцев, удостоился ордена и медали, а в 1861 году был прикомандирован к оружейной комиссии. С тех пор увлекся конструированием стрелкового оружия. Позже, по возвращении из США, он, как талантливый инженер, возглавит патронный завод.

Словом, в январе 1867 года Горлов и Гунниус ступили на американскую землю. За дело взялись энергично. Сначала тщательно изучили образцы нового стрелкового оружия и патронов. Познакомились с изобретателями-оружейниками, побывали на заводах, приняли участие в испытаниях образцов оружия. Так, интересными оказались конкурсные испытания новых казнозарядных винтовок в Нью-Йорке. Правда, на них Горлов и Гунниус оказались не одни. Сюда также были приглашены специалисты-оружейники из Англии, Дании, Испании. 25 систем были представлены на конкурс. Лучшие результаты показали винтовка Пибоди, Ремиштона-Ройдера и Бердана.

Следующий конкурс, на котором побывали Горлов и Гунниус, проводился в Вашингтоне. Здесь они изучили 15 систем магазинного оружия.

После проведенной работы русские офицеры пришли к выводу о необходимости создания для русской армии новой однозарядной винтовки. Остановились на винтовке системы Бердана.

В июле 1867 года в своем рапорте Горлов и Гунниус докладывали: *«Вопрос относительно выбора наилучшей системы скорострельного оружия нами решен. Новая, усовершенствованная система Бердана превосходит все другие известные доселе в Америке и имеет действительно столь замечательные качества, что мы нимало не колеблемся, предлагая исключительно это ружье для вооружения русской армии. Как результат всех наших трудов за все время пребывания нашего в Америке мы представляем ружье Бердана и его патрон».*

Однако, несмотря на то что система была определена, предстояло еще усовершенствовать сам образец новой винтовки. Этим и занялись наши офицеры. По разным источникам, Горлов и Гунниус внесли в винтовку Бердана от 20 до 35 конструкторских изменений и улучшений. Был усовершенствован также и патрон к этой винтовке.

В октябре 1868 года наконец вес работы — от создания винтовки и патрона до подписания контрактов с заводами —

завершились.

Карл Гунниус с повой винтовкой отбыл из США в Россию. Горлов остался в Америке. У пего хватало забот: он постоянно находился на заводе Кольта, где выпускались винтовки, следил за выполнением заказа. В конце рабочего дня ему приходилось отправляться на завод в Бриджкорт. Там шло изготовление патронов. Нередко случалось выезжать и в Нью-Йорк для оплаты счетов по заказам.

В общем, здесь он был, как говорят в России, «и швец, и жнец, и на дуде игрец», — конструктор, технолог, финансист, контролер.

Правда, вскоре изменился и его статус. В апреле 1868 года пришло известие Александр Павлович Горлов назначен российским военным агентом в США.

Впрочем, делами о выполнении заказа и поставке винтовок Бердана в Россию заботы Горлова не ограничивались. Только весной 1870 года он отправит на родину последнюю партию оружия — ящики с винтовками и патронами, а еще в 1867 году получит от Арткома задание — собрать наиболее полные сведения о картечнике Гатлинга. Эта система относилась к многоствольному револьверному типу картечник с вращающимися стволами.

Горлов, изучив систему, ответит в Артком, что артиллерийское ведомство США дало оружию положительную оценку и сделало заказ на сотню установок.

Александр Павлович был лично знаком с изобретателем картечниц Ричардом Гатлингом и достаточно хорошо знал их производство, так как они выпускались на том же заводе Кольта. Именно поэтому он сделал окончательное заключение в пользу систем Гатлинга и доложил в Артком, что «введение таких орудий в нашу армию совершенно необходимо».

Горлов занялся усовершенствованием системы Гатлинга и в ходе этой работы по сути создал новый вариант картечницы, приспособив ее под русский патрон. Когда система была создана в Америке, она получила название картечницы Гатлипга — Горлова.

Заказ на изготовление этих картечниц Александр Павлович разместил на хорошо знакомом ему заводе Кольта. Однако на этом его деятельность не закончилась. Он умело работал с компанией «Пушки Гатлинга», и в ноябре 1869 года президент компании подписал свидетельство, которое давало правительству России право изготовлять картечницы на отечественных заводах.

В 1870 году картечницы приняли на вооружение части полевой артиллерии русской армии.

Крупнейший биограф и исследователь деятельности Александра Горлова Т. Ильина, рассказывая об этом периоде его жизни, питает: *«Неустанные труды генерала Горлова по созданию нового скорострельного оружия, организация его производства для России и в России подходили к концу. Отправив на родину винтовки, картечницы, револьверы, патроны, их чертежи и станки, он сделал все, что было в его силах, для перенесения американского производства на русскую почву».*

Домой в Россию генерал-майор Александр Горлов возвратился в 1870 году. Интересно, что его возвращение сыграло решающую роль в том, что на вооружение русской армии был принят револьвер Смита-Вессона, а не какой-нибудь другой.

Дело в том, что Артком давно ломал голову над поиском нового образца пистолета или револьвера. Спорили специалисты, боевые офицеры, рассматривались разные системы оружия. В 1870 году проводились испытания револьвера Галана, однозарядных пистолетов Бердана и Ремингтона, двухзарядного пистолета Лилиенфельда.

Предварительную победу одержал пистолет Ремингтона. Признали, что пистолет может быть пригоден для вооружения.

Что ж, возможно, так бы и случилось, но Ремингтону не повезло. Из-за океана после длительной командировки вернулся военный агент в США генерал Горлов. Он доставил в Россию усовершенствованный револьвер Смита-Вессона и сумел доказать оружейной комиссии, что это лучший па сегодняшний день револьвер.

В следующем, 1871 году револьверы Смита-Вессона были приняты на вооружение в русской армии, а завод Спрингфельда в США получил крупный заказ на изготовление 20 тысяч револьверов с патронами.

Этот револьвер разных образцов состоял на вооружении в кавалерийских и конно-артиллерийских частях, на флоте и даже в жандармских и конвойных подразделениях.

На родине генерал Горлов задержался ненадолго. Уже в 1873 году Высочайшим повелением он был назначен военным агентом в Англию.

Войдя в курс дел, Александр Павлович обратился к своей любимой теме. В Лондоне на сей раз его привлекло холодное оружие. Как всегда, Горлов обстоятельно занялся изучением вопроса: познакомился с представителями фирмы-изготовителя, побеседовал, как он сообщает, с «авторитетами по фехтованию», прочел некоторые сочинения, касающиеся холодного оружия, разумеется, рассмотрел образцы. И в конце концов пришел к выводу, что «наши нынешние образцы холодного оружия требуют

существенных изменений, чтобы не отстать от иностранного».

Об этом в апреле 1874 года в письме на имя военного министра и поведал Александр Павлович Горлов. Аргументы опытного военного агента в Лондоне убедили министра. Горлову выслали несколько образцов офицерского и солдатского оружия и поручили на английском заводе изготовить новые сабли и палаши в соответствии с его предложениями.

А предлагал Горлов вот что. В России главным назначением холодного оружия всегда была рубка, тогда как в Англии и во Франции — «колотие, — считал агент, — как самый опасный для противника способ действия». И потому сабли в этих странах были почти прямыми. А чтобы ими можно было и рубить, рукоятку сабли делали симметричной по весу с обеих сторон.

Нашей кавалерии, считал Горлов, не следовало бы оставаться со старыми саблями и рисковать понести страшные потери. Он предлагал принять один образец сабель для кавалерии, исключив кирасир. Кривизну сабли надо уменьшить, улучшить фигуру сечения, изменить рукоятку.

В следующем, 1875 году генерал Горлов приехал в Петербург и привез с собой новые образцы холодного оружия. Они были переданы в войска для проведения испытаний. Но началась Русско-турецкая война 1877–1878 годов, и о саблях Горлова забыли.

Но сам Александр Павлович о них не забывал. В конце 1879 года он попросился на побывку. Прибыв в Петербург, отыскал свое оружие и вновь начал испытания. И не отступил до тех пор, пока в 1881 году новые шашки и палаши не были приняты на вооружение.

Да, оружие стало любимой темой генерала Горлова. И здесь ему не было равных. Однако не забывал он и о других направлениях работы военного агента — добывал материалы и документы по вопросам обучения войск английской полевой артиллерии, обобщив разведданные, написал монографию «Вооруженные силы Англии», в которой раскрыл состав, организацию, численность, вооружение английской армии, места дислокации, военный бюджет, принципы обучения и комплектования.

За отличия в службе Александр Павлович Горлов в период своего пребывания в Англии был произведен в генерал-лейтенанты.

В 1882 году закончилась очередная длительная зарубежная командировка Горлова. Он возвратился на родину и принял должность инспектора местных арсеналов Главного артиллерийского управления.

Четыре года нес нелегкую инспекторскую службу генерал-лейтенант Александр Павлович Горлов. В 1886 году он ушел в отставку.

Скончался генерал Горлов уже в XX веке, в 1905 году.

ПОД ПЛАТЬЕМ МЕЛКОГО КЛЕРКА

До 1885 года в военно-морском флоте разведкой руководила канцелярия Морского министерства. Однако в этом году был восстановлен Главный морской штаб. В штатное расписание штаба вошел военно-морской отдел. Именно на него и возложили обязанности по сбору сведений об иностранных флотах. В ведении отдела находились и военно-морские агенты России.

В армии до конца XIX века зарубежной стратегической разведкой ведали два органа — военно-научный комитет и Азиатская часть Генерального штаба. Только в 1900 году в штат Главного штаба включена генерал-квартирмейстерская часть, состоящая из статистического и оперативного отделений. Теперь функции Азиатской части были переданы статистическому отделению.

Что же касается зарубежных сил генерал-квартирмейстерской части, то основные надежды возлагаются па тех же военных агентов.

Правда, здесь надо сделать некоторое отступление. В 1892 году была предпринята попытка укрепить зарубежные силы, расширить их круг.

Помните артиллерии поручика Петра Христофоровича Граббе, который в далеком 1810 году под видом канцелярского служителя при русской дипломатической миссии был послан в Мюнхен? С тех пор прошло более 80 лет. Не знаю, помянули ли добрым словом Петра Христофоровича нынешние министры— военного ведомства, внутренних дел и помощник министра иностранных дел, но по итогам своей встречи они выпустили протокол. Главное в этом протоколе было то, что высокие чиновники возвратили к жизни идею возрождения негласных военных агентов — специально отобранных офицеров.

Вскоре первые негласные военные агенты выехали за рубеж: секретарями в консульство в Кёнигсберг штабс-капитан Нолькен, в Будапешт — Генерального штаба капитан Муравьев-Амурский и в Дрезден — штабс-ротмистр Миллер.

Казалось бы, ничто не может помешать начать успешную работу во благо разведки этим трем офицерам. Но увы. Многие детали и тонкости службы негласных военных агентов не были продуманы.

Во-первых, вес эти люди заняли весьма низкие должности секретарей консульств. А ведь на родине, в России они принадлежали к высшим слоям общества. Штабс-капитан Нолькен был бароном, Генерального штаба капитан Муравьев-

Амурский — графом. Они получили прекрасное образование, воспитание, закончили элитные военные учебные заведения. Мало того, что подобное назначение больно било по самолюбию, ущемляло их сословное положение, но назначение таких людей не могло ускользнуть от внимания контрразведки.

Во-вторых, отсутствовал опыт тайного внедрения военных агентов на эти должности. На первый взгляд нет ничего особенного в том, что, уволившись с военной службы, отставной офицер подаст рапорт на имя министра иностранных дел. Но как известно, это был «особый отставшие». И о нем сообщалось послу, но почему-то не секретной диппочтой, а обычным письмом. Естественно, такой пакет попадал в руки контрразведки, и они были готовы во всеоружии встретить подобного «секретаря».

Были и другие несуразности и просчеты. Так, секретарем консульства в Чифу, в Китай, в 1896 году прибыл полковник Десино. А вместе с ним приехал и помощник в звании поручика. Вот так секретарь консульства!

Естественно, под штатским платьем мелкого клерка китайцы быстро разглядели погоны. Десино неоднократно жаловался своему руководству, что окружающие уверены в том, что он военный агент, а порою и напрямую обращаются к нему по званию.

Таким образом, толковая, перспективная идея — внедрение в зарубежные страны негласных российских военных агентов — из-за плохой проработки была попросту дискредитирована. В конечном итоге Нолькена, Муравьева-Амурского и Миллера отозвали, а Десино назначили гласным военным агентом.

Разумеется, для сбора разведывательной информации использовались возможности различных научных экспедиций. Примером тому экспедиции известного русского путешественника, почетного члена Петербургской академии наук полковника, а потом и генерал-майора Николая Михайловича Пржевальского. Он руководил экспедицией в Уссурийский край и еще несколько раз выезжал в районы Центральной Азии. Из каждой поездки привозил ценные коллекции растений и животных, докладывал о географических открытиях. Однако Пржевальский всегда оставался прежде всего человеком военным, понимающим важность разведданных. Его описание Эрзерумского виласта очень помогло при планировании армейских операций на этом театре военных действий.

Кроме военно-научных экспедиций офицеры командируются за границу с конкретными разведывательными задачами. Такую задачу, к примеру, получил генерал-майор Алексей Куропаткин, кстати, будущий военный министр. В 1886 году он был направлен

с секретной миссией для сбора разведданных о турецких позициях на Босфоре. Заграничный паспорт ему выписали на имя Александра Ялозо. Официально он занимался самой прозаической деятельностью — закупкой скота.

О своем рискованном путешествии Алексей Куропаткин рассказал в книге «Семьдесят лет моей жизни».

Однако надо признать, что все эти разведмероприятия носили временный, нерегулярный, одноразовый характер и были ориентированы на решение конкретной, локальной разведзадачи. Системность в те годы просматривалась в работе, пожалуй, только одной категории специалистов — гласных военных агентов, а их обязанности охватывали комплекс задач, столь необходимых и важных для вооруженных сил страны.

Так в «Инструкции военным агентам», утвержденной военным министром в 1880 году, предписывалось: «Изучать состав и комплектование вооруженных сил; организацию и численность по мирным и военным штатам: расположение их и способы мобилизации и сосредоточения, устройство материальной и хозяйственной части, обеспечение вооружением, ремонтами, обозом, провиантом и фуражом; тактическое обучение войск, развитие военного образования в армии, бюджет государства, и особенно военный…»

В «Инструкции…» говорилось о методах разведработы, и конкретно «о заблаговременном приискании надежных лиц, через посредство коих можно было бы поддерживать связи со страной в случае разрыва», то есть, иными словами, на период военных действий.

Безусловно, «Инструкция…» документ важный и крайне нужный, но дело вершили конкретные люди, офицеры императорской армии и флота. Именно от них, от их умения, таланта, усердия зависели успехи или неудачи военной разведки.

Кого в те годы, в последнее десятилетие XIX века командировали за границу в качестве военных и военно-морских агентов?

В Германии почти семь лет с 1894 года работал подполковник, а потом и полковник Павел Енгалычев, в Берлине — полковник Александр Бутаков, в Австро-Венгрии — полковник Степан Воронин, а с мая 1900 года — подполковник Владимир Рооп. В Великобритании почти полтора десятилетия с 1891 по 1905 год Российскую империю в качестве военного агента представлял полковпик, позже генерал-майор Николай Ермолов, в Дании, Швеции и Норвегии полковник Михаил Фон-Блом, в Италии капитан князь Николай Трубецкой, в Греции, а потом в Турции — полковник Эммануил Калнин.

Военно-морское ведомство направило в Великобританию капитана 2-го ранга Ивана Григоровича, во Францию — лейтенанта Феликса Бэра, в Турцию — лейтенанта Андрея Эбергардга, потом — капитана 2-го ранга Аллана Шванка, в Германию — князя лейтенанта Александра Долгорукова.

По-прежнему сохранялась добрая традиция военных и военно-морских агентов подбирать тщательно, продуманно, выделяя для этой ответственной работы лучших. Среди них уже не было юных «зеленых» поручиков. Средний возраст агентов 35–40 лет. За плечами как минимум десять — пятнадцать лет службы в войсках и на кораблях.

Вот морской офицер Андрей Эбергардг. До командировки в Турцию служил на Балтике, на корвете «Скобелев», на Дальнем Востоке, в составе Сибирской флотилии, состоял адъютантом управляющего Морским министерством.

После двух лет командировки за рубеж командовал канонерской лодкой «Манчжур», крейсером 1-го ранга «Адмирал Нахимов», эскадренным броненосцем «Император Александр II». В 1908 году назначен на высокий пост начальника Морского Генерального штаба. В 1914 году стал командующим Черноморским флотом. Член Государственного совета, член Адмиралтейств-совета. Адмирал.

Его коллега, военно-морской агент в Великобритании Иван Григорович еще до назначения за рубеж успел окончить морское училище, служил на кораблях Балтийского флота, командовал монитором «Броненосец», минным крейсером «Всадник».

Возвратившись из Лондона, Иван Константинович вновь окунулся во флотскую жизнь — был начальником Порт-Артурского порта, начальником штаба Черноморского флота, морской обороны Балтийского моря, военным губернатором Кронштадта.

В 1911 году адмирал Григорович стал морским министром Российской империи.

Многие военные агенты по возвращении на Родину остались в структурах военной разведки. Степан Воронин, к примеру, вырос до начальника отделения генерал-квартирмейстерской части Генерального штаба, позже был назначен генерал-квартирмейстером Варшавского военного округа, генерал-лейтенантом. Эммануил Калнин также был произведен в генерал-лейтенанты и занимал пост окружного генерал-квартирмейстера Одесского военного округа.

Михаил Фон-Блом сделал политическую карьеру, заседал в сенате Финляндии, Павел Енгалычев — руководил Императорской Николаевской военной академией, Александр

Бутаков командовал дивизией, Владимир Рооп — кавалерийским корпусом, а накануне революции 1917 года возглавлял военную миссию в США.

Вот, собственно, что известно о судьбах наших военных и военно-морских агентов. Да, они безусловно достойные люди, которые внесли серьезный вклад в укрепление обороны Российской империи. Но нас в первую очередь интересует их роль в военной разведке той поры. Что же удалось им сделать за года, которые провели они за границей, в ведущих странах мира, по добыванию ценной информации, документов.

Надо прямо признать: многое неизвестно, большое количество материалов в революционных бурях, в пламени Гражданской войны утрачены навсегда.

Но кое-что, к счастью, дошло до нас. Например, о том, как работал в Германии военный агент полковник Александр Михайлович Бутаков. Он был весьма эрудированным, высокопрофессиональным офицером. Знал морское дело, поскольку окончил морское училище. Разбирался в тактике общевойскового боя, в оружии, технике, так как командовал ротой, батальоном, служил старшим адъютантом штаба пехотной дивизии.

Александр Михайлович знал стратегию. Николаевскую академию Генштаба он окончил по первому разряду.

В разведке Бутаков тоже был не новичком. Перед назначением военным агентом в Берлин он служил в канцелярии военно-ученого комитета Главного штаба.

Вот какие документы удалось ему добыть в 1894 году с помощью агентуры. Среди них доклад по оценке укреплений русской армии в Польше, а также оперативное планирование по переброске частей 12-го и 17-го немецких корпусов к границе Российской империи.

Крайне цепной оказалась и докладная записка 2-го обер-квартирмсйстсра начальнику Генштаба Пруссии. В ней были приведены места дислокации германских войск в Восточной Европе и дана их характеристика.

Военная карьера полковника Владимира Христофоровича Роопа во многом напоминает карьеру его старшего товарища и коллеги Александра Бутакова. Владимир, закончив Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба, тоже, кстати, по первому разряду, командовал эскадроном, служил старшим адъютантом штаба гвардейской пехотной дивизии, потом был назначен в военно-ученый комитет Главного штаба. Накопив соответствующий опыт в делах разведки, Рооп убыл за рубеж, в Австро-Венгрию. В Вене он проработал пять лет, создал

тайную агентурную сеть.

Об одном из его агентов рассказывает австриец Макс Ронге в книге «Разведка и контрразведка». Оказывается, нашему военному агенту удалось завербовать весьма высокопоставленного австрийского чиновника, военного прокурора ландвера Зигмунда Гекайло.

Прокурор поставлял ценные документальные материалы. Однако контрразведке удалось раскрыть шпиона, но тот бежал в Бразилию. Секретная служба потеряла следы Гекайло, но он по неосторожности выдал себя — послал письмо в Австрию. Его арестовали и доставили в Вену.

Судя по всему, агентом Роопа был не один Гекайло. Ибо у австрийского прокурора вряд ли могли быть секретные чертежи полевой гаубицы образца 1899 г. А Владимир Христофорович копии таких чертежей переправил в Россию.

Успешно действовали военные и военно-морские агенты России не только в европейских странах, по и на Дальнем Востоке — в Китае, Корее, Японии. Более того, правительство Российской империи тяжело, медленно, но тем не менее осознавало, что вооруженного столкновения с Японией не избежать. Страна восходящего солнца проводила ярко выраженную милитаристскую политику — она решила увеличить флот втрое, а армию — вдвое. И вся эта набирающая мощь военная машина была направлена против России.

В декабре 1897 года российское правительство наконец признало, что главные военные силы должны быть на основном, на сегодняшний день, ТВД — на Дальнем Востоке. Взоры российской военной разведки также были направлены на Восток.

Для обеспечения большей оперативности в 1903 году военные агенты вошли в подчинение Наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке.

В объяснительной записке к «Положению военным агентам на Дальнем Востоке» подчеркивалось: «Условия политической жизни Дальнего Востока вынуждают нас иметь здесь зоркую военную агентуру…»

Каковы же были силы российской военной разведки на Дальнем Востоке?

Надо прямо сказать — они были весьма невелики. Военные агенты в Японии (в Токио), в Китае (Шанхай и Чифу), в Корее (Сеуле). Должность помощников тоже предусмотрели — по одному в Корее и Японии и два в Китае.

Военно-морское министерство имело в Токио всего одного агента.

Кому же из российских офицеров доверили эти весьма

ответственные должности? С 1893 года и практически до начала Русско-японской войны в Токио работали полковники Николай Янжул, Глеб Ванновский, Владимир Самойлов. В Корее — полковники Иван Стрельбицкий, фон Раабен, временно исполнял должность военного агента подполковник Николай Потапов. В Китае находились полковники Николай Сумароков, Федор Огородников. Одиннадцать лет длилась командировка полковника, потом генерал-майора Константина Вогака. Он был военным агентом в Китае, в 1893–1896 годах работал одновременно в Китае и в Японии.

Военно-морское ведомство в Японии представляли Аллан Шванк, лейтенанты Иван Будиловский, Иван Чагин, Александр Русин.

Российские агенты традиционно имели серьезную военную подготовку, обучались в лучших военных учебных заведениях Российской империи. Так, Константин Вогак закончил Санкт-Петербургскую военную гимназию, Николаевское кавалерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба, Глеб Ванновский — Пажеский Его Величества корпус и академию Генштаба, Александр Русин — морское училище, гидрографический отдел Николаевской морской академии, артиллерийский офицерский класс.

К руководителям разведки в те годы приходило осознание того, что военные агенты должны владеть не только иностранными языками, быть хорошо образованными в военном отношении, иметь за спиной опыт служебной деятельности в войсках и на кораблях, но и постичь премудрости разведывательного ремесла, оперативной работы. Именно поэтому все чаще и чаще на соответствующие должности за границу назначаются офицеры, предварительно прошедшие службу в Военно-ученом комитете Главного штаба.

Примером тому Федор Евлампиевич Огородников. Закончив три учебных заведения — Алексеевский кадетский корпус, инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба, он служил командиром роты, старшим адъютантом штаба 1-й гренадерской дивизии, потом был направлен в Главное управление казачьих войск. И только в возрасте 32 лет попал в разведку — в канцелярию Военно-научного комитета.

Четыре года познавал он особенности разведдеятельности. В 1903 году Федор Евлампиевич становится профессором Николаевской академии Генерального штаба. Правда, вскоре его опыт и знания понадобились на илом поприще. Огородников возвращен в разведку и командирован военным агентом в Китай.

Подобную «стажировку» в Военно-научном комитете перед

отправкой за рубеж прошли и Глеб Вашювский и Константин Вогак.

Хотя надо признать, что такой вполне профессиональный подход к подготовке офицеров для работы за границей тогда еще не стал системным. Многих посылали без всякой подготовки прямо из войск, полагаясь на ум, сообразительность, сметку будущих военных агентов. Тот же Николай Янжул был назначен в Японию с должности начальника штаба пехотной дивизии, а Владимир Самойлов перед отъездом в Токио исполнял должность начштаба стрелковой бригады. Правда, Самойлов всю предыдущую службу провел в Приморском военном округе: командовал ротой, состоял обер-офицером при командующем войсками Амурской области, штаб-офицером при главном начальнике Квантунской области, и потому знал регион как свои пять пальцев. А вот Янжул до назначения в Японию никогда на Востоке не был, служил на юге, в Керчи, и тем не менее в Японии освоился и, несмотря на все сложности, работал достаточно эффективно.

А работа на Востоке, надо признать, в корне отличалась от работы на Западе. Иной была сама обстановка: традиционная многовековая закрытость и отстраненность Японии, Китая от остального мира наложили отпечаток на деятельность всей государственной машины этих стран.

Печать, как главный источник добывания развединформации в Европе, совершенно выпадала из арсенала военных агентов, работающих на Востоке.

Японская пресса не публиковала никакой информации по военным вопросам. Добиться получения хоть каких-то данных официальным путем также было практически невозможно.

Еще одно немаловажное обстоятельство, которое крайне затрудняло работу военных агентов в Японии, Китае, Корее, — незнание языков. Если овладение европейскими языками — английским, французским, немецким — в ту пору для офицеров не представляло никакого труда, то в совершенстве знающих японский или китайский в России были единицы.

Очень хорошо об этом сказал военный агент в Японии Генерального штаба полковник Николай Янжул в 1898 году. Его слова приводит в своей книге Михаил Алексеев «Военная разведки России» со ссылкой на материалы по работе Военно-исторической комиссии Генштаба 1910 года:

«Положение военного агента может быть пошлине трагикомичным. Представьте себе, что вам предлагают приобрести весьма важные и ценные сведения, заключающиеся в японской рукописи, и что для вас нет другого средства узнать

содержание этой рукописи, при условии сохранения необходимой тайны, как послать рукопись в Петербург, где проживает единственный наш соотечественник (бывший драгоман г-н Буховецкий), знающий настолько письменный японский язык, чтобы быть в состоянии раскрыть загадочное содержание японского манускрипта».

Что ж, все описало достаточно красноречиво и не требует комментариев.

Однако трудности трудностями, но Главному штабу требовалась развединформация. О чем, собственно, и напоминал в 1901 году непосредственный начальник военного агента в Японии Глеба Ванновского — генерал-квартирмейстср Яков Жилииский. «В течение года… от Вашего Высокоблагородия было получено всего четыре донесения, между тем своевременное получение возможно более полных сведений о деятельности в Японии во всех сферах, а особенно в военной и морской, по-прежнему является чрезвычайно важным…»

Примерно такую же оценку своей деятельности из центра получал и военный агент в Корее Иван Стрельбицкий. Их пытались заставить работать, но увы… Наконец терпение руководства лопнуло, и оба военных агента были сняты со своих должностей, отозваны на Родину. Дальнейшая судьба Стрельбицкого неизвестна, а Ванновского отправили в войска, где он сделал неплохую карьеру — стал командиром бригады, потом возглавил Донскую казацкую дивизию и, наконец, был назначен командующим армией. Завершил службу в звании генерал-лейтенанта.

На смену двум отстраненным от должностей агентам приехали Генерального штаба подполковники Владимир Самойлов и фон Раабен. Работа пошла активнее.

Раабену удалось в короткий срок завербовать несколько информаторов как из числа корейцев, так и из граждан России, командированных в Сеул. Однако по-настоящему развернуть деятельность агентурной сети не удалось, помешало досадное обстоятельство — дуэль между Раабеном и чрезвычайным посланником России в Корее Павловым. Об этом стало известно военному министру, и Раабен был отстранен от должности. В ноябре 1903 года ему на замену прибыл подполковник Николай Потапов.

Военный агент в Японии Владимир Самойлов был не столь энергичен в оперативных вопросах и достойную агентурную сеть создать не сумел. Однако он завел хорошие связи с иностранными военными агентами. С некоторыми из них установил дружеские отношения. Много знакомых было у него и

среди японцев. Владимир Константинович много общался, читал, наблюдал. Сведения, полученные таким доверительным путем, ложились в основу его донесений в Санкт-Петербург. Точность в анализе обстановки поражает и до сих пор.

Самойлов был первым, кто почувствовал опасность недооценки противника и пытался эту мысль довести до сведения командования в столице.

Но, пожалуй, ближе всех к истине оказался военно-морской агент в Токио капитан 2-го ранга Александр Русин.

К чему стремилась Япония? Наращивая свои силы, она прекрасно знала о наличии далеко не мощной группировки русских войск на Дальнем Востоке. Исходя из преимуществ флота, японцы планировали либо уничтожение нашей Тихоокеанской эскадры, либо изоляцию се в Порт-Артурской гавани. Далее, создав господство на морс, обеспечить успех действиям сухопутных войск, захватить Корею и разгромить русскую армию в Маньчжурии.

Обо веем этом в марте 1903 года предупреждал военный агент Александр Русин. Вот лишь некоторые выдержки из его донесения, опубликованные в журнале «Морской сборник» в 1995 году: Япония желает «не дать России окончательно утвердиться в Маньчжурии; занять Корею; попытаться сделать демонстративную высадку близ Приамурской области; такую же высадку осуществить на Квантуне; при удаче этих двух операций попытаться овладеть вышеуказанными областями».

Кроме того, Русин назвал наиболее точную цифру мобилизационных возможностей Японии. он считал, что армия Страны восходящего солнца будет насчитывать более 630 тысяч человек.

Внес свой вклад в раскрытие агрессивных замыслов Японии и временно исполняющий должность военного агента подполковник Николай Потапов. Через своих информаторов, которые находились при дворе императора Кореи, ему удалось ознакомиться с планом Русско-японской войны и даже выкупить часть плана. Этот документ, несомненно большой ценности, был переправлен в штаб наместника Дальнего Востока с просьбой оцепить его и выделить деньги на приобретение всего плана. Однако, как стало известно позже, в штабе посчитали, что документ является фальшивкой и подсунут японской контрразведкой. И только в ходе войны стало ясно, что план был подлинным, ибо японцы следовали ему в точности.

Этот пример свидетельствует о том, что руководство армии и флота не относилось с должным вниманием к добытым разведсведениям. Хотя, откровенно говоря, и сведений было явно

недостаточно. И как результат — силы и средства японской армии и флота, их вооружение, группировки оказались во многом не вскрытыми.

…21 января 1904 года японские военные корабли атаковали русскую эскадру па рейде Порт-Артура. У порта Чемульно были потоплены крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец».

18 апреля в бой вступили японские сухопутные части. Началась Русско-японская война.

ГОРЬКИЙ ОПЫТ ПОРАЖЕНИЙ

Последующие исторические события — Первая мировая война, Гражданская, Великая Отечественная — заслонили от современников те трагические для России события. А жаль.

Опыт жестоких поражений забывать нельзя. Однако надо отдать должное нашим предшественникам, тем, кто воевал в русско-японскую и кто внимательнейшим образом анализировал горький опыт наших поражений «па сопках Маньчжурии». Они ничего не забыли, не упустили, не растеряли зерна ценных знаний, добытых кровью на полях сражений.

Уже в 1908 году, всего через три года после окончания Русско-японской войны, начальник германского генерального штаба фон Мольтке даст такую оценку состоянию нашей разведки: «Механизм русской военной разведки представляет собой хорошо управляемую, широко разветвленную систему, обладающую значительными финансовыми ресурсами». Эти слова германского военачальника приводит в своей работе «Военная разведка в борьбе с Японией (1904–1905 гг.)» Е. Сергеев.

А с чего же мы начинали? Вот два весьма авторитетных мнения. Одно принадлежит главнокомандующему Маньчжурской армии генералу от инфантерии Алексею Куропаткину, другое — опытнейшему военному разведчику, генерал-квартирмейстеру Главного управления Генерального штаба Павлу Рябикову.

К. Звонарев в своей книге «Агентурная разведка» приводит слова Куропаткина из его отчета за 1904 год: «Война с Японией дала наглядные доказательства, какое громадное значение имеет правильная организация разведки вероятного противника и предстоящих театров войны. Дело это носит у нас чисто случайный характер и правильной организации не имеет».

Рябиков же в своей известной работе «Разведывательная служба в мирное и военное время» пишет: «Невозможность получить весьма жизненные и важные сведения о японской армии секретными путями привели к колоссальнейшей ошибке в подсчете всех сил, кои могла выставить Япония, и к совершенному игнорированию резервных войск, неожиданно появившихся на театре войны».

Стало быть, уроки тяжелейшей Русско-японской войны не прошли даром, боевые действия на Дальнем Востоке явились своего рода «шоковой терапией» и в корне изменили взгляды военных руководителей разведки в военно-стратегическом процессе.

Однако все это придет потом: и осознание роли, и

тщательный анализ, и коренные преобразования вооруженных сил России, а пока…

Пока за три дня до начала боевых действий командующий Маньчжурской армией генерал Куропаткин с тревогой сообщает военному министру в Петербург о том, что находится «все еще в неизвестности, где 2-я японская армия». И пытается угадать, возможно, часть этой армии высадилась в Корее.

18 апреля части японской армии наносят первый удар по войскам Маньчжурской группировки на реке Ялу. Русские терпят поражение. 22 апреля японцы высаживают свою 2-ю армию севернее Порт-Артура. И новое поражение наших войск.

Японцы захватывают стратегическую инициативу.

Для успешного ведения боевых действий русским войскам требуется свежая, непрерывно добываемая развединформация. Необходимость в ней ощущается постоянно. Штабы не могут работать, не зная, где находится противник, как он вооружен, каковы его замыслы и планы. Поэтому в отличие от мирного времени разведка осуществляется по трем направлениям — дальняя, ближняя и разведка флангов.

Дальней занимались военные агенты в Китае и в Корее, а также штабы Главнокомандующего, трех Маньчжурских армий, Приамурского военного округа, ближней — штабы Заамурского округа, тыла Маньчжурских армий, корпусов и отдельных частей. Войсковые разведки захватывали пленных, засылали в тыл лазутчиков, отслеживали публикации в иностранной прессе.

С началом войны особое значение придавалось правому Монгольскому флангу. Штаб считал, что китайские войска могут ударить во фланг или, хуже того, в тыл нашей армии. Хотя об истинных намерениях китайцев не было ничего известно.

Вот тогда и получила дальнейшее свое развитие так называемая «крышевая» разведка. Весной 1904 года в район расположения частей китайских генералов Юаньшикая и Ма под видом «датского корреспондента» командировали штабс-капитана Россова, через месяц еще одного разведчика — есаула Уральского казачьего войска Ливкина. Его снабдили документами Мукденского Цзяпьцзипя, в которых он значился как русский купец.

Кстати говоря, Давид Иванович Ливкин был выдающимся российским разведчиком, доселе не признанным и забытым.

Он окончил военное училище, трехгодичные курсы для офицеров при азиатском департаменте Министерства иностранных дел России, владел турецким, арабским, персидским, татарским, киргизским, английским и французским языками. За годы службы в восточных районах страны хорошо

изучил обычаи и нравы, религии восточных народов.

В 1898 году есаул Давид Ливкин совершил поездку в Индию. По приказу нринца А. Ольденбургского, который являлся председателем специальной комиссии, в ходе этого весьма опасного путешествия предстояло побывать в районах, охваченных чумой. Следовало выяснить степень эпидемиологической опасности. Российское правительство было обеспокоено тем, что эпидемия чумы из Индии через Афганистан могла распространиться по территории России.

На обустройство карантинных отрядов вдоль границы с Афганистаном требовались большие суммы денег. Вот Лив кину и следовало оценить степень угрозы.

Есаул Ливкин оказался талантливым разведчиком-импровизатором. Он преодолел Европу, потом Египет, там приобрел персидский паспорт и под видом местного купца (благо он был похож на мусульманина и знал язык) продолжил путь сначала в Цейлон, потом в Индию. Побывав в разных районах, он выяснил, что опасности проникновения чумы в Россию нет. Благополучно возвратившись в Петербург, доложил комиссии свои выводы. На основании доклада есаула Ливкина формирование карантинных отрядов было приостановлено.

С началом Русско-японской войны Давид Иванович Ливкин добровольно попросился на фронт и был направлен в Маньчжурию. Его назначили командиром разведдивизиона при Главнокомандующем русскими войсками.

И вот теперь ему предстояло совершить новое путешествие и выяснить истинные намерения генералов Ма и Юаньшиикая.

В сопровождении бойцов разведдивизиона, которые действовали под видом караванщиков, Ливкин, выдавая себя за русского чаеторговца Попова, появился в ставке командующего китайской армии. Нельзя сказать, что его приняли с распростертыми объятиями, но подарки, обаяние Давида Ивановича Ливкина сделали свое дело.

Есаул пробыл в ставке несколько дней и выяснил: китайцы не собираются нападать на Россию, они сами обеспокоены воинственными действиями японцев. Об этом и было доложено Главнокомандующему по возвращении. Думается, вряд ли стоит говорить о том, какое важное значение имели эти разведданные при планировании дальнейших боевых операций.

Что же касается Ливкина, то следует сказать, что война прошлась по его судьбе страшным, огненным колесом — в бою он получил тяжелую контузию, лишился дара речи, долгое время не мог самостоятельно передвигаться. Был уволен в отставку в звании полковника.

Так что в выполнении разведзадач во время войны участвовали различные бойцы и офицеры русской армии. И не только армии, но и просто патриоты России. Среди них переводчик монгольского языка при штабе Главнокомандующего студент Санкт-Петербургского университета Владимир Шангин, чиновник особых поручений, владеющий китайским языком, Дмитрий Янчевецкий, служащий российско-китайского банка Москвитин. Все они, оставив свои мирные профессии, здесь, на Востоке, защищали Россию, воевали с врагами своего Отечества.

Однако нас в большей степени интересует участие в разведработе в ходе Русско-японской компании 1904–1905 годов военных агентов. Напомним еще раз, именно они вели дальнюю, выражаясь современным языком, стратегическую разведку. Разумеется, с началом войны гласные агенты не могли работать на территории противника. Действовать приходилось из соседних с Японией стран — из Китая, Кореи. Большую помощь в этой работе оказывали военные агенты в Европе. Они информировали руководство о японских заказах на вооружение и боевую технику, которые были размещены на западноевропейских предприятиях.

Кто же эти офицеры, вынесшие на своих плечах всю тяжесть дальней разведки в годы Русско-японской войны?

Некоторые из них нам уже знакомы, они работали на Востоке до войны. Это полковник Федор Огородников. С 1903 по 1907 год он первый военный агент в Китае.

Его помощником был полковник, потом генерал-майор Константин Десино. После трех лет не совсем удачной работы под прикрытием в должности секретаря консульства в Чифу Константин Николаевич назначается гласным помощником военного агента сначала к полковнику Константину Вогаку, а с 1903 года к полковнику Федору Огородникову.

В начале 1905 года в Китай прибывает еще один помощник военного агента — капитан С. Афанасьев.

В Корее с 1899 года работает полковник фон Раабен. Полковник Александр Нечволодов должен был его сменить на должности военного атташе, но не успел. Началась Русско-японская война, и Александр Дмитриевич, находившийся в этот момент в Порт-Артуре, получает назначение в распоряжение наместника на Дальнем Востоке.

В Германии в период войны активно действует военный агент полковник Вадим Шебеко. Во Франции, в Париже Российскую империю представляет полковник Владимир Лазарев, в Швеции, в Стокгольме — полковник Александр Алексеев.

В Австро-Венгрии должность военного агента исполняет, упоминаемый нами прежде полковник Владимир Рооп.

Итак, пожалуй, начнем с тех военных агентов, кто работал ближе к театру боевых действий.

Полковник Александр Нечволодов с помощью нашего генконсула А. Павлова завербовал и отправил в Японию и Корею трех агентов-иностранцев — швейцарца Барбье, немца Мейера и француза Шаффанжона. Работали они под видом торговых людей. Задание у них было весьма ответственное — разведать численность, состав, вооружение японской группировки, которая высадилась вблизи Порт-Артура, а также вскрыть состав воинских частей, которые двигаются из Кореи.

Передавать добытые сведения они должны были сначала в Европу, оттуда их переправляли телеграфом в Петербург, а из столицы Российской империи — в штаб Маньчжурской армии. Что и говорить, путь не ближний, но иной возможности тогда не существовало.

Нельзя сказать, что снаряженные тайные агенты не работали вовсе, но сведения, которые они передавали, приходили в штаб армии на Дальнем Востоке нерегулярно и за время дороги попросту устаревали, теряя свою актуальность. А деньги агентам, откровенно говоря, платили немалые. Пришлось летом 1905 года агентов поблагодарить и рассчитать.

Пожалуй, наибольшую пользу в разведывательном плане в период боевых действий приносил военный агент в Корее полковник Федор Огородников и его помощник генерал-майор Константин Десино.

Огородникову удалось привлечь на свою сторону тайного агента, который находился в Японии и передавал ценную информацию о японской армии и флоте. Также ему на связь был передал и еще один японский агент, некто Гидис, работавший в тылу наших войск под видом корреспондента английской газеты. Перевербовал его капитан Генерального штаба Алексей Игнатьев, служивший в это время помощником старшего адъюнкта управления генерал-квартирмейстера Маньчжурской армии.

Гидис поставлял своему резиденту весьма важную информацию, за что, собственно, и был казнен японцами после провала и ареста.

Федору Огородникову приходилось заниматься и вовсе не привычным для себя делом — курировать выпуск газеты.

Японцы перед войной и в период боев уделяли большое внимание работе с иностранными журналистами, привлечению их на свою сторону, одним словом, вели целенаправленную пропагандистскую работу. Этому следовало противостоять. Именно поэтому генерал-квартирмейстерская служба и стала инициатором выпуска газеты «China Review». Выпуск газеты

обходился недешево, но цель оправдывала затраченные средства.

Следует добавить, что в городе Мукден выпускалось еще одно издание — газета «Шенцзинбао» на китайском языке. Ее выпуском руководили военные комиссары Мукденской и Гиринской провинций.

После Мукденского поражения русской армии и снятия с должности Куропаткипа, новый главнокомандующий генерал Линевич принял решение укрепить дальнюю разведку. Для этой цели он разделил театр военных действий на три направления: Японию и Корею; Маньчжурию к западу от меридиана Фынхуанчень; Маньчжурию к востоку от этого меридиана с портами Инкоу, Дальний, Талисван, Дагушань, Шахэцзы и другие, а также Ляодунский полуостров.

Военному агенту полковнику Федору Огородникову было приказано руководить организацией разведки в полосе первого направления, его помощнику, капитану Афанасьеву — второго, третье закреплялось за штабс-капитаном Россовым. Такое разделение ТВД и попытка укрепить разведку было связано с тем, что тяжелое поражение русских войск под Мукденом нанесло удар по тайным разведсилам. Многие агенты-китайцы разбежались, иных пришлось отозвать, поскольку в ходе боев японцами был захвачен обоз квартирмейстерской службы, в котором хранилась секретная документация с именами информаторов. Всю работу по воссозданию агентурной сети по сути пришлось начинать заново.

Вторым важнейшим каналом получения стратегической разведывательной информации во время Русско-японской войны были агенты, работающие в Европе. Их интересовали военные заказы Японии на европейских фирмах, а также отгрузка готовой продукции.

Военный агент полковник Вадим Шебеко, кстати говоря, очень опытный военный разведчик, до прибытия в Берлин работавший в Константинополе, потом в Вашингтоне, взял под контроль крупповские фирмы в Германии. По его расчетам, японцы пренепременно должны были обратиться к немцам. Ну а те уж, знамо дело, не откажут посланцам из Страны восходящего солнца.

Так и случилось, как просчитал Вадим Николаевич. Крупный артиллерийский заказ японского правительства был размещен па крупповском заводе в Эссене. Правда, информатор Шебеко попросил за свои сведения кругленькую сумму в несколько тысяч марок. Однако обещал докладывать не только о ходе выполнения заказа, сроках его отгрузки, но и сообщить название парохода, па котором повезут произведенную продукцию, и время отхода

судна.

Руководство согласилось с суммой выплаты вознаграждения агенту, и эта история имела свое продолжение. Информатор сработал четко, передал резиденту сообщение: «25 ноября 1904 года. Пароход “Самбия”. Гамбург».

Транспорт был загружен, что называется, под завязку. В своих трюмах он вез 326 полевых и 93 горных орудий. Ох, как велико было желание пустить этот «плавучий» оружейный склад на дно. Информацию срочно передали в Главный морской штаб.

У моряков желание перехватить «Самбию», судя по всему, тоже было немалое, да вот сил не хватило. Одному из крейсеров дали команду перехватить «Самбию», которая, предполагалось, пойдет через Магелланов пролив. Но не судьба, «Самбия» прошла другим путем, благополучно доставив в Японию более 400 орудий.

Полковник Алексей Алексеев, военный агент Российской империи в Копенгагене и Стокгольме, в 1905 году также сообщал в Петербург о закупках Японией оружия в Швеции.

Бофорский военный завод в срочном порядке производил артиллерийские гильзы. Алексеев также указал порт отгрузки и отправки транспорта, но его уже не пытались перехватить.

О закупках Японией лошадей в Австралии для военных целей докладывал и военный агент в Вене полковник Владимир Рооп.

Военно-морской флот в силу своих возможностей тоже проводил разведку в период боевых действий. Поскольку морских агентов в эти годы не было, разведка осуществлялась кораблями-крейсерами, миноносцами. На флоте впервые в истории появился новый вид разведки — радиоразведка. 7 марта 1904 года вице-адмирал О. Макаров приказал кораблям Тихоокеанского флота вести радиоперехват и пеленгование вражеских радиостанций.

… 23 августа (5 сентября) 1905 года Россия и Япония подписали Портсмутский мирный договор. По нему Японии отходили южная часть Сахалина, Порт-Артур и южная ветка Китайско-Восточной железной дороги.

Началась другая эпоха — послевоенная. Россия потерпела тяжелое военное и политическое поражение. Ее международные позиции в мире были ослаблены. Предстояло осмыслить итоги Русско-японской войны. Провести коренные преобразования в различных сферах жизни, и в первую очередь в военной области. Восстановить утраченный престиж Российской империи.

«НУЖНО ПРИСЛУШИВАТЬСЯ… К БИЕНИЮ ЖИЗНИ»

Однако для того чтобы осуществить такие масштабные послевоенные преобразования, восстановить армию и флот, нужен был мир. Премьер-министр С. Витте считал, что для этого России понадобится покой как минимум па 20–25 лет. Увы, граф замахнулся па слишком большой срок. История отвела нам только девять лет.

Что же было сделано за эти годы? Начать, пожалуй, надо с создания Совета Государственной обороны, который как раз и отвечал за военную политику государства.

9 июня 1905 года Председателем Совета назначается великий князь Николай Николаевич, а также утверждается положение о Совете Государственной обороны. В дальнейшем Совету пришлось рассмотреть несколько важных документов — «Проект организации русской армии», составленный генералом Газенкампфом и его коллегами по специально созданной комиссии (октябрь 1907 года), «Программу развития реформ сухопутных вооруженных сил России», предложенную Главным управлением Генерального штаба во главе с генералом Ф. Палицыным (декабрь 1907 года), доклад Главного штаба «О преобразовании нашей армии» (февраль 1908 года) и, наконец, доклад начальника Генштаба и генерал-квартирмейстера ГУГШ «О мероприятиях по обороне государства, подлежащих осуществлению в ближайшее десятилетие» (август 1908 года).

Однако мне хотелось бы подробнее остановиться на двух более ранних документах, представленных государю еще осенью 1904 года, и прежде всего потому, что один из них подготовил талантливый российский разведчик, который несколько лет был военным агентом в Германии. Речь идет о полковнике Павле Енгалычеве. Когда Павел Николаевич писал докладную записку царю, он уже командовал лейб-гвардии Гусарским полком. До этого руководил эскадроном, служил в штабе пехотной дивизии, а потом, будучи в Берлине, хорошо изучил германскую и другие армии европейских государств. Так что Енгалычев знал, о чем писал.

Вторая записка принадлежала перу генерал-лейтенанта Федора Палицына, начальника Генерального штаба. Так вот Федор Федорович предлагал органы управления вооруженными силами построить по германскому принципу, где начальник Генштаба не подчинялся военному министру, а замыкался

напрямую па кайзера. У нас, стало быть, — на царя.

Полковник Енгалычев предлагал выделить Генштаб в отдельный орган, но в составе Военного министерства. Павел Павлович считал, что в армии должно быть единое командование.

К сожалению, победил проект Палицына, и в июне 1905 года в России появилась должность начальника Генштаба, который не подчинялся военному министру. Единственным руководителем для него был государь.

Прошло три года, прежде чем стало ясно: проект генерала Федора Палицына не жизнеспособен. В сущности, в армии установилось двоевластие. В ноябре 1906 года Главное управление Генштаба вернули в состав военного ведомства, а начальник Генерального штаба вошел в подчинение к министру.

Однако не бывает худа без добра, новый штат Главного управления Генштаба, утвержденный по проекту Палицына, отныне закрепил два подразделения разведки — добывающее и анализирующее. Пройдут годы, прежде чем они станут единым организмом, но направление движения уже тогда, в 1906 году, было сделано верное.

Основной добывающей силой в период с 1905 года и до начала Первой мировой войны по-прежнему останутся военные агенты Российской империи за рубежом. Как и всегда, штат их будет невелик — всего полтора десятка агентов в ведущих странах мира — в Великобритании, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Греции, Болгарии, Черногории, Сербии, один в Дании,

Норвегии и Швеции, а также в Румынии, Швейцарии, Италии, Японии, Китае и США.

Отбор кандидатов на должности военных агентов в эти годы проходил следующим образом. В Главном управлении Генштаба был список офицеров, которые в большей степени подходили па замещение должностей. Формировался список кандидатами из военных округов. Однако пополнялся он, как правило, фамилиями офицеров из войск гвардии Петербургского военного округа. Почему?

На этот вопрос хорошо ответил историк спецслужб Михаил Алексеев в своей книге «Военная разведка России от Рюрика до Николая II».

«Кандидаты должны были быть, — пишет М. Алексеев, — не старше двух лет в чипе подполковника и не моложе трех лет в чине капитана».

В подробной аттестации на кандидата «особенное внимание должно быть обращено на свойства характера, степень знания иностранных языков, любовь к делу и знание иностранных армий, степень житейской воспитанности и такта, семейное и

материальное положение, также на внешнюю представительность».

Невзирая на достаточное количество офицеров Генерального штаба, имеющих требуемую выслугу в чине, кандидатов на занятие вышеперечисленных должностей было немного. Так, в ноябре 1910 года начальник штаба Иркутского военного округа докладывал в Главное управление Генштаба, что среди офицеров Генштаба, состоящих в округе, «не имеется таковых, которые отвечали бы в полной мере всем условиям… что главным образом относится к соответствующему знанию языков и особенно неимению собственных средств, расход которых был неизбежен при запятой должности военного агента. Отсутствие кандидатов констатировалось и по Казанскому, Одесскому, Кавказскому, Приамурскому и другим округам».

Отсюда и кандидаты в основном из столичного округа. В гвардии служили представители богатейших слоев общества, аристократии. Они как раз и имели те самые материальные средства и знали иностранные языки.

После отбора кандидата Генштаб обязательно запрашивал его согласие на назначение и предупреждал офицера, что служба военного агента требует немалых личных финансовых расходов. И если офицер давал добро на назначение, представление уходило в Министерство иностранных дел. Разумеется, кандидатуру будущего военного агента рассматривали послы в соответствующих странах. Однако послы не всегда соглашались с мнением военных. Так, после смерти военного агента в Италии полковника Фаддея Булгарина на его должность была предложена кандидатура полковника Дмитрия Ромейко-Гурко, который в это время проходил службу в Швейцарии.

Посол России в Риме доложил в МИД России, что хотя правительство Италии не отказывается его принять, но относится к кандидатуре Ромейко-Гурко в недоверием. Ведь полковник оказался замешанным в скандале с тайным агентом, который был раскрыт и выслан из Швейцарии. Дмитрий Ромейко-Гурко в Рим не поехал, вместо него назначили другого офицера.

В том же случае, если посол, МИД не возражал как в приведенном выше случае, военный агент получал назначение.

Кто же в этот сложный для нашего Отечества период представлял Россию за рубежом?

Это были весьма интересные личности. Опытные, боевые офицеры, фронтовики, участники Русско-японской войны. Но какими они были разведчиками? Этот вопрос крайне важен для нашего исследования.

После Русско-японской войны государь, правительство,

руководство вооруженных сил рассматривало нашими вероятными противниками Германию, Австро-Венгрию и, конечно же, Японию. Естественно, в эти страны старались в качестве военных агентов направлять наиболее способных, знающих разведчиков.

Такими с полным основанием можно считать всех троих офицеров — полковников Вадима Шебеко, Александра Михельсона и Павла Базарова, работавших в Германии в период с 1905 и но 1914 год.

Вадим Николаевич Шебеко закончил самые привилегированные учебные заведения России — Пажеский Его Императорского Величества корпус и Николаевскую академию Генерального штаба. Служил в кавалерии. С 1896 года состоял в распоряжении военного агента в Константинополе. Накопив опыт разведывательной работы, Шебеко занял пост военного агента в Вашингтоне. Но лучший и самый продуктивный период его деятельности как военного разведчика пришелся на 1901–1905 годы, когда он служил военным агентом в Берлине, а потом состоял при особе Его Императорского Величества Вильгельма II.

Кстати говоря, по возвращении из Берлина Вадим Шебеко сделал блестящую карьеру, правда, уже на сугубо штатском поприще. Он был вице-губернатором Саратова, губернатором города Гродно, а в 1916–1917 годах — московским градоначальником.

Судя по его донесениям, переписке с руководством военно-статистического отделения Главного штаба, подполковник, а потом и полковник Шебеко был одним из трезвых, реально мыслящих аналитиков-дипломатов в стране пребывания. Еще в 1902 году в донесении к генералу Целебровскому, соглашаясь с общим мнением, что «в желании (Германии. — *Авт.)* сохранить дружественные с Россией отношения сомнений нет», подчеркивает: «Но сердечных отношений в Берлине искать пе следует: весьма мало вероятно, чтобы когда-либо в этой дружбе был принесен в жертву хоть один коммерческий или политический вопрос…»

Напомним, эти строки Шебеко писал в 1902 году.

Весной 1903 года у Вадима Николаевича состоялась беседа с Вильгельмом II, о чем он туг же сообщает руководству в Петербург. Интересно, что военный агент не только приводит слова кайзера Германии, но и описывает жесты, выражение лица, глаз Вильгельма II. «Подвижное лицо императора приняло суровое до жестокости выражение, глаза блестели недобрым огнем, и была очевидна решимость эти чувства привести в действительное исполнение».

Думаю, не стоит никого убеждать, что важность в подобной информации в те годы для нашего руководства была крайне велика. «Польский вопрос» для Российской империи оставался весьма болезненным, и отношение кайзера Германии к полякам служило своего рода барометром политического климата в Европе.

Полковник Шебеко внимательно следил за состоянием этого климата. И чем больше Германия старалась убедить Россию в своей лояльности и поддержке политики Николая II, тем меньше верил словам немцев военный агент. Эту свою озабоченность ухудшением отношений между государствами он старался донести до ушей руководства.

После принятия германским парламентом нового военного закона на 1905–1910 годы Шебеко доносил в Главный штаб, что рейхстаг решил отложить на год увеличение численности армии. На первый взгляд факт для России отрадный. Однако только на первый взгляд. Депутаты рейхстага проголосовали за подобное решение именно потому, что могущество России после проигранной русско-польской войны значительно ослабло. Правда, Союзный Совет империи не согласился с этим тезисом и ввел закон в действие. Вот так темпы наращивания вооруженных сил Германии накрепко увязывались с экономическим и военным положением России. Отчего бы это так, если Германия наш друг?

Ухудшение российско-германских отношений отмстил и заменивший Вадима Шебеко на посту военного агента полковник Александр Михельсон. Прибыл он в Берлин зимой 1906 года, а уже весной сообщал в Петербург министру Палицыну, что главную причину таких перемен он видит в позиции, занятой Россией но марокканскому вопросу.

Вообще Александр Александрович Михельсон — фигура весьма примечательная. Один из самых результативных наших военных агентов той поры. Граф, генерал Алексей Игнатьев, знавший толк в разведработе, назвал Михельсона «выдающимся русским военным агентом». И он таковым был в действительности.

До того как прийти младшим делопроизводителем канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба, Александр Михельсон долго служил в войсках — командовал ротой, потом батальоном, был старшим адъютантом штаба дивизии. Получив повышение, проходил службу в штабе корпуса, потом штаб-офицером для особых поручений при командующем войсками Варшавского военного округа.

В 37 лет он стал младшим делопроизводителем. Однако уже через два года выдвинулся в столоначальники, а вскоре был

назначен помощником начальника отделения Главного управления Генерального штаба.

С таким солидным жизненным и профессиональным багажом он и прибыл в Берлин.

Михельсон не только активно занимался сбором так называемой политической, экономической, военной информации путем добывания документальных материалов, грамотно и глубоко их анализировал, но и умело разворачивал агентурную работу, налаживал сеть тайных агентов. Тот же граф Алексей Игнатьев в своем труде «Обзор работы русского военного агента в Скандинавии и Франции» рассказывает об интересной агентурной операции, которую разработал и провел Александр Михельсон.

В предвидении войны полковник понимал, что Россия и Франция встанут по одну сторону фронта, а Германия и ее союзники — по другую. Значит, германские вооруженные силы будут вынуждены действовать на двух фронтах, образно выражаясь, на французском и русском. Стало быть, крайне важно установить, сколько сил бросят немцы против обоих противников и как эти силы распределятся. Однако легко сказать, да трудно сделать. Михельсон тем не менее придумал, как сделать. Ход был поистине простой и гениальный. Подробно и скрупулезно изучив германские железные дороги, Александр Александрович остановил свое внимание на нескольких железнодорожных мостах через главные водные магистрали Германии — Вислу и Эльбу.

За скромную плату он завербовал сторожей, охраняющих эти мосты. Те сообщали о количестве поездов, которые проходили за сутки на Запад и на Восток. Дабы не было подозрений, Михельсон объяснил, что строительная компания, которая проводит испытания мостов па прочность, желает получить эти вполне обычные статистические данные.

«Михельсон натренировал их (сторожей. — *Авт.)* в работе, — пишет граф Игнатьев, — с тем, чтобы предмобилизационный период не нарушал заведенного автоматизма…»

В начале 1909 года военный агент Александр Михельсон пишет докладную записку российскому послу в Берлине. Вывод этого документа однозначен: Германия готова к войне. И война эта возможна уже нынешней весной.

Если же этого не случится, то Россия со временем окрепнет, наберет мощь, и дальше Михельсон делает заключение: «Такой перспективы немцам ждать, сложа руки, не выгодно. Немцы хорошо понимают, что па континенте время против них, время — союзник России и славянства…»

Как видно из документов, полковник Михельсон преуспел как

в аналитической работе, так и в оперативной деятельности. Это не могло ускользнуть от внимания немецкой контрразведки. Такого опытного, профессионального разведчика в стране, которая по сути готовилась к войне с Россией, держать было не с руки. И потому делается все возможное, чтобы выследить и арестовать одного из агентов Михельсона. В свою очередь, военному агенту предложено покинуть Германию.

Михельсон возвращается в Россию. Его назначают командиром бригады, потом Александр Александрович возглавляет лейб-гвардии Московский полк. Во время Первой мировой войны он — генерал дам поручений при начальнике Генерального штаба.

На смену Михельсону в начале 1911 года в Берлин приезжает полковник Павел Базаров. Ему уже 40 лет. Почти всю службу провел в разведке. После окончания Михайловского артиллерийского училища командовал ротой, служил помощником старшего адъютанта штаба Виленского военного округа. Потом судьба распорядилась так, что Павел Александрович оказался в разведке — сначала младшим делопроизводителем Военно-ученого комитета, далее — помощником столоначальника Главного штаба.

Следующий этап в служебной карьере — Русско-японская война. Базаров — в Маньчжурской армии, в управлении генерал-квартирмейстера, занимается тем делом, которое он знает и любит — разведкой. Работает умело и вполне успешно, а потому получает повышение по службе. Павел Александрович — штаб-офицер управления генерал-квартирмейстсра при главнокомандующем на Дальнем Востоке, а после окончания войны — в Главном управлении Генштаба.

Германия для него страна уже знакомая. За эти годы он успел побывать в командировке в германском городке Касселе, якобы для совершенствования знаний по немецкому языку. И вот теперь он военный агент Российской империи в Берлине.

Откровенно говоря, зря надеялась немецкая контрразведка вместо неуемного Михельсона получить тихого паркетного дипломата. Базаров был разведчиком до мозга костей.

В начале 1912 года он докладывает в Главное управление Генерального штаба: «Создавшаяся в Европе политическая группировка держав, желание закончить организацию своих сухопутных вооруженных сил и достичь наиболее выгодного соотношения морских сил заставили Германию пойти почти до предела возможных уступок. Между тем политическая обстановка… пока мало измелилась.

…Что касается вопроса о выгодности для Германии начать

войну до зимы или во время военной и приграничных областях России (тревоги), то опа заслуживает несомненный интерес. Ввиду большей привычки немцев к холоду по сравнению с французами, и наоборот; большей выносливости французов по отношению к жаре, немцам выгоднее начать компанию в зимнее время года…

В общем, совокупность имеющихся в настоящее время признаков приводит к заключению, что Германия усиленно готовится к войне в ближайшем будущем.

…Более, чем вероятно, что начало военных действий последует именно со стороны Германии».

В конце того же 1912 года полковник Павел Базаров даже называет сроки будущей войны. «Весьма возможно, что к концу будущего 1913 года или к началу 1914 года, — пишет он в Петербург, в Главное управление Генерального штаба, — когда лихорадочная деятельность по военной и морской подготовке Германии будет в главных чертах закончена… настанет критический момент, когда и общественное мнение, и армия, и стоящие во главе государства лица придут к сознанию, что в данное время Германия находится в наиболее выгодных условиях для начала победоносной войны».

Что ж, тут, как говорится, ни убавить ни прибавить, полковпик Базаров не ошибся, он попал в точку.

Однако и его дли пребывания в Германии были сочтены. Обстановка характеризовалась редким нарастанием военной угрозы. Военные агенты подвергались самому жесткому давлению со стороны спецслужб Германии.

Чертежник из главного инженерного управления, который продал Базарову план крепостей Пихлау и Летцен, был провален. После ареста он сознался, что работал на российского военного агента.

Полковник Павел Базаров немедленно убыл в отпуск, после которого получил новое назначение — он утвержден штаб-офицером для поручений управления генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем.

Свою лепту в дело разведки вероятного противника вносили и морские агенты Российской империи в Германии — капитан 2-го ранга князь Александр Долгоруков, лейтенант Борис Бок, капитан 2-го ранга Евгений Беренс. Летом 1914 года морской агент в Нидерландах капитан 1-го ранга Михаил Римский-

Корсаков был одновременно назначен на ту же должность и в Германии. Но, увы, началась Первая мировая война, и вступить в свои обязанности он не успел.

Морские агенты имели соответствующее образование —

Долгоруков закончил морское училище. Римский-Корсаков — морское училище, артиллерийский офицерский класс, а также гидрографический отдел Николаевской морской академии, Бок — морской кадетский корпус, Беренс также морской кадетский корпус и штурманский офицерский класс.

Все служили во флоте. Долгоруков на фрегате «Дмитрий Донской», на крейсере «Память Азова», Римский-Корсаков на канонерской лодке «Бобр», на эскадренном броненосце «Пересвет», командовал учебным судном «Верный» и эсминцем «Лейтенант Задаренный», Бок — был участником известного заграничного плавания на крейсере «Паллада».

Главная их задача — сбор сведений военно-морского характера, в частности, наблюдение за составом боевого и строящегося флота противника, а также военно-морских баз и верфей.

В июле 1913 года поверенный в делах в Берлине Броневский сообщит в письме министру иностранных дел России Сазонову: «Недели две тому назад морской агент при императорском посольстве предпринял небольшое путешествие по германским островам Северного моря. Так как там теперь купальный сезон в полном разгаре… то путешествие имело целью, не возбудив ничьих подозрений, дать возможность беспрепятственно собрать ряд интересных сведений относительно обороны этой части германского побережья».

Совершил это весьма полезное «купальное путешествие» военный агент Евгений Беренс.

Однако, как писал в журнале «Русский инвалид» в 1908 году известный военный теоретик, офицер Главного управления Генерального штаба Александр Свечин: «В процессе изучения мирной и вооруженной борьбы с соседом тайная разведка составляет только небольшую часть работы. Агентурные данные об армии, технике и крепостях соседа недостаточны для уверенной работы в мирное и военное время. Нужно прислушиваться к биению государственной и общественной жизни…»

И морские агенты прислушивались. Надо отдать должное— делали это весьма профессионально. Вот пример. В январе 1912 года морской агент капитан 2-го ранга Евгений Беренс отправил начальнику Морского Генерального штаба князю Ли-вену интересное донесение. Написать его мог только хороший аналитик, глубоко изучивший политику европейских стран, в частности, Британии и Германии, и учитывающий все самые сложные нюансы этой политики.

О чем, собственно, шла речь в донесении? Да о том, что

правительство Великобритании стремится поддерживать свое превосходство над Германией по боевым кораблям в пропорции 2:1. Казалось бы, какие далеко идущие выводы из этого можно сделать — Британия всегда заботилась о превосходстве своего флота над другими, неспроста она получила звание «владычицы морей».

Однако морской агент за этими цифрами увидел нечто большее, чем простое желание превосходства. «…Англия надеется, — сообщал он, — что вызываемые этим путем расходы на вооружение окончательно возмутят и без того обременят налогами население Германии». Далее он говорит о «здешних социалистах, настроенных пока националистически». Но они переменят окраску и при поддержке недовольных групп населения откажутся от дальнейшего соревнования с Англией. «Ввиду этого англичанам важно, — считает Беренс, — чтобы их усиление было лишь ответом на германское, ибо тогда у германского правительства отпадет самый важный аргумент оправданий расходов… Такая перспектива даст Англии надежду, что при дальнейших попытках Германии тягаться с пей она непременно потерпит фиаско, не выдержав одновременно усиления армии и флота, и это, по расчету Англии, должно случиться не позже конца 1913 года, к какому времени и следует ожидать падение адмирала Тирпица и возможности так или иначе сговориться с Германией, не теряя вместе с тем ни своего мирового положения и не рискуя безопасностью…» В конце агент добавляет очень важное «если». «Если только, конечно, не случится крах, если Германия предпочтет насильственным путем разрешить вопрос».

Донесение капитана 2-го ранга Евгения Беренса было замечено и оценено по достоинству. В ту пору морское и военное ведомство нечасто обменивалось развединформацией, но тут морской штаб откомандировал фельдъегерей, и вскоре документ лежал на столе у начальника Главного управления Генерального штаба.

Так работали в Германии военное и морские агенты. Однако не одна Германия смотрела в сторону России через смотровую щель боевого прицела. Австро-Венгрия и ее роль в военно-стратегическом положении Российской империи, осознание русским Генштабом действий Вены в случае войны по другую сторону баррикад обязывало разведку уделять этому участку работы особое внимание.

Верно подмечают в своей книге «Не подлежит оглашению» Евгений Сергеев и Артем Улунян: «Что касается деятельности русских военных агентов в Австро-Венгрии, то их значение для

разведывательной и аналитической деятельности Главного управления Генерального штаба трудно переоценить. Работа двух из них — полковника М.К. Марченко и сменившего его на этом посту полковника М.И. Занкевича была настолько активна, что местные контрразведывательные органы пытались вылудить их покинуть страну, используя дипломатические каналы. В конечном счете оба военных агента были выдворены из империи. Однако им удалось создать широкую сеть нелегальных агентов, включая высокопоставленных австро-венгерских военных и гражданских чиновников…»

Итак, кто же они, эти полковники Марченко и Занкевич, и за что их так ненавидела австро-венгерская контрразведка?

Митрофан Марченко закончил Императорское училище правоведения, 2-е военное Константиновское училище и Николаевскую академию Генерального штаба.

Командовал эскадроном, служил в штабе гвардейского казачьего корпуса, руководил передвижением войск по железным дорогам и водным путям в Петербургско-Московском районе. В 1905 году был командирован в Австро-Венгрию. Пять лет под пристальным вниманием контрразведки отработал в Вене.

По возвращении командовал Архангелогородским драгунским полком, был начальником николаевского кавалерийского училища.

Сменщиком Марченко па посту военного агента в Вене стал полковник Михаил Занкевич. Он получил образование в кадетском корпусе, в 1-м военном Павловском училище и в Николаевской академии Генерального штаба. Тоже служил в войсках — командиром роты, батальона, в штабе пехотной дивизии и армейского корпуса.

В 1900 году Михаилу Ипполитовичу предложили скромную должность в разведке — младшего делопроизводителя канцелярии Военно-ученого комитета. Он согласился, и с тех пор его жизнь была связана с военной разведкой.

В 1903 году Занкевич едет в зарубежную командировку — помощником военного агента в Вену. Через два года становится военным агентом в Румынии, а в 1910-м — в Австро-Венгрии.

По приезде из Вены Михаил Занкевич назначен командиром Царицынского пехотного полка, а в 1915 году — командиром лейб-гвардии Павловского полка.

Высшей точкой его служебной карьеры можно считать должность генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба.

Таковы, если коротко, автобиографические данные военных агентов. Что же касается непосредственно разведработы,

проводимой, к примеру, полковником Митрофаном Марченко, то хочется обратиться к его переписке с Главным управлением Генерального штаба.

Если говорить о работе военного агента но сбору военно-политической информации об Австро-Венгрии, то дел у Марченко было невпроворот. Достаточно привести слова 2-го обер-квартирмейстера генерала Борисова в письме к полковнику Марченко в ноябре 1908 года, чтобы понять всю степень тревоги Генерального штаба. «Мы здесь деятельно готовимся к войне с Австрией», — сообщил Борисов. И обер-квартирмейстера можно было понять. Князь Фердинанд и правящие круги Болгарии активно отходили от России. Сам же Марченко сообщил в Петербург о секретных переговорах министра иностранных дел Австро-Венгрии по заключению конвенции между Веной и Турцией, Болгарией, Грецией и Румынией.

Генштаб России, естественно, хотел предугадать следующие шаги Австро-Венгрии, просчитать, сможет ли она вести широкомасштабную войну.

Через несколько дней после получения письма генерала Борисова полковник Марченко пытался успокоить руководство разведки. Он считал, что австро-венгерская армия пыле находится не в высокой степени боевой готовности, да и политическая атмосфера складывается пе лучшим образом.

Все года своего пребывания в Вене Митрофан Марченко, используя возможные методы, зорко следил за изменениями военно-стратегической обстановки в Австро-Венгрии. Неоднократно его донесения представлялись военным министром Владимиром Сухомлиновым Его Императорскому Величеству. Так было в июне 1909 года, когда Марченко сообщил о переговорах болгарского царя Фердинанда и министра иностранных дел Австро-Венгрии Эрепталя, в июле того же года, после его донесения о возможности политического кризиса в Турции.

Но полковник Марченко занимался не только добыванием информации военно-политического характера и ее обработкой, он поставлял в Главное управление Генерального штаба совершенно секретные материалы, касающиеся, например, австро-венгерской артиллерии.

В ноябре 1906-го полковник Марченко докладывал, что за год работы переправил в Петербург «в подлинных копиях 20 тетрадей с соответствующими чертежами всех тех секретных данных, которыми исчерпывается перевооружение австро=венгерской полевой артиллерии». Представьте себе, русский Генштаб усилиями военного агента обладал всеми артиллерийскими секретами Австро-Венгрии. Думаю, эти три строчки из донесения

Марченко дорогого стоят и говорят о его высоком профессионализме.

Разумеется, столь «продуктивный» Митрофан Марченко стал головной болью для имперской контрразведки. Были предприняты все меры, чтобы убрать русского военного агента из Вены. Спецслужбы вышли на тайного агента Марченко — служащего артиллерийского депо Кречмара. Его арестовали, а Марченко предложили уехать в отпуск без возвращения в Вену.

«Взамен Марченко, — писал в своей книге «Разведка и контрразведка» Макс Ронге, — мы получили столь же опасного руководителя русской агентуры в лице полковника Занкевича».

Ко времени прибытия Михаила Ипполитовича в Вену в октябре 1910 года обстановка в Австро-Венгрии представлялась российскому Генштабу как лихорадочная подготовка к войне. Во всяком случае, так охарактеризовал ее предшественник Занкевича полковник Марченко за три месяца до своего отъезда.

Возможно, в этой оценке и было некоторое преувеличение, но оно объяснялось тем, что в предвоенные 1911–1914 годы основное внимание уделялось Германии, Балканским странам и в первую очередь Австро-Венгрии.

Интересно проследить деятельность военных агентов в Болгарии, Черногории, Сербии, Турции и, разумеется, в Австро-Венгрии в короткий, но напряженный отрезок времени — две последних недели сентября 1912 года. Эти педели обусловлены для России, как определяют некоторые историки, «синдромом скорой войны».

Но что, собственно, произошло в эти казалось бы ничем не примечательные педели? Только то, что у военной разведки России была достоверная информация о неизбежном военном конфликте на Балканах, когда малые страны региона готовы были выступать против турок.

Возникает, естественно, главный вопрос — когда начнется война и кто ударит первым.

Первым на него ответил военный агент в Черногории генерал-майор Николай Потапов. он считал, что боевые действия начнутся 1 октября 1912 года, и раскрыл предполагаемый план действий антитурецкой коалиции. Письмо его было направлено в отдел генерал-квартирмейстера 15 сентября.

На следующий день 16-го туда же поступает донесение военного агента в Турции генерал-майора Ивана Хольмсена. У Ивана Алексеевича совершенно противоположное мнение. Он считает, что сосредоточение и наращивание воинских частей на некоторых участках турецко-болгарской границы оказывают «успокаивающее влияние на умы болгарского королевства».

17 сентября генерал-майор Николай Потапов сообщает в Петербург: в течение недели ожидается общая мобилизация четырех балканских государств.

19 сентября военный агент в Болгарии полковник Георгий Романовский доносит в Генштаб: «Болгария ни при каких условиях не остановится, для нее теперь отступления нет…»

В тот же день из Австро-Венгрии от военного агента полковника Михаила Занкевича приходит сообщение, в котором он утверждает о возможности принятия Веной решения занять Санджак в случае вступления в него сербов.

20 сентября военный агент в Сербии полковник Виктор Артамонов подтверждает информацию Занкевича о том, что возможность столкновения сербов и австрийцев в Санджаке не исключается.

Практически каждый день получая такие сообщения, офицеры генерал-квартирмейстерства в Петербурге в растерянности — военные агенты в Черногории, Болгарии, Румынии, Сербии высказывают одну точку зрения, агент в Османской империи — другую. В штаб-квартире военной разведки нарастает напряжение — руководству империи необходимо изложить целостную картину развития событий на Балканах. Но как ее изложить при таком разнообразии мнений.

Следует признать, что зарубежные силы военной разведки— военные агенты — не смогли до конца «вскрыть» намерения противоборствующих сторон. Первой в войну вступила Черногория 9 октября 1912 года, следом за пей — Болгария, Греция, Сербия. Однако в то же время надо признать, что стратегическая информация, предоставляемая в отдел генерал-квартирмейстера, была верной — предупреждения о скором начале войны соответствовали действительности, как, впрочем, и состав противоборствующих сил.

На мой взгляд, добывающие службы (военные агенты) в данной ситуации сработали достаточно продуктивно. Но обрабатывающие органы генерал-квартирмейстера еще не были столь профессиональны, чтобы па основании разнообразной, а порой и весьма противоречивой информации, выработать точный, безошибочный прогноз. За них это пытались сделать сами военные агенты, но, увы, они могли опираться только на данные своей агентуры в конкретной стране. Общую картину из мозаики агентских разведсведений под силу было сложить только офицерам-аналитикам отдела генерал-квартирмейстера. Но они ее не сложили. Почему? Это тема большого отдельного разговора.

А мы вернемся к фигуре военного агента в Австро-Венгрии Михаила Занкевича. Как попятно из приведенных ранее фактов и

документов, Михаил Ипполитович активно участвовал в сборе разведсведений военно-стратегического характера. Однако он так же умело добывал информацию непосредственно по вооруженным силам страны пребывания.

Из его материалов, донесений, справок делопроизводители отдела генерал-квартирмейстера составили сборник «Вооруженные силы Австро-Венгрии».

Тот же Макс Ронге в уже названной работе «Разведка и контрразведка» раскрывает секрет провала агентов Занкевича — братьев Чедомила и Александра Яндрич. В эту агентурную группу входили также Артур Итцикуш, Юлиус Петрич, Флориан Линднер. Их выследили контрразведчики и венское полицейское управление.

Ронге признает, что «Занкевич… в качестве трофеев увез с собой в Россию агентурные донесения обоих Яндрич и прочих упоминаемых лиц, а также многое другое».

Право же, Макс Ронге знал, что говорил, в ту пору он был одним из руководителей контрразведки.

А завершить рассказ о Михаиле Ипполитовиче хотелось бы словами российского посла в Вене Николая Гирса: «О заслугах полковника Михаила Занкевича, как военного, я, конечно, судить не берусь: они могут быть справедливо оценены лишь его военным начальством… Я бы не исполнил долга совести, если бы не просил вашего высокопревосходительства при случае засвидетельствовать последнему о высоком мнении, которое я имею и продолжаю иметь о редких умственных и душевных качествах полковника Занкевича и об искреннем моем сожалении по поводу его ухода».

Разумеется, говоря о военной разведке России в годы, предшествующие Первой мировой войне, нельзя не вспомнить, пожалуй, о самой большой удаче — вербовке Альфреда Редля, одного из руководителей австро-венгерской разведки.

О «самом важном шпионе» той поры написало много. Однако его деятельность, провал и самоубийство до сих пор вызывают массу вопросов.

Не знаю, да и вряд ли кто сегодня может сказать, был ли это Редль, или «негласный агент № 25», который передавал данные уже после смерти австро-венгерского полковника, но важно другое — такой ценный источник у русской разведки был. Служил он в Генеральном штабе вооруженных сил империи и снабжал нашу разведку секретной документацией государственной важности.

Доныне идут споры, кто же завербовал этого агента, так и оставшегося неизвестным? Некоторые историки называют

полковника Николая Батюшина — старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа, а в войну начальника разведывательного отделения штаба Северо-Западного фронта.

Однако это не так. Вербовку провел не кто иной, как военный агент в Вене полковник Владимир Рооп. Позже он передал ценного агента капитану Александру Самойло, который служил помощником старшего адъютанта штаба Киевского военного округа и занимался вопросами разведки Австро-Венгерской армии. Владимир Христофорович встретил Самойло в Киеве, когда временно приехал из Веша, чтобы пройти так называемое цензовое командование полком.

С тех пор Александр Самойло курировал агента № 25. Когда же полковник Редль покончил жизнь самоубийством, он высказал мнение, что этим агентом и был Редль. Но с ним не согласился генерал Рооп, единственный из русских военных разведчиков лично знакомый с агентом.

Отсюда не исключается, что «самый важный шпион» Редль, работающий на Россию, есть не что иное, как самая большая мистификация австро-венгерской разведки, а все последующие книги, статьи, фильмы — история заблуждений.

Повторюсь, для нас, в сущности, пе имеет значения, был ли это Редль или агент № 25. Важно, что он существовал, а через него и доступ к необходимым секретным материалам.

… Безусловно определяя для себя в качестве главных, ведущих направлений германское и австро-венгерское направления, руководители военной разведки Российской империи прекрасно понимали, сколь важны для них, например, Скандинавия или Швейцария. С территории этих стран велась самая активная агентурная деятельность против наших вероятных противников.

О Балканских странах и говорить не приходилось. За ними нужен был таз да глаз, да еще какой зоркий глаз. Это направление всегда беспокоило российский Генштаб.

И этому беспокойству было свое объяснение. Малые страны Балканского полуострова, сохранившие, с одной стороны, зависимость от больших держав, с другой — вечные противоречия между собой, могли в любой момент стать основой нестабильности в регионе. Л ведь регион этот был очень близок к российским границам.

Что же касается Британской империи или Франции — эти крупнейшие державы Европы без всяких оговорок требовали самого пристального к себе внимания.

Ваг и получалось, что наряду с главными, второстепенных направлений в деятельности генерал-квартирмейстерской службы

Генштаба России попросту не было.

Итак, в Швейцарии военным агентом довольно продолжительное время служил полковник, потом генерал-майор Дмитрий Ромейко-Гурко, а в Скандинавских странах — Дании, Норвегии и Швеции — подполковник граф Алексей Игнатьев.

Дмитрий Иосифович Ромейко-Гурко был боевым офицером — командовал эскадроном, обрел опыт штабной работы: состоял обер-офицером штаба армейского корпуса, Одесского военного округа, штаб-офицером для поручений при штабе Сибирского военного округа, потом при командующем 3-й Маньчжурской армией.

Перед поездкой за рубеж два года занимался проблемами разведки в Главном управлении Генерального штаба. С апреля 1908 по август 1915 года — военный агент в Швейцарии.

По возвращении из командировки назначен начальником штаба армейского корпуса.

Граф Алексей Алексеевич Игнатьев, без сомнения, самый известный в нашей стране военный агент. Большую популярность приобрела его книга «Пятьдесят лет в строю», да и судьба этого человека поистине удивительна.

Получив прекрасное образование — закончив Владимирско-Киевский кадетский корпус, а также Пажеский Его Величества корпус, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду, Алексей Алексеевич попал в войска, командовал эскадроном. Был переведен в управление генерал-квартирмейстера Маньчжурской армии, потом в соответствующее управление главнокомандующего. После окончания Русско-японской войны служил в штабе 1-го гвардейского корпуса.

В 1906 году — краткосрочная командировка во Францию, где исполнял должность помощника военного агента. Уже в следующем году Алексей Алексеевич назначен военным агентом в Дании, Швеции и Норвегии. Там он находится до 1912 года.

Весной 1912-го — граф Игнатьев в Париже, военный агент во Франции.

Таковы основные жизненные вехи наших агентов, а теперь обратимся к их делам.

Для Генерального штаба России весьма важным оставался вопрос — в случае войны Швейцария сохранит своей нейтралитет или примкнет к какому-либо из военных блоков? А если примкнет, то к какому?

В 1909–1910 годах полковник Дмитрий Ромейко-Гурко считал, что Швейцария при возникновении конфликта вряд ли окажется нейтральной. В качестве аргументов приводились те обстоятельства, что верхи страны тяготятся нейтральностью своей

политики, да и швейцарская армия велика для подобной роли. А коли так, то скорее всего эта альпийская республика выступит на стороне противников России — Германии и Австро-Венгрии. Почему? Потому что большинство швейцарских офицеров обучались в немецких военных училищах, две трети населения говорит по-немецки, да и Берлин и Вена всегда были ближе и доброжелательнее к Берну, чем Рим и Париж.

Но по мере того как мир неотступно катился к Первой мировой войне, мнение русского военного агента в Швейцарии менялось. В декабря 1913 года он уже сообщил в Петербург: «… Считаю, что в ближайшем будущем, один год или два, в случае войны Швейцария не присоединит своих сил к германским дня активных действий, по крайней мере до решения участи войны не позволит Германии существенно нарушить нейтралитет своей территории».

Так, в сущности, оно и случилось. Швейцария осталась нейтральной, не примкнув ни к одному из военных союзов.

Разумеется, Ромейко-Гурко интересовала не только эта маленькая альпийская страна и се политические пристрастия, но в большей мере могучий и агрессивный сосед — Германия.

И вот тут надо отдать должное — Дмитрий Иосифович оказался провидцем. В апреле 1913-го, более чем за год до начала войны, он докладывал начальнику Генерального штаба: «…Я лично убежден в том, что Германия не допустит войны до начала 1914 года, настолько же я сомневаюсь в том, чтобы 1914 год прошел без войны…» Как говорится, не в бровь, а в глаз.

… В мае 1905 года произошел распад государственной унии между Швецией и Норвегией. Россия дальновидно поддержала создание независимого молодого норвежского государства.

В этот период в Скандинавии военным агентом Российской империи был полковник Александр Алексеев. Он сделал многое для того, чтобы донести до руководства в Петербурге истинное понимание развития событий в скандинавских странах.

Алексеев был горячим сторонником сближения с Норвегией. В мае 1905-го, как раз в момент разрыва унии, полковник лично выехал в Швецию и Норвегию, чтобы собственными глазами увидеть происходящее и верно оценить обстановку. Уже 1 июня он направил депешу из Копенгагена в Петербург, в которой настоятельно советовал поспешить, дабы «расположить к себе новую монархию». Судя по всему, к мнению Александра Максимовича прислушались, и 16 октября 1905 года Россия первой из великих держав признала Норвегию.

Сменщиком на посту военного агента Алексеева в Скандинавских странах в 1907 году стал подполковник Алексей

Игнатьев.

Несмотря на молодость, за спиной Игнатьева была Русско-японская война, опыт ведения разведки в условиях боевых действий. На север Европы он приехал из Франции, где исполнял обязанности помощника военного агента.

У Алексея Алексеевича к тому времени сложился свой взгляд на методы работы военного агента. Он считал и твердо отстаивал свое мнение, что негласную агентуру можно использовать только в отношении третьих государств, но не против страны пребывания. Игнатьев доказывал, что найдет возможность узнать об армиях скандинавских стран все необходимое.

Свое слово военный агент сдержал. Главное управление Генерального штаба получило всю необходимую информацию.

Теперь обратим свои взоры к Балканам. Традиционно Россия отстаивала здесь свои интересы. Участие Российской империи в балканских проблемах имело давние исторические корни. И тем не менее у Петербурга в отношениях с каждой из этих стран имелась своя специфика, политические и стратегические особенности.

Сербия, одно из самых сильных в военном отношении государств на Балканах, была союзником России. Отсюда и задача военных агентов — отслеживать политическую и военную обстановку по отношению к Австро-Венгрии и Турции, знать состояние и боеготовность сербской армии, межгосударственные интересы руководства страны пребывания.

Военными агентами в Сербии в этот период работали полковники Владимир Агапеев и Виктор Артамонов. Первый служил в 1907–1909 годах, второй — в 1909–1916 годах.

Судьбы их весьма схожи. Оба закончили кадетские корпуса, военные училища и Николаевскую академию Генерального штаба. Учились отменно, поэтому закончили курс академии по первому разряду. Потом, как обычно, служба в войсках. Агапеев командовал эскадроном, занимал должность старшего адъютанта штаба кавалерийской дивизии, штаб-офицера для особых поручений при штабе корпуса. С этой должности его и командировали в Сербию.

Артамонов тянул лямку в пехоте и, как наиболее перспективный офицер, был рекомендован в разведку, в штаб Одесского военного округа.

В 1907 году назначен военным агентом в Турции, а в 1909-м — в Сербии. Виктор Алексеевич с войсками сербской армии отступал, уходил в Албанию, далее — на остров Корфу. В Белград возвратился только в 1918 году.

Тот предвоенный период, когда в Белграде служили Агапеев

и Артамонов, характеризуется яркой и точной оценкой ситуации, данной их предшественниками.

«В Сербии… действует тайная рука Австрии, желающей разжечь пожар на Балканском полуострове», — писал военный агент в Сербии и Черногории подполковник Иван Сысоев.

Исходя из этой безусловно верной оценки и действовали российские военные разведчики. Они понимали, что преградой для распространения австрийского влияния является именно Сербия. Отсюда и использование территории Сербии как плацдарма для развертывания агентуры в Австро-Венгрии.

По данным историка разведки Михаила Алексеева, у военного агента полковника Артамонова была тесная связь с разведорганами Сербии. Вместе с начальником штаба сербской армии полковником Драгутином Дмитриевичем им удалось завербовать предпринимателя Раде Малобабича, который в свою очередь организовал агентурную сеть в Австро-Венгрии.

В Черногории роль русского военного агента подполковника, позднее полковника Николая Потапова тоже была весьма своеобразна. Он не только исполнял сугубо военно-дипломатические обязанности, но являлся по сути начальником управления боевой подготовки черногорской армии. Дело в том, что по договору между Россией и Черногорией военный агент в Цетинье осуществлял руководство боевой подготовкой.

Однако Николаю Потапову приходилось не только обучать черногорцев метко стрелять и тактически грамотно наступать, но и внимательно следить за устремлениями их господаря Николая I.

«…Королю Николаю самому хочется войны с Турцией, — писал в Петербург в июне 1911 года Потапов, — чтобы “спасти лицо” перед албанцами, которых недалекие советники господаря толкали в неравную борьбу с турками».

Полковник Потапов умело просчитал все достаточно опасные шаги черногорского правителя и настоятельно рекомендовал предпринять кардинальные меры для охлаждения «горячей головы» Николая. А именно — отказать королю в финансировании на содержание албанцев. Что и было сделано.

В предвоенные годы в России роль Болгарии рассматривалась во многом как центральная, основная в балканской региональной политике. В далеком прошлом остались славные времена Шипки и Плевена, и Болгария теперь была совсем иной. Правительство Радиславова, поддерживаемое царем Фердинандом, расценивалось как антирусское.

Военный агент полковник Георгий Романовский, прибывший в Софию в 1911 году, достаточно опытный разведчик, хорошо

знающий регион, с тревогой сообщал, что нынешнее правительство в любую минуту может пуститься в авантюры и вызвать новые осложнения на Балканах.

Он предпринимает ряд мер, дабы в конечном итоге вывести Болгарию из турецко-австро-венгерского влияния. Предложения Георгия Дмитриевича можно проследить по переписке Главного управления Генерального штаба и военного агента в Софии.

В октябре 1913 года он предлагает провести финансово=экономическую операцию, чтобы устранить от власти политиков, настроенных антироссийски.

Что это за операция? Агент хочет не допустить котировки предстоящих болгарских займов на Парижской бирже.

В ноябре полковник Романовский сообщает в Петербург о желательности открытия в Болгарии органов печати, которые работали бы на авторитет России, разумеется, на деньги, предоставляемые нашим правительством. Он приводит в пример австрийцев, которые именно так и поступают, борясь с российским влиянием в Болгарии.

Наряду с конкретными шагами военный агент в Софии постоянно отслеживал геополитическую ситуацию в стране. К примеру, в январе 1914 года после победы сторонников действующего правительства в Народном собрании Романовский сообщил об австро-болгарском союзе практически как о свершившемся факте. По существу же, несмотря па такие заявления, поведение Болгарии в будущей войне оставалось неясным.

Трудно предсказуемой в подобном конфликте была и позиция Румынии. Наиболее точно се охарактеризовал знакомый уже нам полковник Михаил Занкевич, проходивший службу в Бухаресте в качестве военного агента с 1905 по 1910 год. В июне 1907 года он докладывал в Главное управление Генерального штаба о военной политике румынского короля Карла, «не желающего связывать себя никакими обязательствами ни с Турцией, ни с Болгарией, и стремящегося сохранить полную свободу действий с тем, чтобы в нужную минуту стать па ту или другую сторону в зависимости от обстановки и указаний свыше — от своих немецких союзников».

Однако для руководства Генштаба в конечном итоге требовалась конкретизация. Да, король Карл оставляет возможность маневра в ту или другую сторону, но в какую?

В декабре 1909 года в недрах Главного управления появляется записка о наиболее вероятных планах и действиях Румынии на случай войны с Россией. Что же предсказывают аналитики Генштаба, основываясь, разумеется, на материалах военных агентов? А предсказывают они, что Румыния в случае

начала военных действий выступит на стороне Австро-Венгрии. Возможны, но маловероятны и самостоятельные действия против Бессарабии.

До событий 1909-го (выступление офицеров, объединенных в «Военную лигу») и 1910 годов (когда в русском Генштабе стала активно обсуждаться проблема греко-турецкой войны) Греция находилась как бы во втором эшелоне балканской политической жизни. По теперь обстановка изменилась. Нестабильность в этом ключевом балканском государстве заставила русскую военную разведку обратить внимание на Грецию.

Военный агент полковник Павел Гудим-Левкович характеризовал обстановку внутри страны не иначе как анархию. Что же касается вооруженных сил страны, то Павел Павлович в сентябре 1910 года доносил в Генштаб: «Расшатанная в корне дисциплина, отсутствие чувства долга, лень, нежелание работать… занятие политикой и борьба партий, извращенное понятие об индивидуальной свободе — все это вконец развратило армию…»

Несмотря на подобное состояние армии, через два года Греция подпишет с Болгарией союзнический договор. В свою очередь Сербия оформит с той же Болгарией военную конвенцию. После этого всем станет ясно: антиосманская коалиция состоялась и война неминуема. И она, как известно, началась 1 октября 1912 года. Черногория, Болгария, Греция, Сербия, с одной стороны, и Турция — с другой.

Бои шли до декабря. В апреле 1913 года было подписало перемирие, а в мае — Лондонский мирный договор. Греции по этому договору отошел остров Крит, она также получила вместе с Болгарией и Сербией некоторые части Македонии и Фракасе. Однако несмотря на это все остались недовольны — взаимные претензии балканских государств друг к другу усиливали военно-политическую конфронтацию.

16 июня болгарские войска вступили в бой против сербских и греческих частей. Началась вторая балканская война. Болгария эту войну проиграла.

Полковник Гудим-Левкович в июле 1913 года писал в Петербург: «Умаление Болгарии и возвеличивание Греции представляется мне крайне опасным для нас и славянства…

…Греция может легко повернуть в сторону Тройственного союза».

Теперь пришла пора поговорить о Турции. Опа уже неоднократно упоминалась нами в контексте отношений и противостояний с другими странами.

В Константинополе военным агентом Российской империи

проходил службу полковник, а с 1910 года генерал-майор Иван Хольмсен. Он провел за границей 13 лет, сначала в качестве военного агента в Греции, потом в Турции. По возвращении на Родину командовал бригадой, пехотной дивизией.

В 1913 году в Константинополе его сменил генерал-майор Максим Леонтьев. Турция была знакома Максиму Николаевичу, здесь он служил помощником военного агента еще в 1901 году. Потом занял пост агента в Румынии, позже в Болгарии.

И Хальмсен и Леонтьев в числе первых высказали предположения, которые позже назовут «государственническими», а их авторов «государственниками». Их разовьет потом на страницах «Русского инвалида» известный военный теоретик, делопроизводитель Главного управления Генерального штаба Александр Свечин. В декабре 1913 года он выступит со статьей «О национальных идеях в военном искусстве». Кстати, статья Свечина даст начало горячему обсуждению этой непростой проблемы.

А суть проблемы состояла в следующем: если с общеславянской позиции выдавливание турок из Европы — благо, то для России — это серьезная проблема. Турция усилит свое влияние в направлении Кавказа.

Генерал Михаил Леонтьев, как патриот своей страны, был горячим сторонником обеспечения интересов России в Средиземноморье и в кавказском регионе. Именно поэтому в июле 1913 года он сообщил в Генштаб о возможности оккупации Трапезунда русскими войсками. Леонтьев считал, что это можно сделать — османы не в состоянии вести войну, а Россия таким образом получит гарантию безопасности в кавказском регионе.

Предвоенный период для России и Франции характеризовался стремлением к сближению. Это ощущалось во всех сферах общественно-политической жизни двух стран.

Не отставали от политиков, финансистов, промышленников и военные. Командировки офицеров русской армии во Францию и наоборот стали регулярными.

Поскольку Петербург и Париж позиционировали себя союзниками, у военных агентов не было надобности в развертывании агентурной сети в стране пребывания. Русская разведка предполагала использование Франции в качестве плацдарма для работы против Германии и Австро-Венгрии.

Русскими военными агентами в Париже в эти годы были полковник Владимир Лазарев, генерал-майор граф Григорий Ностиц и полковник граф Алексей Игнатьев.

Каждый из них вошел в историю российской военной дипломатии по-своему. Граф Ностиц, например, роскошными

приемами, о которых говорил весь Париж. Григорий Иванович был очень богат и потому его больше занимали светские рауты, чем разведработа. Справедливости ради надо сказать, что он отправил в Петербург немало корреспонденции, но, по свидетельству Алексея Игнатьева, это нередко бывала газетная вырезка или интересная статья, которую мог бы отправить в столицу любой штатный писарь.

Полковник Владимир Лазарев в отличие от Ностица показал себя блестящим аналитиком. В своих мемуарах тот же Игнатьев говорит о предвидении русского военного агента. Оказывается, он разработал план возможного наступления немецких войск. «Владимир Петрович, — пишет Игнатьев, — много потрудился над этим планом, но только история воздала должное его прозорливости: как в 1914, так и в 1940 году германская армия вторглась во Францию вдоль левого берега Мааса, через Бельгию».

К глубокому сожалению, командование французских вооруженных сил не оценило гениального предвидения русского военного агента, за что, собственно, жестоко поплатилось.

В 1912 году на должность военного агента в Париж был назначен полковник Алексей Игнатьев. Он сделал немало для укрепления союзнических связей между Россией и Францией. Ему ставят в заслугу (и но праву) умение убедить начальника разведки Генштаба французской армии в важности совместной работы обеих разведслужб. Казалось, после подписания соглашения Игнатьев мог быть спокоен — информация из Генштаба Франции поступала бы к нему беспрепятственно. Но Алексей Алексеевич к тому времени был уже опытным разведчиком и не собирался полагаться только на один канал информации. Он поддерживает обширные личные связи, которые помогают ему находиться в курсе событий.

… В 1907 году Россия и Великобритания заключила конвенцию «О разграничении сфер влияния в Иране, Афганистане и Тибете». С этих пор, по мнению аналитиков, началось пусть и не спешное, но сближение позиций двух стран.

В сентябре 1911 года военный агент в Британии генерал-лейтенант Николай Ермолов докладывает в Главное управление Генерального штаба: «В военных сферах Англии война Франции с Германией ожидается. Англия намерена поддержать Францию на море и суше».

Николай Сергеевич Ермолов был старейшим русским военным агентом. В общей сложности он четверть века провел в

Лондоне. Второе его назначение в Великобританию состоялось в 1907 году, а покинул он берега Туманного Альбиона

в возрасте 63 лет в 1916 году.

Однако, несмотря на свой возраст, генерал Ермолов интересовался не только самой метрополией, но и выезжал, например, в Индию. Он основательно изучил англо-индийскую армию, обстановку на границах Индии с Афганистаном и Китаем.

Возвратившись в Лондон, Николай Сергеевич написал обстоятельный доклад на эту тему. В Главном управлении Генерального штаба он был оценен достаточно высоко.

Такова была работа военных агентов Российской империи в года, предшествующие историческому событию — Первой мировой войне. Разумеется, разведдеятсльностыо занимались штабы военных округов — Западных (Петербургского, Виленского, Варшавского, Киевского, Одесского), работающих по Ближнему и Среднему Востоку (Кавказского, Туркестанского), Дальневосточных (Омского, Приамурского), офицеры, командирующиеся за границу с разве/щелями, негласные агенты из числа российских подданных, находящиеся в других государствах, тайные агенты из числа иностранцев.

Все они были нужны России, поскольку страна наша стояла на пороге величайших испытаний, которые выпали на ее горькую долю и в Первую мировую войну, в революцию, в Гражданскую.

«РАЗВЕДКА… НЕ РАДУЕТ СВОЕЙ ПРОДУКТИВНОСТЬЮ»

28 июня 1914 года австрийский эрцгерцог Франц Фердинанд был убит сербским студентом Гаврилой Принципом в боснийском городе Сараево. Казалось бы, Европа стоит на пороге войны. Ан нет, в возможность войны верили немногие. Особенно в России.

Военный агент в Австро-Венгрии барон полковник Александр Винекен спустя два дня после выстрела в Сараево сообщал в Главное управление Генерального штаба о том, что «кончина Франца Фердинанда является фактором скорее в пользу мира. Австро-Венгрия сама вряд ли решится, во всяком случае в ближайшем будущем, бросить перчатку своим врагам…»

Сегодня, когда читаешь эти строки и знаешь, что в пламени Первой мировой погибнет 10 миллионов человек и более 20 миллионов будут ранены, и Россия потеряет больше всех — около 1,6 миллиона, — мороз по коже. Но слов из песни не выбросишь, как бы она ни была тяжела и трагична.

Эти предвоенные настроения очень хорошо передаст в своей книге «Россия в мировой войне 1914–1915 гг.» Юрий Данилов, генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего.

«Предложение о возможности серьезного обострения конфликта, создавшегося сараевским событием, — писал он, — казалось у нас в России настолько маловероятным, что в половине июля я был командирован на Кавказ, на очередную полевую поездку офицеров Генерального штаба…»

Покинул свое рабочее место в Генштабе не только Данилов, но многие другие генералы и офицеры. Так подавляющее большинство военных агентов Российской империи в европейских странах к началу войны оказались вдалеке от своих штаб-квартир.

Из Швейцарии на родину убыл полковник Дмитрий Ромейко-Гурко, в Греции отсутствовал полковник Павел Гудим-Левкович, в Сербии — полковник Виктор Артамонов. Покинул Брюссель агент в Бельгии и Нидерландах полковпик Сергей Потоцкий. Он был назначен для дальнейшего прохождения службы в Берлин и убыл туда за несколько дней до войны. В Петербурге, а не в Париже находился и военный агент во Франции граф полковник Алексей Игнатьев.

К счастью, в странах пребывания продолжали исполнять свои служебные обязанности полковники Оскар Энкель (Италия), Георгий Романовский (Болгария), Борис Семенов (Румыния),

Дмитрий Кандауров (Дания, Швеция, Норвегия), генерал-лейтенант Николай Ермолов (Великобритания).

Вдалеке от предстоящего театра военных действий несли службу военные агенты в Японии, Китае, в Соединенных Штатах Америки. Там, соответственно, находились генерал-майоры Владимир Самойлов, Ричард Валтер и сменивший его в 1915 году подполковник Николай Морель, полковник Александр Николаев.

Кто эти генералы и полковники, вступившие в войну вместе со всей русской армией, боровшейся с врагом своими способами и методами? Методами разведки.

Во многом они похожи на своих предшественников. Образование получали в кадетских корпусах, военных училищах, академии Генерального штаба. Однако теперь среди них появились офицеры, выпускники инженерных и артиллерийских училищ. Это говорило о том, что корпус дипломатов в погонах пополняли военные специалисты, знающие современное вооружение и технику.

Выпускниками Николаевского инженерного училища были военные агенты генералы Самойлов, Валтер, подполковник Майер, Константнновское артиллерийское окончил генерал Муханов, офицерский экзамен при Михайловском артиллерийском училище выдержал генерал Ермолов.

Однако потом все они окончили Николаевскую академию Генерального штаба. Не было ни одного агента без академического образования.

Интересно и то, что теперь в рядах военных агентов встречались не только выпускники различных корпусов — Пажеского, Александровского, Владимирско-Киевского, Симбирского, но и классических гимназий — Царскосельской, Варшавской. Более того, будущие военные агенты генерал Ермолов и полковник Волконский имели дипломы Санкт-Петербургского императорского университета.

В профессиональном плане подготовка также улучшилась. Теперь перед поездкой за рубеж офицеры несколько лет набирались опыта разведработы в стенах Главного управления Генерального штаба. Это уже становилось доброй традицией. Они работали младшими делопроизводителями, столоначальниками, уезжали за границу помощниками военного агента и только потом, со временем занимали ответственные должности военных агентов.

Вот, к примеру, полковник Александр Николаев. В разведку пришел в 1901 году, исполнял должность столоначальника, потом был помощником делопроизводителя Главного управления. В 1911 году убыл в командировку помощником

военного агента в Китае, в 1914 году переведен на соответствующую должность в Великобритании — и только через два года стал военным агентом в США.

Разумеется, были и исключения. Полковник Павел Гудим-Левкович отработал помощником делопроизводителя Главного управления Генерального штаба всего одиннадцать месяцев и оказался в Греции, в кресле военного агента. Судя по всему, по протекции. Однако высокое для Павла Павловича кресло оказалось весьма жестким, особенно когда началась война. Впрочем, об этом наш рассказ еще впереди.

Итак, Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Россия выступила против Австро-Венгрии. В ответ в августе 1914 года посол Германии в Петербурге граф Пурталес вручил министру иностранных дел Сазонову ноту, в которой кайзер Вильгельм объявлял войну России.

Война есть война. И от разведки зависит очень многое. Самое важное — вскрыть планы противника, состав его сил и направление главного удара. Но как ответить на эти три сакраментальных вопроса, если в мирное время не была развернута агентурная сеть, отсутствуют ценные источники, способные во время боевых действий поставлять необходимую развединформацию. Сдается мне, что туг нет ответа. Оказывается, есть. У войны жестокие законы. И отвечать пришлось военным агентам.

В день объявления войны Главное управление Генерального штаба направило циркулярное требование в европейские столицы своим агентам. В нем были главные слова: «во что бы то ни стало… выяснить к 25 июля (7 августа) направление движения группы центральных германских корпусов». Петербург приказывал средств не жалеть и выделил для вознаграждения сумму в 20 тысяч рублей.

Из всех военных агентов эту архиважную для русского Генерального штаба задачу вовремя удалось выполнить только одному — полковнику Оскару Энкелю. Он служил в Италии, в Риме.

Казалось бы, Оскар Карлович находился в самом невыгодном положении. Во-первых, в Италию он приехал всего четыре месяца назад и, естественно, не успел толком оглядеться, должным образом ознакомиться с регионом.

Во-вторых, у Энкеля не было тайных информаторов. Даже если бы ему очень захотелось их завербовать, это делать римскому военному агенту категорически запрещалось. Разве что только по особому распоряжению генерал-квартирмейстера Генерального штаба. Но такого распоряжения Энкель не имел.

В-третьих, границы между Германией и Италией, Австро-Венгрией и Италией с началом войны оказались перекрыты, движение пассажирских поездов остановлено, почтовая и телеграфная связь крайне затруднена.

В-четвертых, времени, отведенного Генштабом для выполнения задания, было слишком мало. Как указывал в одном из своих отчетов Энкель, даже «при нормальных условиях мирного времени поездка из Рима в Берлин и обратно в скорых поездах требует четырех суток».

Словом, все было против полковника Энкеля. Но Оскар Карлович не собирался сдаваться. Через знакомых удалось выйти на некоего владельца римского бюро путешествий, и уже 21 июля (3 августа) в Германию выехали четыре агента. Поездки первых двух были неудачными, а вот сам хозяин бюро вместе с помощником пробился в Германию на автомобиле и к утру 25 июля (7 августа) сообщал: 4-й, 12-й, 19-й немецкие корпуса перебрасываются на запад, в сторону Франции.

Сложнейшая разведзадача была выполнена. Однако дальше — больше. Через несколько дней полковник Энкель получит новое задание, еще более сложное — создать в Германии и Австро-Венгрии агентурную сеть для наблюдения за перемещением германских частей. Поскольку Генштаб указал конкретные города на немецкой территории, где предстояло организовать наблюдательные точки, это означало, что Оскару Карловичу предстояло завербовать 6 агентов. И тут уже краткосрочной поездкой, как в предыдущий раз, не обойтись. Информаторы должны были легализоваться в указанных городах, ибо в период военного положения доступ посторонним лицам на железнодорожные станции закрыт, более того, их появление вызовет естественный интерес полиции и контрразведки. Стало быть, они должны располагать надежными документами прикрытия.

Но решение этой крайне сложной задачи означало всего лишь поддела. Представим, что агенты прибыли в пункты наблюдения, легализовались и начали работу. Как организовать передачу сведений из страны, находящейся на военном положении, в другое государство, в данном случае в Италию, в Рим?

Помните, в Русско-японскую войну, когда разведсведения передавались с Дальнего Востока сначала в Европу, оттуда в Петербург, а уж из столицы в штаб главнокомандующего? Они неизбежно устаревали в ходе такой долгой дороги. Теперь окольного пути даже представить себе было невозможно. Разведданные имели ценность только в том случае, если они в

срок попадали на стол командования. Это прекрасно понимал полковник Энкель.

Однако мало уяснить задачу, ее надо выполнять. Но как? Такая миссия, выражаясь современным языком, практически не выполнима.

Но Оскар Карлович Энкель прослыл человеком энергичным и деятельным. В его судьбе Первая мировая война уже была второй войной. Карьеру разведчика начинал в боевой обстановке, служил во 2-й Маньчжурской армии, готовил и засылал агентов во вражеский тыл. И делал это весьма успешно. Опыт, обретенный в Русско-японскую, помог и теперь. Бытует мнение, что Энкелю сильно повезло. Возможно. Однако, как гласит народная мудрость, — везет тому, кто везет.

Так вот полковник Оскар Энкель, на мой взгляд, нашел идеальных по тем временам агентов. Принимаю возможный упрек по поводу того, что таких агентов не существует. И все-таки настаиваю на своем определении. Кто же были эти люди? Это работники международной организации спальных вагонов. В первую очередь подданные Германии и Австро-Венгрии. Немецкое посольство в Риме содействовало их работе, и даже разрешило пользоваться телеграфной связью для передачи сообщений в Италию и Швейцарию. Агентурная сеть, созданная военным агентом России полковником Энкслем, действовала всю войну, до августа 1917 года. За три года она не имела провалов и передала огромное количество ценнейшей развединформации.

Оскар Карлович как опытный резидент умело, со знанием дела руководил агентами, хитро обходя ловушки контрразведки. Когда требовала военная обстановка, он переводил информаторов из одного города в другой, распространяя свое влияние на возможно более широкую территорию.

В июле 1915 года Энкеля па посту военного агента в Италии сменил князь полковник Александр Волконский. Вся агентурная сеть, созданная предшественником, перешла в его руки и работала так же успешно, без провалов.

Но вскоре и полковника Оскара Энкеля, который теперь являлся русским представителем при штабе главнокомандующего вооруженными силами Италии, и военного агента полковника Александра Волконского ждало тяжелое разочарование. По сути, они были обвинены в том, что все эти годы руководили организацией двойных агентов и что якобы информаторы Энкеля и Волконского работали на немецкую разведку. Подобный вывод сделали сотрудники Главного управления Генерального штаба после анализа информационных материалов, представляемых агентурной сетью.

Что ставилось в вину агентам? Например, то, что в агентурных материалах зачастую отсутствовали номера воинских частей, перебрасываемых по железной дороге, а информаторы нередко не давали сведения месяцами, что данные о наступлении вражеских войск совпадали с началом операции, а не опережали ее. Припомнили Энкелю также и разрешение германского посольства на пользование телеграфной связью и большие суммы денег, затраченные на содержание агентурной сети.

Слушать такие обвинения было тяжело. Правда, с мнением Главного управления Генерального штаба не согласился штаб Юго-Западного фронта. Он поддержал Энкеля и Волконского, но несмотря на это Главное управление приняло решение в начале 1916 года агентурную сеть закрыть. К счастью, ликвидировать ее не успели. В Рим приехал руководитель агентуры Юго-Западного фронта ротмистр Павел Игнатьев, брат военного агента в Париже Алексея Игнатьева, и переподчинил всю организацию (с разрешения Главного управления) разведке фронта.

Что же по поводу обвинений агентов Энкеля и Волконского со стороны Главного управления, то тут есть достаточно веские контраргументы. Не передавали номера воинских частей? Так это одни из самых секретных и охраняемых данных — немцы и австрийцы тщательно скрывали их.

Месяцами не было информации о передвижении эшелонов? Но такая информация напрямую зависела от вражеских перевозок. Шли эшелоны — передавали сведения, не шли — молчали.

Уже упоминавшийся нами историк спецслужб Михаил Алексеев оценивал работу агентов Энкеля таким образом: «Анализ сохранившихся документов позволяет дать в целом положительную оценку результативности работы организации и сделать следующие заключения: донесения агентов базировались на реальных фактах, действительно наблюдаемых ими, а не на сообщениях, взятых из газет, сплошь и рядом публиковавших дезинформацию. Донесения по своему содержанию вполне соответствовали стратегической обстановке на фронте».

В негативной оценке работы агентурной сети Энкеля — Волконского сыграло и еще одно обстоятельство — нередко данные, получаемые из Рима, резко диссонировали с другими сведениями, присылаемыми военными агентами, как раз таки черпавшими «дезу» из местных газет. Но поскольку черпали они зачастую из одного и того же источника, их данные совпадали, а сведения римской агентуры нет. Вот и получалось, как в старом анекдоте: вся рота идет не в ногу, а Энкель — в ногу.

Несмотря на всю противоречивость оценок деятельности

русской разведки, надо признать, что военный агент полковник Оскар Энкель работал активно и изобретательно и оказался одним из самых результативных руководителей русской разведки за рубежом в период Первой мировой войны.

Под стать Оскару Карловичу был и военный агент в Дании полковник Сергей Потоцкий. Из Бельгии и Нидерландов его направили в Берлин, чтобы сменить там убывающего на родину полковника Базарова. Однако началась война и Сергея Николаевича прикомандировали к русской миссии в Дании. Из Копенгагена он и организовывал всю работу по развертыванию агентуры в странах-иротивниках Российской империи. Кроме того, он поддерживал связь с некоторыми агентурными группами Юго-Западного, потом Западного фронтов, Одесского военного округа.

Разведывательная сеть Потоцкого в разное время насчитывала различное количество агентурных групп. Их было и девять и одиннадцать, доходило и до двадцати. Были здесь и очень ценные агенты, доставляющие документы и материалы — снимки, карты, копии чертежей, справочную литературу

Полковник Сергей Потоцкий поддерживал связь, оказывал постоянную помощь в работе и агентурным группам, которые замыкались напрямую на Главное управление Генерального штаба. Среди них группа «Секундус» и «Гектор».

Деятельность Потоцкого в годы войны с территории Дании против нашего главного противника — Германии была оценена высоко и признана руководством Главного управления одной из лучших.

В этот же состав наиболее умелых и высокопрофессиональных военных разведчиков безусловно входит и полковник Людвиг Майер. Он исполнял должность военного агента в Бельгии и Нидерландах. Руководитель германской разведки В. Николаи в книге «Тайные силы. Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время» так говорит о Людвиге Андреевиче: «Русская разведывательная организация была в Голландии гораздо планомернее, чем в Швейцарии, несмотря на то, 410 она находилась вдали от своего Отечества. Она была обязана этим русскому военному атташе в Гааге полковнику Майеру, лично принимавшему выдающееся участие в разведке».

Вот так оцепил деятельность Людвига Майера противник. Кстати, тот же Николаи считал, что успешно работать против немцев во время войны русской разведке помогли обширные связи, налаженные с Германией еще в мирное время.

Пожалуй, самый ценный агент Майера служил в агентурной

разведке германского Генерального штаба. Его данные стоили дорого, но они того стоили. Все сведения, которые собирал этот немецкий офицер, немедленно передавались в Ставку. И они всегда были точны и достоверны. Отдел генерал-квартирмейстера неоднократно сообщал об этом Майеру.

К сожалению, не все русские военные агенты, работающие за рубежом, действовали так же активно и добивались высоких результатов.

В Греции с 1909 года находился полковник Павел Гудим-Левкович. Помните, мы говорили о том, что Павел Павлович, не отслужив помощником делопроизводителя еще и года, был направлен в Афины сразу же на должность военного агента.

В мирное время Гудим-Левкович мог как-то существовать, но с началом войны Главное управление Генерального штаба предъявило ему серьезные требования по развертыванию агентурной сети и добыванию необходимых сведений.

Военный агент изворачивался как мог. Об этом интересно повествует в своей книге «Агентурная разведка. Т.I Агентурная разведка всех видов до и во время войны» К. Звонарев. На что только не ссылается Гудим-Левкович, какие только аргументы не придумывает, доказывая, что разведкой здесь заниматься никак невозможно. Причиной тому «немецкий террор, немецкая системность в контролировании как внутреннего управления империей, так и в особенности деятельности полиции».

Промучившись со своим военным агентом полтора года, генерал-квартирмейстерский отдел отозвал полковника из Греции. Ему на смену прибыл генерал-майор Александр Муханов. Он был сродни Гудим-Левковичу и уже через несколько месяцев доложил в Петербург, что усилия по созданию разведки результатов не дали.

Александр Владимирович подтвердил, что при его предшественнике никакой организации разведки не было, а создавать ее вновь нет возможности. Что тут скажешь, случалось и такое в нашей истории.

Так же «успешно» работал в Сербии и полковник Виктор Артамонов. С началом войны он доложил в Главное управление

Генерального штаба, что его агентурная сеть парализована австрийцами, многие посажены в тюрьму, расстреляны, — словом, исчезли бесследно.

В период когда австро-венгерская армия вторглась в Сербию и до се изгнания, Артамонов еще получал разведсведения от сербской разведки. Но когда австрияки отступили, разведданные иссякли. А командование требовало агентурных сведений, и тогда полковник нашел «гениальный» выход — он платил деньги

сотрудникам разведотдела Верховного командования Сербии и получал данные о вражеских войсках.

Стало ясно, что ничего путного из такой разведдеятельности не получится, и Виктор Артамонов был назначен комендантом города Солоники. Правда, и там Генштаб попытался возложить на него обязанности по развертыванию агентурной работы, после того как в этом деле оказался несостоятельным генерал Муханов. Однако и эта попытка была обречена на провал.

В Швейцарии до войны военным агентом состоял полковник Дмитрий Ромейко-Гурко. Отслужив в Бернс 7 лет, он подал рапорт па замещение должности командира полка. Однако ему пе суждено было возглавить полк. Ромейко-Гурко возвратился в Берн на прежнюю должность.

Он развернул активную агентурную деятельность — завербовал несколько информаторов и с их помощью представил в Главное управление Генерального штаба важную информацию. Например, о том, что наступление немецких сил будет направлено через Бельгию на Париж. Один из его агентов в короткий срок совершил несколько поездок в Германию и привез сведения о том, какие части готовятся к переброске на Восточный фронт.

Возможно, полковник Ромейко-Гурко и дальше работал бы столь успешно, однако его бездарный помощник поручик Прежбяко действовал в высшей степени непрофессионально, устроил провал агента. Ромейко-Гурко был вынужден покинуть Берн. Вместо него назначили генерал-майора Сергея Голованя.

В. Николаи характеризует Голованя как новичка в разведывательном деле, а вот Главное управление Генерального штаба имело свое мнение и считало, что Сергей Александрович уделял «наибольшее внимание разведке».

Действительно, начинал генерал Головапь неуверенно и осторожно, но война и требовательность руководства военной разведки заставили активизироваться. Уже к концу 1914 года у него на связи было три агента. Он сумел наладить деловые отношения с французским военным агентом в Швейцарии, и они вместе завербовали несколько человек, которые использовались в качестве разъездных агентов.

По архивным данным, летом 1917 года генерал-майор Сергей Головань руководил довольно обширной разведрезидентурой, в состав которой входила агентурная группа более 10 человек и несколько агентов, действующих индивидуально. Кроме того, он осуществлял связь группы «Брут», которая замыкалась непосредственно на Главное управление Генерального штаба.

Деятельность военного агента Российской империи во

Франции полковника графа Алексея Игнатьева имела своеобразие и во многом отличалась от его коллег в других странах.

Франция была нашим главным союзником в Первую мировую войну. Руководство военной разведки не ставило перед Игнатьевым задачи по созданию агентурной сети. Разведданные он получал через разведывательное бюро из французской Главной квартиры. У Алексея Алексеевича было множество других неотложных дел. О том, как он с ними справлялся, Игнатьев хорошо описал в своих достаточно известных работах, и потому рассказывать о них подробно нет смысла. Но коротко хотелось бы перечислить.

Прежде всего военный агент принимал участие в переговорах, проводившихся во Франции. Поначалу в ходе заседания межсоюзнического органа — Военного совета в составе представителей Франции, Англии. Италии, Бельгии, Сербии и России — он представлял свою страну.

Позже, в 1915 году, в Шантильи, где заседал межсоюзнический совет, прибыл генерал Яков Жиланский. Теперь он представлял Россию. В 1916 году его сменил генерал Федор Палицын, а уже Временное правительство прислало в Париж своим представителем генерала Михаила Занкевича.

Каждый из них отводил военному агенту определенные обязанности. Правда, Занкевич всю оперативно-разведывательную работу взял на себя, объявив, что деятельность бюро военного агента при французской Главной квартире завершается.

Вторым направлением в работе Алексея Игнатьевича было обеспечение военных поставок из Франции. Он занимался получением лицензии и организовывал доставку в Россию автомобильной и авиационной техники.

Надо ли говорить, сколь не простое это дело. Франция сама крайне нуждалась в поставках техники и оружия, а тут еще русские… Естественно, французское правительство задерживало выдачу лицензии и отгрузку. Полковник Игнатьев сумел наладить работу и организовать взаимопонимание с французами.

Много сил и времени забирало у военного агента и участие в тыловом обеспечении русских воинских частей во Франции. Дело в том, что в течение 1916 года по совместному решению русского и французского командования во Францию были командированы четыре особые пехотные бригады. Позже журналисты и историки громко назовут эти части «Русским экспедиционным корпусом». Однако в том-то и проблема — эти бригады не были объединены под единым командованием. Две из них находились на французском фронте, еще две стояли под Солониками и входили в состав французских корпусов. Однако вопрос их тылового

обеспечения не был продуман. Никакого единого тылового органа не существовало. И представитель Верховного Главнокомандования возложил эти обязанности на военного агента.

Только в июне 1917 года генерал Михаил Занкевич освободил Игнатьева от должности «внештатного» зампотыла.

Ко всему этому остается добавить, что в обязанности военного агента во Франции входила организация связи между союзными армиями, а также с Главным управлением Генерального штаба и Ставкой Верховного Главнокомандующего.

Было еще одно направление в деятельности военных агентов за рубежом, о котором следует сказать. Речь идет о работе агентурных групп в Европе, которыми руководило непосредственно Главное управление Генерального штаба, но военные агенты принимали в их работе самое деятельное участие.

До войны таких групп было две — обе работали против Германии. Первую возглавлял русский нелегал, полковник Отдельного корпуса жандармов В. Лавров, вторую — отставной полковник того же жандармского ведомства М. фон Котен.

Лавров поддерживал связь с Главным управлением Генерального штаба через военного агента в Париже Алексея Игнатьева, а фон Котен — через Ромейко-Гурко и его помощника ротмистра Прежбяно. Последний, как мы уже говорили, провалил фон Котена и скомпрометировал Ромейко-Гурко.

После начала войны Главное управление во второй половине 1914 года попыталось развернуть две агентурные группы. Возглавили их журналисты, корреспонденты Петроградского телеграфного агентства Сватковский и Янчевецкий. Оба инициативно предложили свои услуги военной разведке. В штаб-квартире с предложениями согласились, поскольку и тот и другой имели опыт журналистской работы за границей. Сватковский трудился корреспондентом в Вене, Янчевецкий в Константинополе, а потом в Бухаресте.

Планы и задумки были большие. Сватковскому и Янчевецкому пытались оказать помощь военные агенты в Румынии полковник Борис Семенов и в Швейцарии генерал-майор Сергей Головань, но из журналистов военных разведчиков так и не получилось.

Весной 1915 года Главное управление направило в командировку в Данию своего сотрудника, разведчика полковника Н. Раша. Ему удалось развернуть агентурную сеть, действующую против Германии. Группа проработала два года и, пожалуй, была одной из самых результативных, но германской контрразведке удалось выйти на след агентов. Было арестовано

двадцать человек. В прессе поднят скандал.

В 1917 году военной разведкой России были организованы агентурные группы в Швейцарии под руководством прапорщика Вячеслава Ленкшевича, в Дании — под началом подполковника Андреева-Стерна, в Финляндии во главе с ротмистром Садовским. Всем им оказывали помощь военные агенты, работающие в этих странах.

Таково, если коротко, было участие военных агентов в Первой мировой войне. Если же говорить в общем обо всей военной разведке, то, как мне кажется, во многом верны слова военного министра А. Верховского, написанные им 1 сентября 1917 года. Генштаб предложил руководителю военного ведомства очередную реорганизацию своего Главного управления и представил Верховскому соответствующие документы. Министр наложил резолюцию: «Разведка и контрразведка не радуют своей продуктивностью до сих пор». К этому, собственного говоря, нечего прибавить.

Россия вступила в полосу революций — Февральская, Октябрьская. Власть перешла в руки большевиков. Произошел слом старой государственной машины. Перед каждым человеком в России встал вопрос: что делать, с кем идти? Встала такая проблема и перед русскими разведчиками и, в частности, перед военными агентами за рубежом.

НА РОДИНУ НЕ ВЕРНУЛИСЬ

Октябрьскую революцию военные агенты Российской империи встретили на своих постах. В Великобритании находился генерал-лейтенант Николай Ермолов и морской агент контрадмирал Николай Волков, в Бельгии и Нидерландах полковник Людвиг Майер, в Швеции и Норвегии подполковник Дмитрий Кандауров и агент морского ведомства капитан 1-го ранга Владимир Сташевский, в Дании генерал-майор Сергей Потоцкий и капитан 1-го ранга Борис Бсзкровный. В Италии Россию представляли полковники Оскар Энкель (при Главной квартире итальянской армии), Александр Волконский (при посольстве) и капитан 1 — го ранга Евгений Беренс (до июня 1917 года), во Франции генерал-майор Алексей Игнатьев (при Главной квартире французской армии) и капитан 1-го ранга Владимир Дмитриев, в Швейцарии генерал-майор Сергей Головань, в Греции генерал-майор Александр Муханов и капитан 1-го ранга Александр Макалинский. В Румынии должность военного агента исполнял Василий Палицын, а морским агентом служил капитал 1-го ранга Александр Щеглов. В США военным ведомством были командированы полковник Александр Николаев, в Японию полковник Виктор Яхонтов, в Китай полковник Николай Морель.

После октябрьских событий практически никто из действующих военных агентов на Родину не вернулся. Из названных на сторону советской власти перешли только двое — Евгений Беренс (он покинул Италию еще летом 1917 года) и Алексей Игнатьев, который оставался в Париже, но не дал разбазарить деньги российского военного представительства, сохранив их до прихода новой власти.

Вообще граф Алексей Игнатьев в своих мемуарах весьма колоритно передает настроение той сложной эпохи, поведение в это непростое время некоторых его коллег — российских агентов. Он вспоминает, как к нему явился государственный контролер, провел сверку финансовых книг представительства с выпиской из Банка де Франс и рассыпался в лестных комплиментах, Однако перед уходом напомнил о крупных подотчетных суммах казенных денег, выданных морскому агенту Дмитриеву на морские перевозки и капитану Быстрицкому на оплату авиационных заказов. У каждого из них числилось несколько миллионов франков.

«Время все налаживает, — говорит французская поговорка, и время сослужило немаловажную службу, — пишет Игнатьев, —

для превращения этих казенных денег моими сотрудниками — в личную собственность. Не отрицая полученных от меня денег, они сперва признали их “авансами”, в которых можно отчитаться только по их израсходовании. Месяцев через шесть эти деньги, по их словам, принадлежали уже не им самим, а Временному правительству, “незаконно арестованному большевиками”, а через год — законными преемниками этого правительства оказались последовательно и Колчак, и Деникин, и Юденич, и Врангель, и под конец они сами, — непризнанные борцы за “свободу совести и слова”.

Так, впрочем, поступили все русские воснпые и дипломатические представители за границей».

Далее генерал Алексей Игнатьев приводит в качестве исключения единственного человека, «скромного генерал-майора Тарановского», командира бригады па солонинском фронте, который вернул назначенные неизрасходованные суммы из денежного ящика.

Куда же пошли эти, по сути, похищенные деньги? Знамо дело куда. Бывший российской военный агент Игнатьев сам отвечает на этот вопрос.

«Где-то там, далеко, на родной земле, разрушались вековые устои старой России, а здесь в Париже, с первых же дней после Великой Октябрьской революции из выброшенных социалистической революцией обломков старого мира строилась неприглядная “зарубежная Россия”.

Первыми, как грибы, стали вырастать эмигрантские ресторанчики. В одном из них, окруженный бывшими морскими офицерами, переодетыми в белые смокинги лакеев, сиживал в углу, на правах хозяина и благодетеля, мой бывший коллега, российской морской агент Дмитриев. Невозвращенный им мне “аванс” пригодился».

Однако не все подалась в лакеи и рестораторы. Некоторые после Октября оставались на местах и формально исполняли свои обязанности до установления Советской Россией дипломатических отношений со страной пребывания. Так поступили морской агент в Великобритании контр-адмирал Николай Волков, военный агент в Швейцарии генерал-майор Сергей Головань.

Иные агенты представляли верховного правителя адмирала А. Колчака, командующего ВСЮР генерала А. Деникина, главнокомандующего Русской армией генерала П. Врангеля, а то и всех вместе. Таким представителем служил военный агент в Дании генерал-майор Сергей Потоцкий. Генерал-майор Иван Хольмсен в 1919–1922 годах находился в Германии по поручению

Деникина и Врангеля и в 1922–1924 годах во Франции представлял Деникина. В 30-е годы Иван Алексеевич являлся главным казначеем РОВСа в Париже. Военный агент генерал-майор Максим Леонтьев представлял Русскую армию в Праге в 1920–1923 годах.

Но большинство военных агентов Российской империи для борьбы с большевиками выбрали не поприще представителей Белого движения за рубежом, а непосредственно участие в боевых действиях на фронтах Гражданской войны. Безусловно, наиболее известной фигурой в рядах белогвардейцев был генерал от инфантерии Лавр Корнилов, известный нам еще по школьным учебникам как автор «корниловского мятежа».

Лавр Георгиевич в отличие от многих военных агентов начинал службу не в «придворном» Петроградском военном округе, а в далеком Туркестане. Заканчивал он не Пажеский, а Сибирский кадетский корпус, потом Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. До того как поехать военным агентом в Китай, Лавр Корнилов занимал должности помощника старшего адъютанта и штаб-офицера в Туркестанском военном округе. И только накопив опыт, он попадает в Главный штаб, а потом и в Главное управление Генерального штаба.

По возвращении из Китая Корнилов командует полком, бригадой, с началом Первой мировой войны возглавляет дивизию. Попадает в плен, бежит оттуда, становится во главе стрелкового корпуса, а в марте 1917 года он — главнокомандующий войсками Петроградского военного округа, через несколько месяцев — Верховный главнокомандующий.

В августе 1917 года двинул войска на Петроград, подняв тот самый «корниловский мятеж». Был смещен с должности, предан суду. Сидел в тюрьме, бежал оттуда в Новороссийск, возглавил белогвардейскую Добровольческую армию. Погиб в бою в 1918 году.

Под стать ему и другие лидеры Белого движения, вышедшие из разведки, — генерал-лейтенанты Николай Духонин, Сергей Марков. Первый проходил службу в должности старшего адъютанта разведывательного отделения штаба 3-й армии, второй — был помощником делопроизводителя Главного управления Генерального штаба.

Духонин в 1916–1917 годах — генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного и Западного фронтов, с сентября 1917 года — начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего Керенского, потом исполнял обязанности Верховного главнокомандующего.

Марков с апреля 1917 года — 2-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего. С июня начальник штаба Западного, позже Юго-Западного фронта.

У обоих генералов трагическая судьба. Николай Духонин был убит революционными солдатами в Ставке, в Могилеве, Сергей Марков умер от ран, полученных в бою в станице Мече-тинская Ставропольского края. В белогвардейских частях, под руководством адмирала Колчака, генералов Деникина и Врангеля, сражались военные агенты генералы Владимир Агапеев, Ричард Вальтер, Евгений Миллер, Владимир Рооп, Дмитрий Ромейко-Гурко, Георгий Романовский, контр-адмирал Михаил Римский-Корсаков.

Председатель правления акционерного общества Николаевских заводов и верфей, бывший морской агент в Великобритании адмирал Иван Бострем помогал белогвардейцам в восстановлении кораблей.

Судьба этих людей сложилась по-разному. Большинство после Гражданской войны уехали за границу. И судя по всему, поступили верно. Те же, кто остался на Родине, перенесли немало страданий, унижений, арестов, даже если они старались честно служить новой власти. Некоторым не удалось пережить те страшные, революционные времени.

Один из таких — контр-адмирал Аркадий Константинович Небольсин. Он окончил морское училище и два факультета (тоща они назывались отделами) Николаевской морской академии — гидрографический и военно-морской.

Аркадий Константинович незабвенно любил море. Совершил кругосветное плавание на корвете «Витязь», участвовал в гидрографических работах в заливе Петра Великого. Старший офицер крейсера «Аврора» Небольсин участвовал в известном Цусимском сражении во время Русско-японской войны. Проявил мужество и храбрость.

В 1905 году убыл в командировку в США на должность морского агента. По возвращении назначен командиром канонерской лодки «Кореец», через два года возглавил экипаж линкора «Император Павел I». В 1914 году — командующий бригадами линейных кораблей на Балтийском море.

Во время Февральской революции адмирал Аркадий Небольсин был убит матросами. Участь Аркадия Константиновича Небольсина разделил и его коллега по военно-морскому флоту и разведке, морской агент в Австро-Венгрии и Италии в 1903–1906 годах контр-адмирал Алексей Павлович Капнист.

Граф Капнист был выпускником Московского университета.

Однако он также бредил морем. Окончил морской кадетский корпус, артиллерийский класс с отличием. Служил на Балтике, на Тихом океане, на Черноморском флоте. Ходил на линкоре «Три Святителя».

В 1910 году ушел в отставку, но с началом Первой мировой войны возвратился на флот. В 1917-м Алексей Павлович исполнял обязанности начальника Морского Генерального штаба, потом стал первым помощником морского министра.

После октябрьских событий отказался выполнять приказы военно-морского революционного комитета. Был уволен в отставку, а в 1918 году расстрелян чекистами.

В ряду этих поистине выдающихся военных моряков, разведчиков, находится и легендарный флотский адмирал Виктор Карцов. Участник Русско-японской войны, герой обороны Порт-Артура, командир морского десантного батальона. Перед самой сдачей крепости ему удалось на миноносце «Властный» чудом прорваться в Чифу, вывезти боевые знамена, а также секретные документы и материалы, которые, к счастью, не попали в руки врага.

После командировки за границу, где Карцов служил в качестве морского агента, он был назначен командиром крейсера «Аврора». Потом Виктор Андреевич возглавлял Морской корпус и Морское училище.

Во время Февральской революции Карцова избили, арестовали. Новые власти уволили его с флота. После 1917 года он работал сотрудником в институте «Гидромстео». Однако в 1930 году его вновь арестовали и сослали на Север, в Архангельск, где через 6 лет адмирал Карцов умер.

А теперь о тех, что противостоял своим вчерашним коллегам-агентам, перейдя на сторону большевиков. Их было немного. Всего несколько человек. Но они были, и это факт.

Некоторые сразу и бесповоротно приняли новую власть. В числе таких генералы Михаил Адабаш, Евгений Искрицкий, Федор Огородников, Николай Потапов, Алексей Игнатьев, капиталы 1-го ранга Евгений Беренс и Алексей Петров.

У других этот путь был трудным и извилистым. Так, генерал-лейтенант Александр Кузьмин-Короваев, военный агент в Брюсселе и Гааге в 1901–1907 годах, добровольно вступил в Красную армию. В 1918–1920 годах служил в управлении военно-учебных заведений, но после Гражданской войны на Родине не остался, эмигрировал в Югославию.

Помощник военного агента в Великобритании в 1914 и 1917 годах, генерал-майор Павел Дьяконов после Октябрьской революции, наоборот, остался за рубежом, переехал из Лондона в

Париж. Однако через некоторое время он обратился в советское посольство и предложил свои услуги и помощь.

В иностранном отделе ОГЛУ внимательно изучили личное дело генерала Дьяконова.

Павел Павлович был потомственным военным. Он окончил Казанское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Службу свою начинал командиром роты в Приамурском военном округе. Участвовал в Русско-японской войне. Показал себя смелым и думающим офицером. Кроме достойных командирских качеств руководство отмечало образованность молодого офицера — он хорошо владел тремя иностранными языками — английским, немецким и французским.

В 1911 году Павел Дьяконов был переведен в Петербург в Главное управление Генерального штаба.

Летом 1914 года он назначен преподавателем военных наук в Императорскую Николаевскую академию. Но к занятиям приступить не успел. В связи с началом Первой мировой командирован помощником военного агента в Лондон.

Однако разгорается война, и Дьяконов подает прошение начальнику Генерального штаба, просит направить его на германский фронт. Его прошение удовлетворено, и Павел Павлович едет во 2-ю армию. Там он вскоре становится начальником штаба Сибирской стрелковой дивизии, а в 1916 году — получает под свое командование Особый пехотный полк, который отправляется во Францию.

За личную храбрость и умение управлять полком в сражении на Марне удостоен офицерского креста Почетного легиона, произведен в генерал-майоры.

В сентябре 1917 года назначен помощником военного агента в Великобритании. В 1920 году аппарат военной миссии закрыт, и Павел Павлович переезжает в Париж.

Таковы были данные по генералу Дьяконову. Начальник иностранного отдела ОГПУ Трилиссер решил принять предложение бывшего военного агента.

На первой же беседе Дьяконов передал сотруднику ИНО план деятельности «Российского общевоинского союза». Из него стало ясно, РОВС готовится к большому террору за границей; комплектуются группы боевиков для убийства советских дипломатов, чиновников, а также для засылки диверсантов на территорию Советского Союза.

17 лет работал Павел Дьяконов на советскую разведку. Он выполнял задания Москвы по разложению «Русского общевоинского союза», других белогвардейских организаций.

Еще в период своего пребывания в Париже Дьяконов был обвинен эмигрантской газетой «Возрождение» в том, что он якобы участвовал в похищении руководителя РОВСа генерала А. Кутепова. Однако через суд Павел Павлович доказал: утверждения газеты необоснованные. С тех пор единства в оценке этого факта среди историков спецслужб нет. Одни доказывают, что

Дьяконов не причастен к похищению. Так, во всяком случае, утверждают авторы книги «Очерки истории Российской внешней разведки», том 2. Л вот Михаил Алексеев в своей работе «Военная разведка от Рюрика до Николая П» считает, что Дьяконов «принимал непосредственное участие в проведении операции по захвату руководителя РОВСа генерала Кутепова».

Павел Павлович приложил немало усилий для того, чтобы антибольшевистский альянс Германии и Франции не состоялся.

Дело в том, что после прихода Гитлера к власти многие влиятельные политики в Париже, а также большая группа эмигрантов из России видела в германском фюрере этакого борца с «красной опасностью».

ИНО поручило Дьяконову сообщить французской военной разведке о профашистски настроенных бывших российских генералах и офицерах, были переданы и соответствующие документы. Этим эмигрантам пришлось покинуть Францию. В свою очередь французская разведка поблагодарила Дьяконова за предоставленную ценную информацию.

Да, военный агент России генерал-майор Павел Дьяконов почти за два десятилетия своей работы на советскую разведку сделал многое и, откровенно говоря, ждал если уж не награды и признания своих заслуг, то хотя бы понимания на своей Родине. Получилось иначе. Горько об этом говорить, но не сказать нельзя.

В 1940 году, когда фашисты заняли Париж, Дьяконов был арестован и брошен в тюрьму. Полтора месяца шли допросы. Гестаповцы хотели знать, что делал бывший русский генерал в Испании, когда там шла Гражданская война. А Павел Павлович действительно по заданию советской разведки несколько раз выезжал туда. Фашистам ничего не удалось добиться.

Помощь пришла из Москвы. Павел Дьяконов и его дочь получили советское гражданство, и германские оккупационные власти были вынуждены выпустить их из страны.

В мае 1941 года Павел Павлович и его дочь Маша возвратились на Родину. Старый генерал был счастлив. Однако радовался он напрасно. Через месяц с небольшим их арестовали и бросили в тюрьму по совершенно дикому обвинению: «по подозрению в связях с иностранными разведками и шпионаже

против СССР». Что ж, так советская власть благодарила генерала Дьякова за работу во имя Отечества.

С трудом удалось вырваться из застенков. Помог начальник внешней разведки. Дьяконов, как утверждает Михаил Алексеев, оказался в Ташкенте, потом в Киргизии. Работал в райпотребсоюзе. В ноября 1942 года выехал с эшелоном на Запад, в котором были грузы для Красной армии. В дороге Павел Павлович простудился, заболел и в январе 1943 года умер.

Такова эта совсем невеселая история о русском патриоте, военном агенте, разведчике генерале Павле Дьяконове.

А вообще, когда читаешь биографии военных агентов, которые перешли на сторону советской власти, знакомишься с архивными материалами, диву даешься, сколь жестоко и бесчеловечно обращалась с ними рабоче-крестьянская власть.

Капитан 1-го ранга, морской агент в Швеции, Норвегии и Дании Алексей Петров в 1907–1911 годах, по сути, повторил судьбу генерала Дьяконова. Правда, он не уехал за границу после Октябрьской революции, а остался служить в Красном флоте.

Боевой офицер, участник Русско-японской войны, в Первую мировую командовал линкором-заградителем «Ильмень», встретил 1917 год в должности начальника штаба флотилии Северного Ледовитого океана.

В 1919 году был репрессировал. Позже восстановлен в кадрах флота. Куда только потом не посылала советская власть, на какие должности не назначала. Всюду работал честно, добросовестно, умело. Трудился в отделе внешних сношений комиссии В ЦИК в Туркестане, командовал Аральской военной флотилией, был начальником дивизиона минной дивизии Балтийского флота, позже возглавил эту дивизию. В 1922–1924 годах стал советником по военно-морским догам при полпредстве РСФСР в Финляндии и одновременно морским экспертом при российской делегации русско-финской смешанной комиссии в Гельсингфорсе.

В 1924-м назначен морским агентом при полпредствах СССР в Финляндии и Эстонии. Через год отозван из-за границы и арестован ОГПУ. К счастью, дело прекратили, его выпустили из тюрьмы и уволили в отставку, хотя Алексею Петрову тогда было 48 лет.

Новая послеоктябрьская жизнь военного агента в Румынии в 1911–1913 годы генерала Евгения Искрицкого, можно считать, сложилась намного удачнее, чем у коллег. Его не расстреляли, не посадили в тюрьму. В Красной армии он дорос до командарма, но потом его тихо отправили преподавать на Петроградские артиллерийские курсы, позже в Военно-политическую академию. В 1930 году Евгений Андреевич был уволен в бессрочный отпуск

и оказался в городе Чимкенте, где зарабатывал себе на хлеб учительством в местной школе.

Из небольшого списка военных агентов, перешедших к большевикам, осталось пятеро — генералы Михаил Адабаш, Федор Огородников, Николай Потапов, Алексей Игнатьев и капитан 1-го ранга Евгений Беренс.

Об Адабаше мало что известно. Только то, что в 1920 году он еще состоял в корпусе Генерального штаба Красной армии.

Федор Огородников в 1918 году несколько месяцев руководил Беломорским военным округом, потом находился в распоряжении Всероглавштаба, служил помощником начальника снабжения Западного фронта, начальником Высших курсов, помощником губвоенкома в городе Смоленске, преподавал в МГУ. В 1928 году вышел на пенсию.

Алексей Игнатьев, возвратившись из Франции на Родину, трудился инспектором в управлении военно-учебных заведений РККА, был начальником кафедры иностранных языков Военно-медицинской академии. С 1942 года — редактор Военного издательства НКО. В 1943 году стал генерал-лейтенантом.

Евгений Беренс после Октябрьской революции тоже прошел много должностей — был командующим морскими и речными вооруженными силами, уполномоченным по особо важным поручениям при Реввоенсовете республики. В 1924–1926 годах военно-морской атташе СССР в Лондоне и Париже. Умер в Москве в 1928 году.

Но самую головокружительную карьеру при большевиках сделал генерал Николай Потапов, в 1903–1906 годах военный агент в Черногории.

В 1917–1918 годах Николай Михайлович — начальник Главного управления Генерального штаба, одновременно помощник управляющего Военным министерством и управляющий делами Наркомвоенмора.

В июле — сентябре 1918 года — член Высшего военного совета, председатель Военно-законодательного совета.

Потапов, по сути, единственный из бывших военных агентов, кто уже при советской власти занимался непосредственно своим делом — разведкой. Он являлся одной из центральных фигур спецоперации, разработанной чекистами и впоследствии ставшей известной под кодовым названием «Трест».

Николай Михайлович выдавал себя за начальника штаба «Монархической организации Центральной России» (МОЦР), которая была создана чекистами с целью предотвращения подрывной и террористической деятельности на территории Советского Союза. Он выезжал за границу, вел переговоры с

представителями монархических организаций. Так, Николаю Потапову было доверено провести заключительную встречу с руководителем РОВС генералом Кутеповым.

В марте 1927 года Николай Михайлович и сотрудник разведуправления Красной армии Зиновьев, который играл роль военно-морского представителя РОВС, выехали в Финляндию и встретились с Кутеповым. Тот настаивал на начале подрывных действий в Советском Союзе. Стало ясно, что операцию «Трест» пора завершать. Задачи, стоявшие перед ее организаторами, были выполнены.

Во-первых, за время проведения операции специальным бюро по подготовке дезинформации, созданного чекистами, было представлено немало «секретной информации о вооруженных силах СССР». Она попадала в «надежные руки». Например, к представителям польской разведки. Те, в свою очередь, делились ею с французской и английской разведкой. Регулярно поставлялась «деза» также спецслужбам Эстонии и Финляндии.

Как свидетельствуют авторы «Очерков истории Российской внешней разведки»: «Запросы были весьма разнообразными. Англичан тоща интересовало почему-то устройство и снаряжение противогаза для лошадей, в то время как румын — состояние военных портовых сооружений Одессы и Севастополя, а немцев — планы закладки судов на Балтийском заводе. Дальше всех, пожалуй, пошли офицеры разведки из польского генштаба. Они по прямому указанию маршала Пилсудского предложили МОЦР раздобыть за 10 тысяч американских долларов (по тем временам сумма очень большая) советский мобилизационный план. Якушев (один из участников операции, выдававший себя за руководителя МОЦР. — *Авт.),* отнекивался, ссылаясь на то, что их организация не разведывательная, а политическая, однако все-таки “уступил” и передал польскому резиденту специально подготовленный дезинформационным бюро ОГПУ материал.

Передача дезинформации, особенно по вопросам военного характера, имела особое значение, так как ИНО ОГПУ располагал данными о подготовке новой интервенции против Советской страны».

Во-вторых, операция «Трест», проводившаяся в течение нескольких лет, удерживала зарубежные антисоветские организации от проведения активной подрывной и прежде всего террористической деятельности на территории Советского Союза.

МОЦР выступала против проведения террористических акций, и руководство этих организаций вынуждено было прислушиваться к ее мнению.

Генералу Николаю Потапову в отличие от других активных

участников операции «Трест» сильно повезло. Он с почетом ушел в запас в 1938 году. К тому времени Александр Якушев умер в лагере в 1934 году. Артур Артузов и Роман Пиляр были расстреляны в 1937 году.

Таким был жизненный путь последних военных агентов Российской империи. Они не только оказались по обе стороны баррикад, но порою воевали непосредственно друг против друга. Как, например, генерал Потапов (ВЧК) против генералов Миллера и Хольмсена (РОВС). Трагическое время, трагические судьбы.

ВОЕННЫЕ АТТАШЕ: НОВЫЕ ИМЕНА

Однако время, как известно, нельзя удержать на месте. Новое государство, родившееся в октябре 1917 года, не могло полноценно функционировать без разведки. Да, можно считать, что советская военная разведка родилась как вид тактического обеспечения боевых действий войск. В годы Гражданской войны она быстро развивалась, набирала опыт, обретала черты оперативной разведки, используя агентурные формы и методы работы.

В то же время уже в 20-е годы ощущалась острая необходимость развертывания стратегической разведки.

В феврале 1921 года Полевой штаб РВСР и Всероссийский главный штаб были объединены в единый орган — штаб РККА. Соответственно, Регистрационное управление полевого штаба упразднялось и на его месте возникло Разведывательное управление штаба РККА. Оно и являлось центральным органом военной разведки как в мирное, так и в военное время. Перед ним, собственно, и стояли задачи организации стратегической разведки.

Раньше выполнение этих задач было возложено во многом на военных агентов. Но таких агентов у молодой республики не было. Как мы уже сказали, они за редчайшим исключением отказались служить Советам, да и новые правители не очень-то доверяли прежним представителям царской армии за рубежом. Следовательно, надо было создавать новый корпус красных военных дипломатов.

Историки и исследователи спецслужб чаще всего датой создания такого «корпуса» называют 1926 год. Мол, к тому времени аппараты военных и военно-морских атташе был учреждены в 12 странах — Афганистане, Великобритании, Германии, Иране, Италии, Китае, Прибалтике (один ВАТ на Латвию, Литву, Эстонию), Польше, Турции, Финляндии, Швеции, Японии.

Хотя, как указывает в своем выступлении в журнале «Военный дипломат» Президент лиги военных дипломатов контрадмирал в отставке Владимир Хужоков, уже «в мае 1920 года Реввоенсовет Республики принял решение об аккредитации ряда советских представительств при дипломатических миссиях за рубежом. Тоща были утверждены “Положение о военных представительствах за границей” и “Инструкция военным представителям, посылаемым в иностранные государства”».

«Первыми советскими военными дипломатами, — утверждает

тот же Хужоков, — следует, очевидно, считать военного агента К. Вальтера и его помощника В. Липского, направленных 12 июня 1918 года в Берлин в составе военной миссии».

Действительно, такая миссия выезжала в Германию, но Вальтера и Липского вряд ли можно признать первыми. Дело в том, что еще в январе 1918 года в Копенгагене и Стокгольме начал свою работу полномочный представитель морского ведомства на правах морского атташе Советской России Сергей Гарин (до мая 1917 года он носил фамилию Гарфильд). К тому же в отличие, например, от Вальтера, который в составе советской делегации в Берлин съездил, но в Гражданскую войну состоял в армии Колчака, потом эмигрировал в Шанхай, Гарин был истинным революционером. После Февральской революции возглавлял отделение РСДРП в Гельсингфорсе, являлся членом В ЦИК 1-го созыва. Да и после своей командировки в Данию и Швецию он служил комиссаром Одесского района Черноморского сектора обороны побережья, в 1921 году — комиссар Владивостокского военного порта. Как представитель морского командования участвовал в Дайренской конференции Дальневосточной республики и Японии.

С 1922 года Гарин на журналистской работе. Занимает должность заместителя главного редактора «Красной газеты», живет в Ленинграде.

В 1919 году у нас появляется еще один военный атташе — Эдуард Рикс. Он назначен в Афганистан.

В следующем, 1920 году в Грузию военным атташе едет Павел Сытин, в Литву — Борис Бобров. Петр Вейнер в Персию, Александр Зеленой в Финляндию, Яков Фишман в Германию будут командированы в 1921 году. Однако надо уточнить: Вейнер назначен морским представителем с правами военно-морского атташе при диппредставительстве РФСФР.

В Турции и в Китае советские военные и военно-морские атташе начинают работать в 1922 году. Должность военного атташе в Стамбуле исполняет Константин Звонарев, морское ведомство представляет Роман Левговд, в Пекине соответственно Анатолий Геккер и Владимир Белли.

С 1924 года пашу страну в Великобритании представляет военно-морской атташе Евгений Беренс, в Австрии военный атташе Александр Емельянов-Сурик.

Далее корпус военных дипломатов неуклонно расширяется. 1925-й год ознаменован открытием военных и военно-морских представительств в Италии и Японии. Туда направлены военный атташе Кирилл Янсон и военно-морской атташе Карл Янель.

Из всех названных фамилий по предыдущему повествованию

нам знаком разве что военно-морской агент Российской империи в Италии в 1915–1917 годах Евгений Беренс. Остальные — новые фамилии, новые имена. Кто они? Какой путь прошли в прежней, дореволюционной жизни? Чем заслужили высокую честь представлять свою страну за рубежом?

Односложно на подобные вопросы не ответишь. «Корпус» советских военных атташе в эти годы очень пестрый и, я бы сказал, разноликий. Если прежде военными агентами, как правило, становились люди из богатых семей, получившие образование в самых элитных учебных заведениях России, то у новой власти явно ощущается кадровый голод. За границу полуграмотного большевистского комиссара не пошлешь. Кроме революционного пыла и идейной убежденности надо за душой иметь кое-что еще — знание иностранных языков, например. И потому Советы активно используют старых, царских «спецов», как называли они русских генералов и офицеров.

Александр Зеленой еще в царском флоте получил звание контр-адмирала. Многие годы честью и правдой служил России, воевал в Первую мировую, командовал линейным кораблем «Андрей Первозванный», был начальником штаба эскадры, руководил дивизией сторожевых кораблей. Октябрьскую революцию встретил в должности начальника штаба Балтийского флота.

В 1918 году перешел в Красный флот. Был начальником минной обороны на Балтике, старшим морским начальником судов в Финских водах, участвовал в знаменитом ледовом походе кораблей Балтфлота.

Александр Павлович постоянно работал в качестве эксперта по морским вопросам при РВСР.

В 1921–1922 годах адмирал Зеленой военно-морской атташе в Финляндии.

Генерал-майор Петр Сытин — один из немногих военных агентов той поры — закончил не только пехотное училище, но и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Был начальником штаба Брест-Литовской крепости, командовал пехотной бригадой.

Павел Павлович показал себя необычайно смелым, талантливым командиром. Берег офицеров и солдат. Среди бойцов был любим и популярен.

Октябрь 1917 года встретил с бойцами своей пехотной дивизии в окопах на Румынском фронте. Одним из первых перешел на сторону советской власти.

В марте 1920 года направлен военным атташе в Грузию. После установления советской власти на территории Грузии

участвовал в разработке спецоперации по разгрому банд Кезим Кара Бекар-паши.

Представителями «старой гвардии» военных агентов России были капитана 1-го ранга Алексей Петров и Евгений Беренс. Первый из них представлял Российскую империю в Швеции, Дании и Норвегии в 1907–1911 годах, второй — в Германии и Голландии в 1910–1914 годах, в Италии в 1914–1917 годах. Оба закончили морской кадетский корпус. Евгений Андреевич владел тремя иностранными языками — английским, немецким, французским, Алексей Константинович владел пятью — шведским, норвежским, а также французским, немецким и английским.

Они — боевые офицеры, участники войны. Беренс в 1904 году — старший штурман крейсера «Варяг», участвовал в морском бою у Чемульпо, за храбрость удостоен ордена Св. Георгия 4-й степени.

Петров воевал в Первую мировую, командовал кораблем.

Из этой плеяды славных русских офицеров следует назвать и капитана 1-го ранга Петра Вейнера, капитана 2-го ранга Владимира Белли.

Они не только достойно представляли молодую советскую республику за рубежом — в Персии и в Китае, но и внесли большой вклад в укрепление вооруженных сил, воспитание и обучение молодых красных командиров. Хотя путь их в рядах Красного флота был тернист и труден.

Владимир Александрович Белли после возвращения из Китая служит в штабе РККФ начальником иностранного отдела, заместителем начальника оперативного управления штаба флота.

С 1926 года на преподавательской работе на кафедре стратегии Военно-морской академии. В 1931 году он репрессирован. К счастью, через два года восстановлен в кадрах флага.

С тех пор на протяжении 17 лет Владимир Белли в Военно-морской академии — преподаватель, начальник кафедры стратегии и оперативного искусства и одновременно начальник командного факультета.

В 1940 году профессору Белли присваивается звание контрадмирала.

Капитан 1-го ранга Петр Аркадьевич Вейнер ко времени свершения Октябрьской революции служил во флоте 27 лет, был опытным, знающим офицером. Образование получил в общих классах Морского корпуса, в морском училище, в Николаевской морской академии. Прошел путь от младшего офицера на броненосце «Екатерина» до флаг-капитана учебных отрядов. В

1917 году Вейнер — начальник штаба всех морских частей в Кронштадте.

На Востоке, в Персии, Петр Аркадьевич был не только военно-морским атташе, но и одновременно советским консулом в городе Астрабаде.

Правда, в 1923 году его отправили в запас, а в 1926-м вновь призвали на службу в штаб Красного флота. Казалось, теперь все наладилось. Но не тут-то было. Его опять увольняют с флота, но вскоре позовут обратно. На сей раз инспектором штаба РККФ.

С 1934 года капитан Вайнер в запасе, теперь уже окончательно. Дальше следы этого человека теряются в истории.

На этом список «старых военных специалистов» — атташе, по сути, и заканчивается. Новые тоже в какой-то мере были из прежних, но уже с иным уровнем образования, званиями в русской армии, а опыта работы за рубежом они, разумеется, не имели вовсе.

Самос большее, до чего дослужились в царской армии нынешние «красные атташе», так это пггабс-капитан, ротмистр, старший лейтенант, чаще прапорщик, а то и вообще никакими отношениями с армией или флотом связаны не были. И тем не менее, когда изучаешь биографии этих людей, понимаешь: большевики умели даже при дефиците кадров найти достойных офицеров. Штабс-капитаны Борис Бобров, Иван Ринк, ротмистр Анатолий Геккер, подпоручик Карл Янель не обучались в академии Генерального штаба, но все окончили военные училища — Владимирское в Санкт-Петербурге, Алексеевское — в Москве, Виленское, Чугуевское. Первые трое — участники Первой мировой войны. Бобров командовал на фронте стрелковым батальоном, Ринк также воевал храбро, был удостоен орденов Св. Анны 4-й и 3-й степеней и Св. Станислава 3-й степени. В одном из боев попал в плен. Геккер командовал ротой, служил в отдельном корпусе пограничной стражи. С началом Первой мировой войны в действующей армии на Румынском фронте. Награжден четырьмя боевыми орденами.

Роман Левговд, казалось, вообще был человеком сугубо штатским — окончил Самарскую гимназию и юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Однако юриста из Романа Романовича не вышло, он «заболел» морем.

В 1914 году сдал экзамены за морской корпус и начал службу юнкером на учебном судне «Рында». Был корабельным гардемарином, вахтенным начальником, старшим офицером, флаг-офицером дивизиона эскадренных миноносцев, старшим флаг-офицером штаба командующего Черноморским флотом.

Перешел на сторону большевиков, воевал в Гражданскую,

командовал обороной Новороссийского района. Был захвачен белыми и осужден на 6 лет каторжных работ. Сидел в тюрьме. Освобожден в 1919 году.

Ушел с флота, работал на железной дороге, по был вновь призван на военную службу, руководил административным отделом Главного морского технически-хозяйственного управления Республики. Так что до отъезда в Турцию военно-морским атташе накопил достаточно опыта, как жизненного, так и морского.

Был и еще один атташе из студентов. Правда, ко времени Октябрьской революции все свои учебные заведения успешно окончил. И пусть он никогда не учился в военных вузах и даже участвовал в мятеже левых эсеров, за что был заочно осужден на три года тюрьмы (хотя позже раскаялся), его послали военным атташе в Германию в 1921 году. Звали этого раскаявшегося эсера Яков Фишман. Он прожил, право же, удивительную жизнь. Судьба поднимала его то к самым высотам власти, то опускала на самое дно.

Достаточно сказать, что Яков Моисеевич Фишман, рожденный в Одессе, обучался на химическом факультете Неаполитанского университета, потом в Высшей математической школе в Неаполе. Но до этого он успел посидеть в тюрьме и побывать в ссылке в Туруханском крае за покушение на убийство председателя Одесского отдела «Союза русского парода» Коновницына. Оттуда Яков бежал в Италию, где и занялся химией.

Однако в 1917 году он возвращается в Россию, активно участвует в Октябрьской революции, штурмует Зимний дворец. Фишман входит в состав Петроградского революционного штаба, является членом ЦК партии левых эсеров. Участвует в мятеже, как мы уже говорили, заочно осужден, раскаялся, отправился на фронт политработником.

В 1921–1923 годах — военный атташе в Германии, в 1924–1925 годах — в Италии.

По возвращении из-за границы 12 лет возглавляет Военно-химическое управление Красной армии и одновременно институт химической обороны.

1937 год. Яков Моисеевич репрессирован, в 1940-м осужден на 10 лет лагерей. Освобожден в 1947 году. Поселился вдали от Москвы, работал завкафедрой химии Саратовского института механизации сельского хозяйства.

В 1949 году осужден в четвертый раз и сослан в Норильск. Освобожден только после смерти Сталина в 1955 году. Реабилитирован, возвращен в армию с присвоением звания

генерал-майор-инженер.

Вот такая непростая судьба.

Кроме «старых военспецов» — генералов, адмиралов, капитанов 1-го ранга, достаточно образованных и опытных штабс-капитанов и ротмистров, а также бывших студентов, в ряды военных атташе влились и те, что академий и училищ не оканчивал, в университетах не учился. За спиной у них были разве что школы прапорщиков.

Будущий военный атташе в Персии в 1922 году Александр Анпен (Хмелев), помощник военного атташе при постпредстве РСФСР в Финляндии в 1921–1922 годах Ян Аншевиц (Аншевич) окончили всего лишь школы прапорщиков.

Александр Петрович при старом режиме дослужился до помощника курсового офицера в стрелковой бригаде, а Ян Каснерович в годы Первой мировой войны находился в составе учебной команды одного из пехотных полков.

Таков был состав «корпуса» первых военных дипломатов Советской республики.

Однако что же им удалось сделать на ниве военной разведки, какую пользу принесли они своему Отечеству, работая за границей?

Прежде чем ответить на эти вопросы, следует напомнить — советская военная разведки начиналась с нелегальной деятельности. Гражданская война и интервенция, тяжелое положение на фронтах требовали от Красной армии значительного объема разведданных, и потому в тыл врага в большом количестве засылались агенты. Не всегда подготовленные, чаще неопытные, не обладающие профессиональными знаниями и навыками. Да и откуда их было взять — знающих и подготовленных. Не хватало времени, сил, средств.

С окончанием войны массовая засылка агентов сменилась отправкой за границу отдельных разведчиков. Они, что называется, были на вес золота. Ведь чтобы развернуть агентурную сеть в чужой стране, завербовать ценных информаторов, нужны годы. Но этих годов у молодой советской военной разведки не было. Поэтому руководство Разведупра старалось использовать каждую пусть и маленькую возможность для развертывания и укрепления резидентур. И прорыв дипломатической блокады республикой Советов, разумеется, открыл новые пути для такой работы. Вместе с диппредставительствами нашей страны за границей открывались и аппараты военных атташе.

Характерной чертой деятельности этих аппаратов первых

послеоктябрьских лет и руководителей ВАТ была кратковременность их работы. Так, первый представитель на правах военно-морского атташе в Копенгагене и Стокгольме Сергей Гарин пробыл в должности всего полгода, столько же находился в Литве Борис Бобров, миссия Константина Вальтера в Германии действовала и того меньше — четыре месяца. Военный атташе в Финляндии Ардалион Бобрищев убыл на Родину через год. Причины были разные: атташе переводили на другую работу, они вынужденно покидали страны пребывания, как в случае с Вальтером, когда Германия разорвала с нами дипломатические отношения. Но случалось, их объявляли персоной нон грата. Таким образом пострадал Ардалион Бобрищев.

Ардалион Александрович, участник Первой мировой войны, командир батальона. Одним из первых офицеров перешел на сторону большевиков и поступил в Красную армию. С 1921 года он на военно-дипломатической работе — член контрольной комиссии Советской России в Эстонии, помощник военного представителя в Армении, военный атташе в Финляндии в 1922–1923 годах. Здесь и случился провал разведгруппы, возглавляемой Рейно Дроккило, и военный атташе, его помощник вынуждены были покинуть страну пребывания.

Однако этот случай говорит о том, что несмотря на кратковременность своего пребывания в той или иной стране, военные атташе пытались наладить разведработу, развернуть агентурную суть.

Правда, это не всегда удавалось, и провалы были нередки. Ведь «дипломаты в погонах» в отличие от нелегалов постоянно находились на виду. В свою очередь, опыта оперативной работы у «красных атташе» недоставало. А контрразведка стран пребывания, наоборот, имела солидный опыт и мастерство. Ей не составляло особого труда раскрыть методы работы советских разведчиков и взять их под плотный контроль. Отсюда и провалы, дипломатические скандалы, высылка военных атташе на Родину.

Кроме названного уже провала нашей разведгруппы в Финляндии и высылки Ардалиона Бобрищева и его помощника Августа Песса, произошло еще несколько инцидентов.

Уже в 1920 году, как мы говорили ранее, в Литву прибыл официальный военный представитель Советской России Борис Бобров. Вскоре он уехал на Родину, но аппарат ВАТ продолжал работать. К началу 1922 года в Латвии была создана агентур-пая группа из 20 человек. Руководили ею помощник военного атташе Андрейс Виксне и Мартин Зелтынь, работающий под крышей диппредставительства на скромной должности кассира посольства.

Агентура у группы Викене — Зелтыня была весьма ценная— сотрудники Генштаба, штаба пограничной стражи, таможенного управления. Соответственно и информация, получаемая от них, оказалась очень важной. Достаточно сказать, что в руках нашей разведки оказался мобилизационный план Генштаба, штаты соединений латвийской армии военного времени, материалы Варшавской конференции министров иностранных дел трех прибалтийских стран и Польши.

Но проработала, к горькому сожалению, резидентура недолго. Уже в начале 1923 года контрразведка выследила «кассира» Зелтыня и арестовала его. Потом последовал полный разгром разведсети. В 1925 году ее практически не существовало. Пришлось начинать заново. В том же году в Ригу направлен новый военный атташе — Анин. Он же является и резидентом разведки. Надо признаться, что Анин активно взялся за дело и вскоре восстановил агентурную сеть. В Центр пошла информация о вооруженных силах Латвии.

Однако деятельность и этого состава резидентуры была недолгой. Контрразведка взяла одного из агентов, и военного атташе объявили персоной «нон грата».

В мае 1926 года пост военного атташе занял Иван Клочко, следом за ним секретарем ВАТ назначен Карлис Ланге, он же Ян Фрейман. Они развернули разведывательную деятельность. Но через полтора года — вновь провал, Ланге — Фрейман арестован, при нем оказались мобпланы латвийской армии. Ланге и военный атташе Федор Судаков, сменивший Клочко, высланы из страны.

Что ж, как пи прискорбно об этом говорить, но итог деятельности легальных резидентур в Прибалтике неутешителен: за 6 лет работы три провала — и всякий раз практически полный разгром разведсети.

Проблема «провалов» волновала не только руководство Красной армии. Дошло до того, что этот вопрос рассматривало Политбюро ЦК. Сначала была создана комиссия для выяснения причин «провалов», которая выработала рекомендации: сотрудников военной разведки на руководящие должности в (ˆпредставительствах за рубежом не назначать. А если уж есть такая необходимость, то запретить им всякую агентурную работу.

Заседание Политбюро ЦК состоялось в декабре 1942 года. Вновь основной упор в разведработе был сделан на нелегалов.

В своей книге «Империя ГРУ» А. Колпакиди образно назвал этот период «пиром нелегалов». Так оно в сущности и было. Легальные резидентуры оказались как бы отодвинутыми на второй план. Но это были болезни роста. Я бы сказал, детские, юношеские болезни нашей разведки. По мере того как военные и

военно-морские атташе и их сотрудники обретали оперативный опыт, авторитет легальных резидентур рос, они все больше набирали вес. Тем более что в действиях разведчиков с легальных позиций есть свои несомненные преимущества, которых трудно, а порою и практически невозможно, добиться нелегалу: высокий статус военного атташе, его окружение, присутствие па различного рода официальных государственных мероприятиях, поездках в войска, участие в качестве гостя на учениях и маневрах, общение с коллегами из других стран дают умелому, высокопрофессиональному разведчику массу возможностей.

И надо сказать, этими возможностями успешно пользовались военные атташе в Китае — Анатолий Геккер, в Турции — Константин Звонарев, в Италии — Яков Фишман. Даже в «эпоху провалов» они работали вполне успешно и результативно.

… Время шло, и 20-е годы, пропахшие порохом Гражданской войны и послевоенной разрухи, уходили в историю. Завершалось десятилетие, когда на арену международной политики вышли первые «красные военные дипломаты» — военные и военно-морские атташе Советской России. Каков будет их дальнейший путь? Об этом в следующей главе.

ЗАГОВОР, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Можно с полным основанием утверждать, что 30-е годы прошлого столетия закончили формирование профессионального «корпуса» военных дипломатов. Правда, к концу десятилетия, к началу Великой Отечественной войны этот «корпус» во многом будет уничтожен сталинскими репрессиями. Но о том времени речь еще впереди. А сейчас представим, что на дворе начало 30-х.

Комкор Витовт Путна находится в Германии на посту военного атташе. Это его уже четвертая командировка за рубеж. В 1924–1925 годах он работал в группе военных советников в Китае, в 1927–1928 годах представлял нашу страну в качестве военного атташе в Японии, в 1928–1929 годах — в Финляндии. Теперь же местом его пребывания стала Германия. По возвращении из Берлина Витовт Казимирович возглавит стрелковый корпус, потом Приморскую группу войск ОКДВА. Но вскоре о его военно-дипломатическом опыте вспомнят в Москве, и комкор Путна отправится в Лондон.

В общей сложности военный атташе Советского Союза Путна прослужит за рубежом шесть лет, поработает в пяти странах, что по тем временам, несомненно, много.

Инженер-флагман 3-го ранга Лев Анципо-Чикунский попадет за границу в первый раз в 1923 году. В ту пору он находился па скромной должности секретаря комиссара Морской академии и был командирован в Германию. Правда, не с дипломатической миссией, а чтобы сопроводить разоруженный крейсер «Диану».

В Германии он пробудет полгода, а когда возвратится, пойдет вновь служить во флот по избранной профессии. А профессия у Льва Владимировича крайне нужная на кораблях — электротехник. Так он и ходил в походы в этом качестве на эсминце «Троцкий», на линкорах «Марат» и «Парижская коммуна».

Анципо-Чикунский сделал хорошую карьеру, к концу 1927 года занимал высокий и ответственный пост начальника электростанции Главного военного порта в Кронштадте. Трудно теперь установить, кто порекомендовал Льва Владимировича на военно-дипломатическую работу. Впрочем, он вполне подходил для этой стези — происходил из крестьян, в Красном флоте с 1918 года, в партии с 1920 года. Еще в 1916 году поступил в Морское инженерное училище и даже успел окончить два курса, потом учился в электротехническом классе специалистов флота, а в 1927 году получил диплом электротехнического факультета Военно-морской академии. К тому же он владел двумя языками —

английским и французским.

Так Анцино-Чикупский оказался военно-морским атташе в Турции.

В конце 1930 года принято решение отправить Льва Владимировича на ту же должность, но уже в Италию и Грецию. В своей книге «ГРУ. Дела и люди» В. Лурье и В. Кочик приводят слова из характеристики, которую начальник управления ВМС РККА Р. Муклевич направил Я. Берзину: «…Анципо-Чикунский знает наш флот и морские вопросы; член партии и с политической стороны никаких сомнений не вызывает; хорошо зарекомендовал себя в Турции…»

Около двух лет работал в Италии и Греции Лев Владимирович. По возвращении был назначен на высокий пост заместителя начальника управления вооружений ВМС РККА.

С 1934 года — Анципо-Чикунский вновь военно-морской атташе в Италии и Греции, а с 1936-го — в Великобритании.

Николая Семенова, военного атташе в Литве, Польше и Франции, можно считать представителем «старых» царских офицеров. Еще в 1914 году он окончил Александровское военное училище, воевал в Первую мировую, командовал батальоном, дорос до звания штабс-капитана.

В Военной академии, правда, обучался уже в Красной армии. Владел тремя языками. В 1927 году служил военным советником в Китае. Вернувшись оттуда, получил под свою команду стрелковый полк. Командовал умело и через год оказался в штабе Ленинградского военного округа — был начальником отдела, помощником, а потом и заместителем начальника штаба.

В 1932 году Николая Александровича командируют военным атташе в Литву, в 1933-м — в Польшу, в 1936-м — во Францию.

Из царских штабс-капитанов вышел и советский комдив, военный атташе в Афганистане и Японии Иван Ринк. Происходил он из крестьян, но до революции успел получить диплом выпускника военного училища, попал на войну. Владел четырьмя иностранными языками, в том числе и весьма редким — персидским.

На Северном фронте под Ригой командовал ротой в 1916–1917 годах поручик Иван Клочко, будущий военный атташе в Прибалтике, Польше и Турции, в Ревельском полку па Румынском фронте воевал штабс-капитан Эдуард Лепил, который будет представлять нашу страну в Финляндии, Польше и Китае.

Хотелось бы назвать еще несколько офицеров, которые на протяжении предвоенного десятилетия были посланцами Советского Союза в различных странах мира. Среди лих полковник Александр Емельянов-Сурик, с 1924 по 1938 год с

некоторыми перерывами работавший в Австрии, Чехословакии, Турции; военинженер 1-го ранга Пауль Орас с 1926 по 1936 год, исполнявший должность военно-морского атташе в Швеции, в Италии и Греции, в США; полковник Александр Бенедиктов, командированный сначала помощником военного представителя в Персию (1930–1933 гг.), потом военным атташе в Афганистан (1933–1937 гг.) и в Болгарию (1937–1939 гг.).

Именно в 30-е годы набирались военно-дипломатического опыта паши будущие известные полководцы и военачальники, Герои Советского Союза, маршалы, генералы и адмиралы. Кстати говоря, эти страницы биографии крупных военных деятелей страны до сих пор мало изучены, а ведь через «корпус» военных атташе прошли дважды Герои Советского Союза, Маршал Советского Союза Василий Чуйков, Герой Советского Союза, Адмирал Флота Советского Союза Николай Кузнецов, генерал армии Максим Пуркаев, Главный маршал авиации Павел Жигарев, маршал бронетанковых войск Павел Рыбалко, адмирал Николай Харламов.

Среди тех, кого расстреляли в годы репрессий, военными и военно-морскими атташе были заместитель начальника Генерального штаба РККА, член В ЦИК комкор Василий Левичев, командующий Белорусским, Ленинградским, Московским военными округами командарм 2-го ранга Август Корк, командующий Черноморским флотом, член Военного Совета при народном комиссаре обороны СССР, флагман флота 2-го ранга Иван

Кожанов, заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа, член В ЦИК и ЦИК СССР, член Военного совета при народном комиссаре обороны комкор Виталий Примаков, командующий Приморской группой войск ОКДВА комкор Витовт Путна, начальник штаба Белорусского, потом Московского военного округа комдив Семен Венцов-Кранц, начальник Военной академии РККА комкор Анатолий Геккер, командующий войсками Туркестанского фронта, заместитель председателя ЦК Осоавиахима комкор Гаспар Восканов (Восканян).

Вот такие командармы, комкоры, флагманы флота представляли нашу страну в качестве военных дипломатов за рубежом. Пользуясь современным языком, можно сказать — «сплошные звезды, а не люди». Разумеется, «звезды» того времени. Как жаль, что мы забыли о них.

Да, каждый человек живет в своем времени, его окружают люди того времени, исторические события, обстановка. Напомню: все названные ранее не просто дипломаты в погонах, они—

разведчики в погонах. Так какова же была разведобстановка, разведалимат, если хотите, в 30-е годы прошедшего столетия?

Климат этот, откровенно говоря, оказался самым неблагоприятным. Дело в том, что начало десятилетия было ознаменовано серией крупных провалов военной разведки.

В 1932 году в Австрии были арестованы несколько разведчиков во главе с резидентом Яном Аболтынем, более известным как Константин Басов.

Ян Янович пришел в Разведуправление еще в 1922 году, руководил резидентурой в Германии. Считается, что с его подачи в разведку был привлечен Рихард Зорге. Однако в Вене ему не повезло — он и еще четверо разведчиков попали под арест.

Надо сказать, что с Австрией связаны имена таких военных разведчиков, как Карл Янель и Александр Емельянов-Сурик. Правда, Карл Юрьевич здесь руководил нелегальной резидентурой, а Александр Васильевич возглавит легальный разведап-парат, когда приедет в Вену в 1924 году как военный атташе.

Следующий громкий провал случился в 1933 году в Латвии. В руки полиции попало несколько агентов. Их почему-то вовремя не вывели из страны. А ведь еще были свежи в памяти аресты агентов Витолса и Белова, и объявление персоной нон грата военного атташе Анина в 1926 году, потом задержание секретаря ВАТ Ланге и высылка из страны его и военного атташе Федора Судакова. И вот теперь новый арест.

Через месяц после латвийского провала в Гамбурге арестован агент Разведуправления Троссин, задержаны информаторы советской военной разведки в Румынии и Турции.

Осенью того же 1933 года в сети финской контрразведки попал крупный улов — нелегальный резидент, опытнейшая разведчица Мария Тылтыпь (Шуль) и еще около 30 агентов.

Мария Юрьевна работала в Германии, в Чехословакии, в Австрии, в Румынии, была помощником резидента в США, руководила нелегальной разведсетью во Франции и в Финляндии. Ее выдал предатель. Но дело не только в нем. Незадолго до провала в Разведупрвалении узнали о том, что начальник разведпункта штаба Ленинградского военного округа Утриайнен провокатор, работает на финскую разведку. Казалось бы, надо поторопиться, выводить людей из-под удара. Однако военный атташе в Финляндии Александр Яковлев ничего не сделал для этого. В частности, не отстранил от дел агента резидентуры Сирениуса, хотя сомнения в его лояльности были. Более того, нарушив все законы конспирации, Яковлев со своими помощниками побывал на квартире Марии Тылтынь.

Дальнейшая судьба Марии Юрьевны трагична. Она была осуждена, брошена в тюрьму и умерла в застенках.

В середине декабря в Центр пришло новое неприятное известие — на сей раз французская контрразведка разгромила резидентуру Разведуправления в Париже под руководством Вениамина Берковича.

Аресты продолжались еще несколько месяцев. Разведсеть была практически уничтожена.

За провалами резидентур за рубежом последовали провалы агентов, которыми руководили офицеры разведпунктов военных округов.

В сентябре румынская контрразведка вышла па след агентуры Одесского разведпункта. В этом же месяце провалились агенты Кавказской армии, направленные в Турцию. В Белоруссии выяснилось, что несколько человек из негласного состава разведотдела округа являются польскими агентами.

В начале 1934 года тревожное сообщение пришло с Дальнего Востока — последовали провалы нескольких резидентур разведотдела штаба ОКДВА в Маньчжурии.

Такие результаты деятельности не могли не взволновать руководство страны. К счастью, до кровавого 1937 года было еще далеко, и потому, рассмотрев па своем заседании состояние дел в военной разведке, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение: вывести Разведуправление из состава штаба РККА и переподчинить его лично наркому, создать спецшколу для обучения разведчиков, усилить руководство военной разведки.

Был в этом решении и пункт, касающийся непосредственно военных и военно-морских атташе. Легальная агентурная деятельность после нескольких лет забвения была «реабилитирована», выведена из тени, признана важной, а ее организация возложена на официальных военных представителей СССР за рубежом.

Именно после принятия этого решения зарубежные легальные резидентуры были усилены, руководителями разведаппаратов стали опытные, энергичные разведчики — в Великобританию военным атташе прибыл Витовт Путна, в Германию — Василий Левичев, в Болгарию — Василий Сухорукое, в Турцию — Иван Клочко, в США — Пауль Орас, в Финляндию — Петр Иванов, в Италию — Петренко-Лунев, в Ирак — Минзакир Абсалямов, в Японию — Иван Ринк.

Среди них не было новичков или случайных людей. Практически все участники Первой мировой и Гражданской войн, награждены как царскими, так и советскими орденами, владели иностранными языками. Так, Путна был удостоен трех орденов

Красного Знамени, Ринк — двух орденов Красного Знамени (правда, у него еще с Первой мировой хранились ордена Св. Анны 3-й и 4-й степеней и Св. Станислава 3-й степени), Левичев — ордена Красного Знамени. Петренко-Лунев владел пятью иностранными языками, Ринк и Орас — четырьмя, Иванов — двумя, Сухоруков говорил на английском, Абсалямов на персидском.

Теперь главная задача для всех разведаппаратов была едина — активная, уверенная, эффективная работа, без повторения прошлых ошибок. Конечно, каждая страна пребывания имела особенности, характерные черты, уровень международных отношений с СССР. Это, разумеется, накладывало свой отпечаток на деятельность советской военной разведки.

Одним из самых «горячих» участков для Разведуправления Красной армии в 30-е годы была Испания. План операции «Х» (оказание военной помощи республиканской Испании) Политбюро ЦК приняло 29 сентября 1936 года. Выполнение этого плана возложили на Разведуправление и Наркомат внешней торговли.

В Испании шла Гражданская война. Мятежникам, профашистским силам Франко помогали Германия и Италия, законному правительству республиканцев оказывал помощь и поддержку Советский Союз. Мы поставляли самолеты, танки, орудия, бронемашины, автомобили, катера, стрелковое оружие, снабжали испанцев нефтью, бензином, стройматериалами, хлопком.

Кроме поставок боевой техники, оружия, различного сырья туда ехали наши военные специалисты, в первую очередь летчики, танкисты, артиллеристы, подрывники, разведчики-диверсанты. За годы войны в Испании побывали 772 пилота и штурмана, 351 танкист, 100 артиллеристов, 166 связистов, 77 моряков, 141 инженер и техник. Число разведчиков, которые работали в Испании, до сих пор не обнародовано. Однако об их вкладе в борьбу с испанскими франкистами, немецкими нацистами и итальянскими фашистами и важности решаемых задач на этом направлении можно судить даже по именам тех сотрудников, которых Разведуправление командировало в Испанию.

Главным военным советником при штабе республиканской армии работал сам Ян Берзин, легендарный «Старик», Хаджи-Умар Мамсуров, организатор и руководитель партизанского движения, известный диверсант, Манфред Штерн, он же «генерал Клебер», командир интербригады, Христофор Салнынь, разведчик-резидент, действовавший под псевдонимом «колонель

Хугос», а также известные впоследствии командиры диверсионных и партизанских отрядов Станислав Ваупшасов, Илья Старинов, Николай Патрахальцев, Василий Троян.

Михаил Барклай-де-Толли стоял у истоков создания службы военных агентов. Портрет работы Дж. Доу

Александр Чернышев — первый российский военный агент. Портрет работы Дж. Доу

Роберт Ренни работал в Берлине в 1810—1811 гг.
Портрет работы Дж. Доу

Петр Альбединский представлял Российскую империю в Париже 1856—1857 гг.

Николай Игнатьев — военный представитель в Лондоне в 1856—1857 гг. Портрет работы Б.М. Кустодиева

Александр Русин — морской агент в Японии в 1899—1904 гг.
Портрет работы неизвестного художника

Евгений Беренс, один из немногих, кто представлял за рубежом как Российскую империю (в Германии и Голландии в 1910—1914 гг.), так и Советский Союз (в Лондоне и Париже в 1924—1926 гг.)

Анатолий Геккер, один из первых советских военных атташе, который отправился на работу в Пекин в 1922 г.

Август Корк, командующий Белорусским, Ленинградским, Московским военными округами, тоже служил атташе

Роман Лонгва — военный атташе в Китае (1926—1927 гг.)

Василий Сухоруков успешно работал атташе как в Латвии (1933—1934 гг.), так и в Болгарии (1934—1937 гг.)

Владимир Белли, морской офицер, участник Первой мировой войны, военно-морской атташе в Китае в 1922—1924 гг.

Борис Шей, в 1937—1938 годах военно-морской атташе в Италии

Иван Кожанов, командующий Черноморским флотам в 30-е годы, служил военным атташе в Японии в 1927—1929 гг.

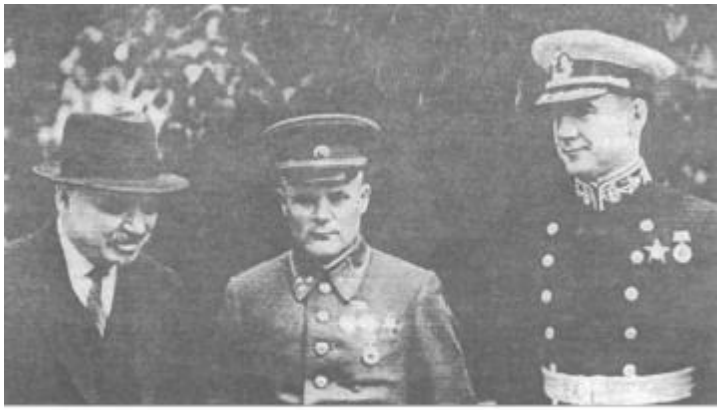
Нарком ВМФ, Адмирал Флота Советского Союза Николай Кузнецов, был военно-морским атташе в Испании в 1936—1937 гг.

Владислав Коссов, участник Первой мировой и Гражданской войн, военно-морской атташе в Швеции в 1931—1936 гг.

Иван Скляров — военный атташе СССР в Англии в 1940—1946 гг.

Будущий маршал, герой Сталинграда, Василий Чуйков набирался опыта на военно-дипломатической работе в Китае в 1940—1942 гг.

Генерал-майор И.А. Суслопаров прикрепляет советский орден награжденному командующему 5-й американской армией генералу А. Кларку. Франция, 1945 г.



Перед визитом к министру иностранных дел Великобритании А. Идену. Слева направо: полпред СССР в Великобритании И.М. Майский, генерал-лейтенант Ф.И. Голиков, контр-адмирал Н.М. Харламов

Подполковник Г. Долин, выпускник военно-дипломатической академии

Военный атташе Г. Долин приветствует руководителя Ирана

Генерал-лейтенант Г. Долин

Командир эскадрильи А. Лебедев (второй слева) проводит разбор полетов

С коллегами — военными атташе других стран. А. Лебедев — третий справа. Париж

Военный атташе в ГДР А. Лебедев (третий слева). Берлин,. 1978 г.

С кубинскими коллегами. Второй справа — министр обороны Кубы Р. Кастро, третий — И. Сакулькин

На борту парусника «Крузенштерн». США. Нью- Йорк,. 1976 г.

Владимир Наон

Военный атташе в Йемене полковник В.А. Наон с йеменскими офицерами

Военным атташе с 1936 года служил Владимир Горев, военно-морским — Николай Кузнецов, будущий нарком ВМФ СССР, Адмирал Флота Советского Союза.

Владимир Ефимович Горев в 15 лет вступил в партию анархистов-коммунистов. Он учился в Петроградском институте инженеров путей сообщения, однако закончить его не успел: пришла революция, потом Гражданская война. В 17 лет Владимир вступил в Красную армию. Куда только не бросала красноармейца Горева военная судьба, кем только не служил он — был бойцом

партизанского отряда, сотрудником особой группы Южного фронта, политотдельским работником 2-й армии, потом Юго-Восточного фронта, военным следователем, начальником команды полковых разведчиков, уполномоченным особого отдела армии.

Владимира Горева отличали пытливый ум, умение разбираться в людях, упорство в достижении поставленных целей. Ему еще не исполнилось 22 лет, а он уже был назначен заместителем начальника особого отдела Московского военного округа. Правда, в руководящем кресле просидел недолго. Владимир хотел учиться. Сначала окончил высшие академические курсы, потом восточный факультет Военной академии РККА и основное отделите Военной академии им. М.В. Фрунзе.

В 1925 году его посылают военным советником в Китай. Он работает в Калганской и Гуанчжоуской группах, в корпусе Чжан Факуя. Совершает вместе с китайцами так называемый Северный поход.

По возвращении из командировки Горев становится военным руководителем коммунистического университета трудящихся Востока, проходит стажировку в должности командира стрелкового полка.

С 1930 года — в военной разведке. Направлен в качестве нелегального резидента в США. Отработал там три года. О том времени и о делах резидента Горева известно немного. Ведь Владимир Ефимович в начале 1938 года был репрессирован, и документы, связанные с именем «врага парода», оказались уничтоженными.

И тем не менее есть данные, что Горев достаточно успешно действовал в США в военно-технической области. К этой мысли склоняется и автор книги «Советская разведка в Америке» Владимир Позняков. «Одной из самых успешных операций, — пишет он, — осуществленных РУ в эти годы в Америке, стало приобретение лицензии на производство чертежей и двух прототипов быстроходного колесно-гусеничного танка, созданного прославленным американским инженером-изобретателем Уолтером Кристи».

Этот танк под маркой БТ-2 был изготовлен в СССР и в 1931 году принят на вооружение. В дальнейшем наша промышленность выпустила тысячи таких машин. Более того, БТ-2 модифицировали, и он стал ведущим легким танком Красной армии 30-х годов.

Еще одним подтверждением хорошей работы Горева на поприще военно-технической разведки является и то, что по возвращении из США он был назначен помощником начальника

Автобронетанкового управления РККА. Хотя, как известно, Владимир Ефимович никогда прежде не занимался ни танками, ни автомобилями.

Интересен тот факт, что после трех лет службы в управлении ему доверяют командовать отдельной механизированной бригадой.

Таким образом, ко времени его назначения военным атташе в Испанию у Горева за плечами был колоссальный опыт разведчика-пелегала, командира, технического специалиста. Все эти качества пригодились на войне.

О том, сколь успешно действовал военный атташе комдив Горев в Испании, говорят и его награды. В 1937 году он удостоился орденов Ленина и Красного Знамени.

Военно-морским атташе СССР в Испании в 1936 году был назначен капитан 1-го ранга Николай Кузнецов. Конечно, он мог «позавидовать» своему коллеге Гореву и его накопленному опыту в период работы в разведке, но знаний военно-морского дела Николаю Герасимовичу было не занимать. Пятнадцатилетним мальчишкой, добыв в сельсовете «липовую» справку и прибавив себе два года, поступил добровольцем в Северо-Двинскую флотилию. Так началась его морская биография.

Позже Кузнецов напишет: «Вся моя жизнь связана с советским военно-морским флотом. Я сделал выбор однажды, в совсем юные годы, и никогда не жалел об этом».

До назначения атташе Кузнецов закончил с отличием Военно-морское училище им. М.В. Фрунзе, служил на крейсере «Червона Украина», учился в Военно-морской академии, ходил в походы на крейсере «Красный Кавказ», уже будучи старшим помощником командира. В 1933 году стал командиром крейсера «Червона Украина».

Успехи экипажа корабля в боевой подготовке под командованием молодого командира удивляли и вселяли гордость. В 1933-м нарком обороны наградил Кузнецова грамотой ЦИК и именными золотыми часами. В следующем году Николай Герасимович «за успешные летние учения» удостоен ордена «Знак Почета».

В 1935 году крейсер «Червона Украина» выходит на первое место среди кораблей Военно-морского флота СССР. Николай Кузнецов досрочно получает звание капитана 1-го ранга. А ведь ему всего 31 год. Неспроста командующий Черноморским флотом называет Кузнецова «самым молодым капитаном 1 — го ранга всех морей мира». В конце года Николай Герасимович удостоен ордена Красной Звезды. Награду получает в Кремле.

В августе 1936-го — новое назначение. На сей раз на военно-

дипломатическую работу, но непосредственно связанную с морем.

Испания — страна с давними морскими традициями. В ту пору флот ее хоть и не мог считаться передовым, но был достаточно внушительным. Он состоял из 2 линейных кораблей, 7 крейсеров и 17 эсминцев. Было еще несколько канонирских лодок, катеров береговой охраны и 12 подводных лодок.

После первого неудачного похода республиканской эскадры на север страны министр морского флота Индалесио Прието попросил назначить атташе Кузнецова одновременно его военно-морским советником. Теперь на плечи Николая Герасимовича легли заботы по проводке и организации конвоев транспортов, следующих из советских черноморских портов в Испанию, встрече их в Картахене, разгрузке, поскольку в технике, оружии остро нуждались интербойцы на фронте.

А флоту Испании противостояли эскадры Германии и Италии. Тем не менее республиканский флот успешно охранял коммуникации. До осени 1937 года 20 транспортов с оружием и техникой уверенно дошли до испанских портов.

Здесь их уже встречал Кузнецов со своими помощниками. Немецкие самолеты нередко наносили удары с воздуха по скоплению кораблей в порту Картахены. С фашистами сражались наши пилоты, а Николай Герасимович старался организовать быструю разгрузку кораблей. Он же выстраивал и противовоздушную оборону порта, разрабатывал боевые операции республикапского флота, организовывал взаимодействие сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил.

В августе 1937 года Кузнецов по приказу из Москвы убыл на Родину. Впереди у него была долгая и непростая служба. Уже в начале 1938 года он станет командующим Тихоокеанским флотом. В 1939-м первым заместителем народного комиссара ВМФ, а через месяц с небольшим — наркомом Военно-морского флота. На этом посту он встретит войну, станет Адмиралом Флота Советского Союза, Героем Советского Союза.

В 1946-м Сталин отстранит Кузнецова от должности, через два года его дело будет передано в Военную коллегию Верховного суда, и Кузнецова признают виновным. Но адмирала не посадили, а лишь снизили в воинском звании до контр-адмирала.

В 1951 году он вновь назначен военно-морским министром СССР, а в 1956-м снижен в звании до вице-адмирала и уволен с флота.

В 1988 году Николай Герасимович Кузнецов восстановлен в звании «Адмирал Флота Советского Союза» посмертно.

Однако Испанией в *ту* пору занимались не только советские

разведчики, которые находились непосредственно на территории этой страны. Многие наши специалисты, например, летчики, добирались до Испании через Польшу, Германию, Бельгию во Францию. В Париже был своего рода перевалочный пункт.

Вот как об этом вспоминает участник войны в Испании, генерал-лейтенант в отставке Виктор Михайлович Лавский: «Шел тридцать шестой год. Я служил в Смоленской авиационной бомбардировочной бригаде. Вызвали, спросили: “Вы согласны?” “Согласен”. Из нашей бригады летчиков и штурманов было человек шестнадцать. Меня назначили старшим. Сотрудник ГРУ Наталья Золотарева на вокзале вручила мне бумажку. На ней карандашом написано три адреса. Тоща же шариковых ручек не было. Один из адресов — посольство. Заниматься с нами должен Николай Николаевич Васильченко, военно-воздушный атташе во Франции. И в путь. Выдавали себя за различных специалистов, я, например, был метеорологом. Якобы меня наградили за хорошую работу путевкой в Париж на Всемирную промышленную выставку.

Прибыли в Париж. Я съездил в посольство. Через некоторое время у нас в гостинице появился тот самый Васильченко. Он встретил наших летчиков у отеля, спросил, где, мол, разместились, а те его едва на три буквы не послали: иди отсюда, белогвардейская морда.

Николай Николаевич со вздохом оглядел нашу одежду и отвел в магазин. Выбирайте одежду. Удивительно! Продавцов нище нет, все открыто лежит, висит. Примерили, выбрали, туг же нам отметили, как обрезать брюки. В конце спрашивают: “Нумеро?” Значит, в каком номере живете. Написал на бумажке “очко” — 21. Все доставили в номер в целости и сохранности. И это представьте себе — 1936 год!

Во второй раз Васильченко пришел, принес новые паспорта и отправил нас в Тулузу, оттуда ехали поездом в Испанию, в Бильбао и далее в Барселону. Так мы попали на войну».

В одном из справочников о комдиве Васильченко, военно-воздушном атташе во Франции коротко написано: «Принимал активное участие в отправке советских летчиков и других специалистов в республиканскую Испанию».

Война в Испании безусловно забирала много сил у Разведуправления РККА, однако ответственность за работу в других странах Европы и Азии с военной разведки никто не снимал.

С 1935 года в Болгарии действовал первый советский военный атташе и резидент полковник Василий Сухорукое. До этого он уже имел опыт работы за рубежом в Китае и теперь активно взялся за развертывание агентурной сети. Именно он

начинал разработку болгарского генерала Владимира Заимова, будущего советского военного разведчика, Героя Советского Союза. Эту работу продолжил коллега и сменщик Сухорукова — полковник Александр Бенедиктов.

В Германии Советский Союз представляли военные атташе Василий Левичев, Борис Вершинин, однако успешнее всего легальная резидетура Разведуправлсния РККА работала накануне войны под руководством генерала Василия Тупикова и его заместителя полковника Николая Скорнякова.

В Великобритании достаточно результативно справлялся со своими обязанностями военно-воздушный атташе комбриг Иван Черний (Черный). Он наладил сотрудничество с чехословацкой военной разведкой. Офицеру Лондонской резидентуры Семену Кремеру удалось завербовать начальника отдела Главного штаба Чехословацкой армии полковника Франтишека Моравсца.

Все эти факты говорят о том, что во второй половине десятилетия военная разведка начинала уверенно выходить из кризиса, порожденного серией крупных провалов конца 20-х — начала 30-х годов. Однако это движение было прервано кровавыми сталинскими репрессиями.

В числе первых, кто попал под каток этих репрессий, был один из ярчайших представителей «корпуса» военных атташе комкор Витовт Пуша. Его отозвали из Лондона и арестовали еще в августе 1936 года. Пока на свободе находились все будущие участники «заговора Тухачевского», а Витовт Казимирович уже сидел в тюрьме. В том же месяце в подвалах Лубянки оказался и заместитель командующего Ленинградским военным округом, легендарный комкор Виталий Примаков, большевик с дореволюционным стажем, создатель и первый командир 1-го червонного казачьего полка, член ЦИК и ВЦИК СССР, кавалер трех орденов Красного Знамени.

В мае 1937 года пришло время остальных «заговорщиков». 8 мая был арестован начальник Военной академии командарм 2-го ранга Август Корк, 15-го — начальник управления по командно-начальствующему составу РККА комкор Борис Фельдман, 22-го взяли Маршала Советского Союза Михаила Тухачевского и председателя Центрального совета Осоавиахима Роберта Эйдемана, 28-го — командующих Киевским и Белорусским военными округами командармов 1-го ранга Иону Якира и Иеронима Уборевича. Всего 8 человек. Дело рассматривало Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР, а по сути, их же недавние сослуживцы Алкснис, Блюхер, Буденный, Шапошников, Белов, Дыбенко, Каширин, Горячев и председатель Военной коллегии Ульрих.

«Шпионское фашистское отребье», «лазутчики капиталистического мира», «гадина шпионажа», «диверсанты и убийцы» — это маленькая толика тех «ярких» эпитетов, которыми «наградили» Тухачевского и его товарищей на скамье подсудимых.

Через 20 лет, в 1957 году справедливость восторжествует, Военная коллегия Верховного суда отменит свой приговор от 11 июня 1937 года и реабилитирует участников «заговора». «Заговора», которого не существовало.

Отмечу только, что из 8 репрессированных трое были военными атташе — Август Корк работал в Германии в 1928–1929 годах, Виталий Примаков в Афганистане в 1927–1928 и в Японии в 1928–1930 годах. Витовт Путна оставался в должности военного атташе в Великобритании до дня своего ареста.

Однако это было только начало. В мае 1937 года органами НКВД брошены в тюрьмы несколько десятков командиров и политработников высшего звена. Среди них бывшие военные дипломаты, а ныне начальник управления связи РККА комкор Роман Лонгва, работавший в Китае в 1926–1927 годах; заместитель председателя ЦК Осоавиахима комкор Гаспар Восканов (Восканян), представлявший нашу страну в Финляндии (1926–1928 гг.), в Турции и одновременно в Италии (1929–1930 гг.); начальник отдела внешних сношений НКО комкор Анатолий Геккер — первый советский военный атташе в Китае (1922–1925 гг.) и в Турции (1931–1933 гг.).

В этом скорбном списке комдив Борис Бобров, военный атташе при постпредстве СССР в Литве в 1920–1921 годах. Его взяли уже на посту начальника штаба Белорусского военного округа.

Комбрига Василия Богового, военного представителя СССР в Польше в 1928–1931 годах, арестовали в его кабинете в Разведуправлении Красной армии. К тому времени он уже руководил 5-м отделом.

Известный военный атташе в Германии (1925–1928 гг.) и в Италии (1934–1936 гг.) комкор Сергей Петренко-Лунев после зарубежной командировки работал военным консультантом в Совете народных комиссаров. Он тоже пополнил ряды «врагов народа».

Бригадный комиссар, военный и военно-морской атташе в Японии (1925–1926 гг.) Карл Янель был начальником иностранного отдела ВВС РККА. Представляете, начальник иностранного отдела! Ну как из него не сделать «шпиона». НКВД такой шанс упустить не могло.

А вообще, когда разбираешься в делах репрессированных

только в одном 1937 году, порой теряешь чувство реальности. Разум и сердце отказываются верить, что подобное «людоедство» могло существовать как таковое. Но ведь существовало.

Кроме тех, кого я уже назвал, хочу перечислить имена и фамилии военных атташе, в разные годы работавших по всему миру, достойно представлявших нашу страну и погибших в застенках НКВД в этом тысячу раз треклятом году.

Это полковник Александр Лппен (Хмелев) (Персия, 1922 г.), капитан 2-го ранга Эрнест Батис (Турция, 1930–1932 тт.), комдив Семен Венцов-Краш; (Франция, 1933–1936 гг.), полковник Константин Звонарев (Турция, 1922–1924 гг.), флагман флота 2-го ранга Иван Кожанов (Япония, 1927–1929 гг.), комбриг Иван Клочко (Прибалтика, 1926–1927 гг., Польша, 1927–1929 гг., Турция, 1933–1936 гг.), комкор Василий Левичев (Германия, 1933–1934 гг.), комкор Эдуард Лепил (Финляндия, 1931–1932 гг., Польша, 1932–1933 гг., Китай, 1934–1937 гг.), полковник Алексей Мазалов (Эстония, 1931–1934 гг.), комдив Иван Ринк (Афганистан, 1924–1926 гг., 1928–1930 гг.), комбриг Николай Семенов (Литва, 1932–1933 гг., Поташа, 1933–1936 гг., Франция, 1936–1937 гг.), Константин Соколов-Страхов (Афганистан, 1926–1927 гг.), Харальд Туммельтау (Италия, 1932–1934 гг.), Кирилл Янсон (Италия, 1925–1928 гг.).

Из тех, кого репрессировали в 1937 году, выжило только двое — полковник Ади Маликов, военный атташе в Персии в 1927–1931 годах, и коринженер Яков Фишман, военный представитель СССР в Германии (1921–1923 гг.) и в Италии (1924–1925 гг.). Надо сказать, НКВД в те годы работало «на совесть», они брали не только действующих сотрудников, но и давно распрощавшихся с военной службой. Так, Константин Мехоношин, член партии с 1913 года, известный в 1917 году как член Петроградского совета и Военно-революционного комитета, впоследствии председатель РВС нескольких фронтов и армий, был командирован в 1926–1927 годах в Польшу в качестве военного атташе. После этого трудился на руководящих постах в Госплане, входил в коллегию Наркомата связи. В последнее время директорствовал в НИИ океанографии и морского хозяйства. Но и его не пощадили. В ноябре 1937 года Константин Александрович был арестован и расстрелян.

Следующий, 1938 год также начался с арестов в «корпусе» военных атташе. Отозван из Великобритании и взят под стражу инженер-флагман 3-го ранга Лев Анципо-Чикунский. Та же участь постигла военных атташе в США военинженера 1-го ранга Владимира Бегунова, в Турции — полковника Александра Емельянова-Сурика, в Финляндии — полковника Петра Иванова. Схвачены и брошены в тюрьму известный разведчик, нелегальный

резидент в Америке, позже военный атташе в Испании комдив Владимир Горев, представитель РСФСР с Финляндии в 1921–1922 годах полковник Ян Аншевиц (Аншевич), военный атташе в США (1934–1936 гг.) комбриг Владимир Клейн-Бурзи (Бурзин).

Разыскали эпкавэдэшники и персонального пенсионера НКО, военного атташе Павла Сытина. Не посмотрели на то, что он уже несколько лет в запасе, давно отошел от дел. Разглядели в нем замаскировавшегося врага. А ведь Павел Павлович с первых дней революции перешел на сторону советской власти, в 1918 году командовал Южным Красным фронтом, да и потом почти 20 лет честно служил Красной армии. Заслуги — по боку. Припомнили ему и юнкерское училище, и Николаевскую академию Генерального штаба, и золотые генеральские эполеты. Даже Георгиевские кресты за храбрость на фронте в упрек поставили. И вправду, если первая сабля червонного казачества Примаков да член РВС Республики Мехоношин «шпионы и враги», что уж тут о царском генерале судачить. Под расстрел его. Так и погиб один из первых советских военных атташе Павел Павлович Сытин.

Из множества брошенных в тюрьму в 1938 году военных атташе, по моим данным, спаслись двое — полковник Василий Сухоруков, в 20-е годы работавший в Харбине, и Владислав Коссов — военно-морской атташе в Швеции (1931–1936 гг.).

По приговору суда Василий Тимофеевич отсидел в сталинских лагерях 17 лет. Вышел только в 1955 году. Реабилитирован, восстановлен в кадрах Советской армии.

Владислав Ричардович также был репрессирован, уволен из флота. Второй раз арестован в 1940 году, но оправдан военным трибуналом. Коссову посчастливилось вновь вернуться на флот в 1941 году. В войну он преподавал в военно-морских учебных заведениях.

Но такое счастье улыбнулось лишь единицам. Даже когда отшумели, откатились в прошлое самые страшные, кровавые — 1937 и 1938 годы, — карательные органы упорно выискивали жертвы. И находили.

В 1939 году сотрудники НКВД арестовали 60-летнего работника Центрального архива Красной армии Ардалиона Бобрищева. Ардалион Александрович получал звание полковника дважды — в 1915-м, на войне, и в 1936-м. Военным атташе тоже был дважды — в Финляндии (1922–1923 гг.) и в Персии (1924–1927 гг.). Не пощадили старика. Он умер в Лефортовской тюрьме.

Комбрига Александра Лангового арестовали уже в 1940 году. Он воевал в Первую мировую, в Гражданскую. Александр Алексеевич принимал самое активное участие в известной чекистской операции «Трест», которая проводилась в 1921–1927

годах. Ланговой выезжал за рубеж, встречался с лидерами белой эмиграции, выдавая себя за помощника начальника «Монархической организации Центральной России» (МОЦР). Был награжден орденом Красного Знамени.

Позже, в 1931–1933 годах, проходил службу в качестве военного атташе в Персии.

Кажется, ничего не предвещало беды, но весной 1940 года комбрига Александра Лангового взяли. К счастью, не расстреляли. Вышел он на свободу через 15 лет.

А вот военинженеру 1-го ранга Паулю Юрьевичу Орасу, военно-морскому атташе в Швеции в 1926–1928 гг., в Италии и Греции в 1933–1934 гг. и в США — 1934–1936 гг., повезло меньше. Его также арестовали в 1940 году, дали 10 лет, и он умер в тюрьме.

Не успокоились наши органы НКВД и в 1941 году. Уже враг, не мифический, а истинный, вполне реальный стоял на пороге. Фашистская Германия стягивала свои дивизии на нашу границу. Казалось бы, есть чем заняться. Но они все выискивают «врагов» среди офицеров и генералов Красной армии.

В июне, когда до начала войны оставались считаные дни, арестованы комдив Николай Васильченко и комбриг Иван Черний (Черный). Оба в Красной армии с 1918 года, коммунисты, участники войны. Николай Николаевич успел повоевать еще в Первую мировую, а в Гражданскую уже был военным летчиком, потом командиром авиаотряда. Иван Иосифович в Гражданскую воевал под Оренбургом, на ферганском направлении. После окончания академии командовал авиаэскадрильей. Потом оба возглавили авиационные бригады: Васильченко — 1-ю, а Чер-ний — 18-ю тяжелую.

В 1933 году Васильченко посылают военно-воздушным атташе во Францию. Это он организует переправку советских нилотов в Испанию.

Черний в 1936 году командирован в Великобританию на ту же должность.

Николай Васильченко возвращается из Парижа в 1939-м. Его увольняют из ВВС, по в следующем году восстанавливают в кадрах. Он преподает в Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского.

Иван Черний отозван на родину в 1940-м. он проходит службу в этой же академии. В июне 1941 года с разницей в несколько дней их арестовывают. Из тюрьмы они уже не вернутся.

Итак, каков же результат борьбы органов НКВД с различного рода «шпионами», «фашистскими недобитками», «врагами советского народа»? К горькому сожалению, этого результата не

знает никто. До сих пор не подсчитаны потери, которые понес «корпус» военных атташе в ходе сталинских репрессий. Из названных (а я называл только имена военных представителей, но были еще их помощники, секретари ВАТ и т. д.), по моим данным, выжило всего несколько человек, остальные расстреляны или умерли в тюрьмах, лагерях.

Каково же было состояние легальных резидентур в этот период? Их работа оказалась практически парализованной.

Вот что пишет по этому поводу Владимир Позняков в своей книге «Советская разведка в Америке»:

«…Реальные возможности резидентур ИНО, РУ и 1-го управления ВМФ в Соединенных Штатах были в этот период не слишком велики. Развязанный Сталиным в 1936–1939 гг. большой террор привел к тому, что штат их сотрудников резко уменьшился: в СССР было отозвано несколько десятков офицеров этих служб. Разведывательное управление лишилось легального резидента В.А. Клейн-Бурзи (1936 г.), нелегалов А.А. Адамса, Б.Я. Букова (1938 г.), А.Ф. Машнейта (1937 г.) и 17 сотрудников. Сильно пострадали и резиденты ИНО…» Далее автор подчеркивает: «Нехватка кадровых разведчиков побудила

Сталина и руководство разведывательных служб к принятию срочных и неортодоксальных мер…»

Что же это за меры? Они укладываются в очень простое определение — если нет разведчиков, их задачи выполняют дипломаты. Так по решению Совнаркома СССР при нашем постпредстве в Вашингтоне было создано так называемое бюро технической информации. Его работу осуществляли посол Уманский, советник Громыко, вице-консул в Нью-Йорке Заикин и другие дипломаты. Отсюда и утверждение Павла Судоплатова в своих мемуарах, что посол Уманский вынужден был выполнять обязанности резидента ИНО и отчасти Разведуправления. Это, в сущности, подтверждает и сам Уманский, который летом 1939 года обращается к Молотову и просит решить вопрос об аппарате военного атташе при постпредстве.

В той или иной мере «американская» ситуация была характерна и для других стран. Военных атташе, резидентов, агентов отзывали, сажали в тюрьму, расстреливали, не очень-то обращая внимание на страны, в которых они пребывали. Создав подобное положение, потом по-русски, мужественно из него выходили. Ведь все прекрасно понимали: война на пороге. А без разведки в предвоенное и в военное время, как в той известной песне из любимого кинофильма: и ни туды и ни сюды.

Так какова же была наша легальная разведка накануне Великой Отечественной войны и в войну?

До сих пор у историков в этом вопросе нет единства. Одни считают, что советская разведка выполнила свое предназначение, вскрыла планы Гитлера и своевременно докладывала об этом руководству страны. Но существует и другое мнение, что именно военная разведка виновата в провалах первого периода войны. Она, мол, не смогла разгадать агрессивные намерения фашистской Германии и вовремя донести до сознания Сталина всю опасность готовящегося нападения.

Вряд ли в следующей главе повествования мне удастся разрешить этот давний спор. Да я и не преследую подобную цель, а вот рассказать, как действовали в предвоенные и в военные годы советские дипломаты в погонах, постараюсь. В том и состоит моя главная задача.

«ЭТОТ ТУПОЙ ГЕНЕРАЛ…»

30-е годы XX века — это годы нарастания угрозы развертывания Второй мировой войны.

Год 1935-й. Италия захватывает Албанию. В 1936-м начинается интервенция Германии и Италии против республиканской Испании. 1937 год ознаменован японской агрессией в Северном, а потом и в Центральном Китае. В 1938-м Германия захватывает Австрию, а Италия — Абиссинию. Следующий, 1939 год также отмечен нападением немецких фашистов на Чехословакию, а потом и на Польшу. Вторая мировая война началась.

Англия и Франция объявляют войну Гитлеру. В 1940 году Германия оккупирует Данию, Норвегию, Бельгию и Голландию, за полтора месяца покоряет Францию.

В начале 1941 года фашистские войска вступают в Болгарию, потом вторгаются в Югославию и Грецию. Германская авиация наносит воздушные удары по Великобритании.

Складывается крайне неблагоприятная военно-политическая обстановка и для Советского Союза. Угроза войны становится близкой и вполне реальной. Сталин и руководство СССР предпринимают тщетные попытки отодвинуть ее начало, не допустить развертывания в ближайшее время.

Страна не готова к большой широкомасштабной войне. В результате репрессий многое было разрушено, работа легальных резидентур в разведке парализована. Восстановить утраченное и подготовить разведку к деятельности в военные годы крайне сложно. Требуется высокий профессионализм и время. Ни того ни другого у Разведуправления Красной армии не было.

В мае 1940 года начальник военной разведки генерал-лейтенант авиации Иван Проскуров докладывал наркому обороны и Комиссии ЦК ВКП(б): «Последние два года были периодом чистки агентурных управлений и Разведорганов от чуждых и враждебных элементов. За эти годы органами НКВД арестовано свыше 200 человек, заменен весь руководящий состав до начальников отделов включительно. За время моего командования только из центрального аппарата и подчиненных ему частей отчислено по различным политическим причинам и деловым соображениям 365 человек. Принято 326 человек, абсолютное большинство из которых без разведывательной подготовки».

Хочу еще раз обратить внимание на последнюю фразу генерала Проскурова: «абсолютное большинство… без

разведывательной подготовки». Это в полной мере относится и к тем, кто возглавил и работал в эти годы в легальных резидентурах.

В 1939 году военным атташе Советского Союза в Иране был назначен полковник Василий Александров, в Финляндии — полковник Иван Смирнов. В следующем, 1940 году в Англию прибыл новый военный представитель Страны Советов полковник Иван Скляров.

Напрасно контрразведчики в Тегеране, Хельсинки и Лондоне усиленно листали свои картотеки. О вновь назначенных атташе в их архивах ни слова. Никто из троих прежде не был связан с разведкой.

Василий Александров окончил кавалерийские курсы. Командовал отделением, взводом. Был выдвинут помощником командира полка по политчасти. Впоследствии возглавлял эскадрон, служил в штабе кавбригады, помощником комбрига. В 1938 году окончил командный факультет Военной академии механизации и моторизации РККА им. И.В. Сталина.

Иван Смирпов ровесник Александрова, прошел весьма похожий путь: красноармеец, политрук роты, командир роты, ответственный секретарь бюро ВКП(б) полка. В 1939-м году окончил академию Генштаба РККА.

Полковник Иван Скляров был однокашником Смирнова по академии. Выпустился в том же году. Заграницы они никогда не видели, языков не знали, разведработы тоже. Но других военных дипломатов у Советского Союза не было. Их предшественники, опытные, знающие, умелые — Александр Ланговой, Лев Анципо-Чикунский, Эдуард Легаш, Петр Иванов — либо уже сидели в тюрьме, либо были расстреляны. Приходилось «затыкать дыры» выпускниками академии.

Документ об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке в 1940–1941 годах, доложенный Сталину в сентябре 1940 года наркомом обороны и начальником Генерального штаба, указывал: «Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе — против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, и па Востоке против Японии. Основным, наиболее сильным противником является Германия».

В 1939–1940 годах в Берлин высаживается целый десант… выпускников советских военных академий. Полковники Николай Скорняков назначен помощником военного атташе по авиации; Василий Хлопов — помощником; Николай Бажанов — секретарем, потом также помощником восшгого атташе.

Все они пришли из войск в академии, а оттуда нежданно-

негаданно попали на военно-дипломатическую работу. Да не куда-нибудь па периферию, а в самую «горячую» по тем временам точку — в Берлин. Тот, кто подбирал «десант» этих «зеленых», молодых разведчиков, понимал, что руководителем у вчерашних «академиков» должен стать человек постарше, неопытнее. Но прежние военные атташе в Германии — Витовт Путна, Василий Левичев — были расстреляны. Нашли чудом уцелевшего генерал-майора Василия Тупикова. Он возглавлял штаб Харьковского военного округа, а в 1935–1937 годах служил военным атташе в Эстонии.

В декабре 1940-го Василий Иванович командирован в Германию военным атташе и резидентом одновременно. До нападения фашистов на Советский Союз остается полгода.

В других странах дело с развертыванием и укомплектованием легальных резидентур обстояло ненамного лучше. Во Францию приезжает полковник, потом генерал-майор Иван Суслонаров, вчерашний помощник начальник Управления артиллерии Красной армии. Он тоже год назад закончил артиллерийскую академию им. Ф.Э. Дзержинского. В Японию в начале 1940 года командирован начальник штаба танкового корпуса полковник Иван Гущенко, в Афганистан — полковник Яков Карпов, преподаватель тактики Пензенского артиллерийского училища, в Турцию — полковник Михаил Кутузов, помощник командира стрелковой дивизии, в Болгарию — полковник Иван Дергачев, начальник оперативного отделения механизированного корпуса.

Вот и получалось, что из всех направленных в 1938–1940 годах военных атташе (а многие из них к тому же возглавляли легальные разведаппараты в странах пребывания) только двое прежде бывали за границей и знали, что собой представляет разведработа. Эти двое — уже названный Иван Тупиков и военный атташе в Польше Павел Рыбалко, будущий маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза, прославленный командующий 5-й и 3-й танковыми армиями.

В 30-е годы Павел Семенович, окончив кавалерийское отделение Военной академии имени М.В. Фрунзе, уехал советником в Китай. После двух лет работы там командовал Туркестанской кавалерийской дивизией. В июне 1937 года его направят военным атташе в Польшу, а по возвращении оттуда в апреле 1940 года — в Китай.

В военно-морской разведке дело обстояло несколько лучше. Там тоже катастрофически не хватало подготовленных в разведывательном отношении специалистов, и нередко военными атташе назначали прямо с флота. Как говорят, с корабля на бал.

Так, в военно-морские дипломаты в марте 1941 года

неожиданно для себя угодил капитан 2-го ранга Алексей Тарадин, исполнявший должность командира бригады подводных лодок. Его направили в Финляндию.

С преподавательской должности из военно-морского училища военно-морским атташе в Турции станет Константин Родионов. Кстати, Константин Константинович вырастет в крупного дипломата, после войны он будет работать послом в Швеции. Займет должность заведующего отделом скандинавских стран МИДа.

Но наряду с теми офицерами, которые приходили с флота, с преподавательской работы, разведуправление ВМФ старалось назначать военно-морскими атташе уж если не специалистов (где было таких взять), то хотя бы людей, знакомых с разведдеятельностью. Вот, к примеру, Иван Егоричев, в 1941 году направленный военно-морским атташе в США. Нельзя сказать, что Иван Алексеевич к тому времени был «зубром» разведки, но для начала 15 месяцев отслужил в разведуправлении ВМФ, два года — помощником военно-морского атташе в Японии, и только после этого занял высокое руководящее кресло атташе в Вашингтоне. По тем временем более трех лет в разведке — опыт не малый.

Семен Славин — военно-морской атташе Советского Союза в Италии. Прибыл в страну в сентябре 1939 года. До этого два года преподавал на курсах усовершенствования командирского состава при Разведуправлении РККА, потом работал непосредственно в центральном аппарате разведки — помощником начальника, начальником отделения.

Конечно, не вина офицеров Красной армии и флота, что они оказались за границей на разведработе накануне войны, не имея за плечами ни соответствующих знаний, ни опыта.

В эти годы, а порою и месяцы, оставшиеся до страшной трагедии, дипломаты в погонах делали все, что в их силах, дабы помочь своей стране. Работая с архивными документами, не перестаешь удивляться, как быстро набирали они оперативный опыт, осваивали методы разведдеятельности, аккумулировали самое ценное, что удавалось добыть.

Да, сегодня с полной определенностью можно сказать: ни советской военной разведке, ни ИНО НКВД не удалось накануне войны выйти па самый высокий уровень и получить доступ непосредственно к секретной документации. Все сообщения, поступающие в Центр, были основаны на устной информации, полученной от агентуры.

Тем не менее, как подтвердила последующая суровая действительность и послевоенные рассекреченные материалы,

информация была вполне достоверной и, что самое важное, своевременной. АЛ уж как ею распорядились политики и руководители страны, — это совсем другая история.

Однако вернемся к нашим военным атташе и их работе в предвоенные годы и месяцы.

… Накануне нового, 1941 года, а точнее 29 декабря, военный атташе и резидент в Германии генерал-майор Василий Тупиков получил особо ценную информацию — агент «Альта» (под этим псевдонимом действовала немецкая журналистка Ильза Штебе) сообщила, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Источником информации являлся ответственный работник МИДа Германии Рудольф фон Шелиа, он же агент «Ариец».

Сообщение ушло в Центр. Москва приказала Туликову перепроверить информацию. Ильза Штебе настаивала на достоверности доклада: «“Ариец” еще раз подтвердил правильность сведений о подготовке Германии к войне с Советским Союзом весной 1941 года, — писала она. — Эти данные основаны не на слухах, а на специальном приказе Гитлера, о котором известно лишь ограниченному кругу лиц. “Ариец” подчеркивает, что подготовка наступления против СССР началась давно, но была одно время приостановлена в связи с проведением компании против Англии. Гитлер считает, что состояние Красной Армии низкое и весной он будет иметь несомненный успех».

Эта информация по сути совпала с шифротелеграммой военного атташе Советского Союза в Румынии. Он в свою очередь предупреждал: но полученным от источников данным Германия начала подготовку к войне с СССР и перебрасывает войска в Болгарию и Румынию.

Обе телеграммы были доложены по так называемому «большому списку», начиная со Сталина и Молотова.

Наркомат обороны отреагировал по-военному — направил указание в западные округа вскрывать военные планы Германии на случай войны с СССР.

9 марта 1941 года военный атташе и резидент в Югославии генерал-майор Александр Самохин (оперативный псевдоним «Софокл») сообщил: «Германский генштаб отказался от атаки на английские острова, ближайшей задачей поставлено — захват Украины и Баку, которая должна осуществиться в апреле — мае текущего года, к этому сейчас подготавливаются Венгрия, Румыния и Болгария».

Через четыре дня военный атташе в Бухаресте подтверждает это сообщение: Германия отказывается от планов высадки в Англии, она нацелена на Украину и Прибалтику.

15 апреля Центр принимает шифровку из Праги о том, что руководство Германии обсуждает вопрос подготовки к нападению на Советский Союз. В общем, по мере того как Берлин наращивает темп подготовки к войне, в Москве растет количество донесений из легальных и нелегальных резидентур военной разведки в разных странах мира.

Однако среди этих несомненно ценных донесений хотелось бы выделить записку военного атташе в Германии генерал-майора Василия Тупикова лично начальнику разведуправлепия Генерального штаба Красной армии от 25–26 апреля 1941 года. Специалистам она достаточно известна, была опубликована в открытой печати, но мне тем не менее хотелось бы вернуться к ней.

«За 3,5 месяца моего пребывания здесь, — пишет генерал Тупиков, — я послал Вам до полусотни телеграмм и несколько десятков письменных донесений, различных областей, различной достоверности и различной ценности. Но все они являются крупинками ответа на основной вопрос: стоит ли, не в качестве общей перспективы, а конкретной задачи, в планах германской политики и стратегии война с нами; каковы сроки начала возможного столкновения; как будет выглядеть германская сторона при этом?..

Вывод:

Все эти данные приводят меня к убеждению, что:

1. В германских планах сейчас ведущейся войны СССР фигурирует как очередной противник.

2. Сроки начала столкновения — возможно, более короткие и, безусловно, в пределах текущего года…

Военный атташе **СССР** в Германии генерал-майор В. Тупиков».

Я привел письмо Василия Ивановича в сокращении, оставив только самое главное, основное. А основными были вопросы, над которыми ломали головы многие в стране — и Политбюро во плаве со Сталиным, и МИД, и НКВД, и, разумеется, военная разведка. Тупиков уже в апреле 1941 года ясно и четко сказал: война с Германией будет (СССР — очередной противник) и сроки ее начала в 1941-м (в пределах текущего года). В этом письме подкупает то, что Тупиков не юлил, не подстраивался под сталинское мнение, имел мужество сообщить собственные выводы, вытекающие из реального анализа обстановки.

Современные исследователи предвоенных лет, разбирая по косточкам, построчно, письма, донесения, телеграммы, записки, иные документы, выстраивают версии: почему же Сталин в конечном итоге не поверил разведке. Стараются встать на его

место, поразмышлять, порулить хотя бы мысленно за него и объяснить, наконец, этот мучительный парадокс, стоивший нам миллионов жизней и столь трагического развития событий на первом этапе войны.

А если бы Иосиф Сталин повел себя иначе?

Маршал Советского Союза Александр Василевский в своей книге «Дело всей жизни» отвечает на этот вопрос: «… Если бы к тем огромным усилиям партии и народа, направленным на всемирное укрепление военного потенциала страны, добавить своевременно отмобилизование Вооруженных Сил, перевод их полностью в боевое положение в приграничных округах, военные действия развернулись бы во многом по-другому». И далее маршал продолжает разъяснять, что бы произошло, сделай все это Сталин. «…Можно предположить, что уже в первые дни войны были бы нанесены противнику такие потери, которые не позволили бы ему столь далеко продвинуться по нашей стране, как это имело место».

Но Сталин не сделал то, что должен был сделать? Почему? Тут множество причин. И все они верны, точно так же, как и не верны одновременно. Сталин давно мертв, а только он один знал истинную причину собственных заблуждений. И все же, все же… Я попытаюсь к множеству существующих версий добавить свою.

Столь чудовищная стратегическая ошибка совершалась потому, что рядом со Сталиным, в его ближнем и дальнем окружении не было генерала Тупикова или подобных ему. Ведь откровенно говоря, горько и стыдно сегодня читать документы, которые ложились Верховному на стол. Факты зачастую приводились верные, но выводы делались лживые, трусливые, в угоду хозяину.

20 марта 1941 года начальник военной разведки генерал Филипп Голиков представил Сталину специальный доклад: «Высказывания, оргмероприятия и варианты боевых действий германской армии против СССР». Ныне этот доклад достаточно известен. Все в нем было верно. Кстати, во многом этот документ основывался на сообщениях и выводах генерала Василия Тупикова из Берлина, и даже даты нападения приводились те же. Однако выводы у Голикова были совсем другими. В своих воспоминаниях маршал Жуков указывает, что эти выводы и дезинформировали руководство страны. Процитируем их.

«1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Липшей или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки».

В одной из своих статей военный разведчик генерал-полковник Анатолий Павлов назвал выводы Голикова «угодничеством и страхом за свою судьбу».

Но если бы Голиков был единственным. В берлинской резидентуре, в подчинении у военного атташе генерала Тупикова в помощниках служил полковник Василий Хлопов. Он занимался обработкой материалов по дислокации и группировкам немецких войск.

В спецархиве ГРУ сохранились любопытные документы. Еще в 1960 году начальник архива полковник Колдышев подготовил руководству военной разведки докладную записку. В лей он пишет: «В своих обобщенных докладах, сделанных на имя военного атташе, и заключениях из бесед с немцами и военными представителями других стран в Берлине полковник Хлопов делал неправильные выводы, противоречащие поступавшим в ВАТ сведениям от различных источников. Так 28 декабря 1940 года помощник военного атташе Турции капитан Демирдач в беседе сообщил т. Хлопову о перебросках немецких войск в Румынию.

В своих выводах тов. Хлопов пишет: “1. Слух о каких-то больших и чрезвычайных перебросках немецких войск носится в берлинском воздухе” последние несколько дней. Их подхватил, видимо, и капитал Дсмирдач. А турки вообще живут по принципу: “у страха таза велики”. У них всегда в Румынии десятки немецких дивизий, немцы вот-вот пойдут войной против СССР и т. д.”.

6 января 1941 года в отчете о посещении помощника военного атташе США майора Смита т. Хлопов пишет, что присутствующий при беседе ассистент ВАТ капитан Ловель сказал: “… Мы имеем сейчас сведения из очень достоверного источника (он два раза повторил хорошую достоверность источника) о том, что Германия готовится начать войну против СССР”.

На мой вопрос о сроках начала этой войны он сказал: ‘Точно срок я указать не могу, но сведения достоверные”.

В выводах из этой беседы т. Хлопов указывает: “…Здесь возможны три варианта:

а) нападение Германии на Советский Союз действительно готовится, приурочив его, видимо, после победы над Англией или после заключения с ней почетного мира;

б) эти слухи являются провокацией со стороны английской разведки;

в) эти слухи являются провокацией со стороны германской разведки”».

Да уж, прочитав подобную записку, есть о чем задуматься. Ну чем не «мини-Голиков?» Такое впечатление, что в свой известный доклад начальник разведуправления практически слово в слово перетащил хлоповские выводы. И после этого мы сетуем на то, что во всем виноват Сталин.

Сдается мне, прав бывший военно-морской атташе в Испании, а перед войной нарком ВМФ адмирал Николай Кузнецов, когда в своих мемуарах говорит, что не надо все списывать на Сталина. «Ему — свое, а нам — свое», — подчеркивает адмирал. Николай Герасимович знал, что говорил. Он был несомненно выдающимся флотоводцем, но в данном случае поступил так, как большинство: 6 мая 1941 года в записке к Сталину написал, что «немцы готовятся к вторжению через Финляндию, Прибалтику и Румынию», а также намечены «мощные налеты авиации на Москву и Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах…» Но вывод сделан нам до боли знакомый: «Полагаю, что сведения являются ложными…»

По-человечески понимаю этих людей — и адмирала Кузнецова, и генерала Голикова, и полковника Хлопова, и еще десятки других. Только что кровавым колесом по армии, флоту, разведке, да и вообще на всей стране проехались репрессии 1937–1938 годов. Это происходило на их глазах, арестовывали их предшественников, сослуживцев, друзей, а они чудом выжили, уцелели. Так что понимаю, еще как понимаю, но простить не могу. Помните маршала Василевского: все могло быть по-другому. А значит, враг не дошел бы до Москвы, не истребил миллионы мирных граждан, не сжег, не выкосил «огнем и мечом», не пленил умопомрачительное количество советских бойцов и офицеров. Но шанс у нас был только в одном случае — если бы Тупиковых оказалось больше. Безусловно, зная мнение Сталина и своего начальника Голикова, имея под боком таких, как Хлопов, генерал Тупиков упорно докладывал в Москву правду.

9 мая он сообщил в Центр о плане возможных действий немецких армий против СССР, 12 июня радирует руководству Разведуправления, что нападение на СССР ожидается 15–20 июня, 1 6 июня шифрограмма из Берлина извещает о том, что в штабе верховного главнокомандования вермахта упорно циркулирует версия о наступлении немцев против СССР 20–25 июня.

Справедливости ради надо сказать, что и военный атташе во Франции генерал Иван Суслопаров не играл в поддавки. 21 июня он срочно сообщает в Москву: по данным источника «Отто» (Леопольд Трейлер, нелегальный резидент в Париже), нападение

Германии на СССР назначено на 22 июня.

На докладе генерала Суслопарова Сталин написал собственноручно: «Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации, и накажите его».

Однако апофеозом непонимания «низов» — сотрудников разведки — и «верхов» — высших государственных руководителей — можно считать докладную записку Лаврентия Берии к Иосифу Сталину. Датирована она 21 июня. До нападения на страну остались сутки, но Берия с упорством, достойным лучшего применения, требует у Сталина: «Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня “дезой” о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР. Он сообщает, что это “нападение” начнется завтра…

Тоже радировал и генерал-майор Тупиков, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев…»

К сожалению, «тупой генерал» оказался прав, а «великие провидцы и кормчие» Сталин и Берия провалились, а вместе с ними и вся страна.

А Василий Иванович Тупиков до конца дней своих, до героической гибели под Киевом, оставался самим собой. Ни перед кем не гнулся, не лизоблюдствовал, мнения своего не менял с оглядкой на начальство.

После того как началась война, вместе с другими советскими дипломатами Тупиков был интернирован германскими властями. Он выехал в Турцию, а оттуда на Родину, в Советский Союз. Вскоре его назначили начальником штаба Юго-Западного фронта. И тут он показал знание военного дела и свою принципиальность.

Василий Иванович был одним из тех, кто считал, что ради сохранения войск, вывода из-под удара, а также предотвращения угрозы окружения Киев следует сдать и срочно отступить.

Настаивая на своем мнении, он подал рапорт на имя Сталина, где, проанализировав тяжелое положение фронта, предлагал срочно отвести войска на левый берег Днепра. Иначе, доказывал он, катастрофа неизбежна.

14 сентября к аппарату связи вызвали командующего фронтом Кирпоноса, члена Военного совета Бурмистенко и Тупикова.

В 2001 году в СМИ будет опубликована стенограмма беседа Сталина с руководством фронта.

У аппарата **Сталин**.

— Согласен ли товарищ Кирпонос с содержанием телеграммы

Тупикова, его выводами и предложением? Отвечайте.

Бурмистенко.

— У аппарата член Военного совета, здравствуйте, товарищ Сталин. Командующий и я не согласны с паническими настроениями Тупикова. Мы не разделяем его необъективной оценки обстановки и готовы удерживать Киев любой ценой.

Сталин.

— Я требую ответа у Кирпоноса, командующего. Кто командует фронтом — Кирпонос или Бурмистенко? Почему за командующего отвечает член Военного совета, он что — больше всех знает? У Кирпоноса разве нет своего мнения? Что у вас случилось после нашего с вами разговора 8 августа? Отвечайте.

Кирпонос.

— Фронтом командую я, товарищ Сталин. С оценкой обстановки и предложениями Тупикова не согласен. Разделяю мнение Бурмистенко. Примем все меры, чтобы Киев удержать. Соображения на этот счет сегодня направляю в Генштаб. Верьте нам, товарищ Сталин. Я Вам докладывал и повторяю вновь: все, что имеется в нашем распоряжении, будет использовано для обороны Киева. Вашу задачу выполним — Киев врагу не сдадим.

(В это время Тупиков побледнел, но сдержал себя.)

Сталин.

— Почему Тупиков паникует? Попросите его к аппарату. Вы, товарищ Тупиков, по-прежнему настаиваете на своих выводах или изменили свое мнение? Отвечайте честно, без паники.

Тупиков.

— Товарищ Сталин, я по-прежнему настаиваю на своем мнении. Войска фронта на грани катастрофы. Отвод войск на левый берег Днепра требуется начать сегодня, 14 сентября. Завтра будет поздно. План отвода войск и дальнейших действий разработан и направлен в Генштаб. Прошу Вас, товарищ Сталин, разрешить отвод войск сегодня. У меня все.

Сталин.

— Ждите ответа.

Генерал Тупиков и на этот раз оказался прав. Войска Юго-Западного фронта постигла катастрофа. Василий Иванович погиб, возглавляя группу офицеров штаба фронта, которая ночью пошла на прорыв из окружения. Он похоронен в Киеве, в парке Вечной славы, у Могилы Неизвестного Солдата.

… С началом Великой Отечественной войны многие генералы и офицеры, посланные за рубеж на военно-дипломатическую работу, были возвращены на Родину и назначены на командные должности на фронт, в действующую армию.

Так, генерал-майор Александр Самохин, военный и военно-

воздушный атташе в Югославии в 1941 году, возглавил стрелковый корпус, потом стал заместителем командующего армией. Однако в декабре был возвращен в Разведуправление Красной армии помощником начальника, начальником 2-го управления.

В апреле Александра Георгиевича назначают командующим 48-й армией Брянского фронта. Он срочно вылетел в г. Елец, однако летчик сбился с курса и оказался над вражеской территорией. Самолет был подбит, генерал Самохин попал в плен. При нем оказалась оперативная карта и директива Верховного.

В плену держался мужественно, от сотрудничества с немцами отказался. Освобожден нашими войсками в 1945 году, репрессирован. Реабилитирован в 1953 году.

В последние годы жизни преподавал на военной кафедре МГУ.

Капитан 1-го ранга Семен Славин, военно-морской атташе в Италии, уже в августе 1941 года находится в разведотделе Черноморского флота, в 1942 году возглавляет морскую разведку при заместителе командующего Закавказским фронтом. Потом уезжает на Тихоокеанский флот, где руководит разведотделом.

Военный атташе во Франции генерал-майор Иван Суслопаров, возвратившись в Советский Союз, возглавляет штаб артиллерии Красной армии, потом становится командующим артиллерией 10-й армии. Хотя в июле 1944-го его отзывают с фронта и вновь направляют на военно-дипломатическую работу — главой военной миссии во Франции при штабах союзных войск. Это он от имени СССР подписывает акт капитуляции немецких войск в Реймсе (Франция) 7 мая 1945 года.

Военные атташе в Турции — генерал-майор Михаил Кутузов, в Афганистане — полковник Яков Карпов, в Иране — полковник Василий Александров также прибывают в СССР. Кутузов получает назначение командиром стрелкового корпуса, Карпов — начальником штаба дивизии, Александров — на преподавательскую работу.

Некоторых военных атташе переводят в другие страны. Ивана Смирнова, который представлял Советский Союз в Финляндии, перебрасывают в Китай, Виктора Смирнова, помощника военно-морского атташе по авиации в Германии, командируют за океан, в США, Алексея Тарадина, военно-морского атташе в Финляндии, после небольшой работы в Центре посылают в Швецию.

В тех странах, которые являются союзниками СССР по антигитлеровской коалиции, дипломаты в погонах остаются, как правило, на несколько лет, а некоторые и до конца войны.

Генерал-майор Иван Скляров, военный атташе в Великобритании, работает там с 1940 по 1946 год. Контр-адмирал Николай Харламов, военно-морской атташе в Лондоне с 1941 но 1944 год.

Всю войну с 1941 по 1945 год находится в Англии и Александр Сизов. Он военный атташе при правительствах Польши, Югославии и Чехословакии в Лондоне.

До 1942 года в Китае служит военный атташе Василий Чуйков, до 1943 года в Турции военно-морской представитель СССР Константин Родионов, до 1942 года в Японии — военный атташе Иван Гущенко.

Военная обстановка обязывает наших дипломатов в погонах порою заниматься деятельностью, далекой от разведки, но зато очень эффективной для родной страны, которая борется с сильным и коварным врагом. Вот, к примеру, военно-морской

7 Болтунов М. Е. 193 атташе СССР и Глава военной и военно-морской миссии в Великобритании контр-адмирал Николай Харламов.

Напомним, что в июле 1941 года в Москве было заключено соглашение между СССР и Великобританией о совместных действиях против Германии. В конце месяца в столицу Советского Союза прилетел специальный представитель президента Рузвельта Гарри Гопкинс.

Гопкинса несколько раз принимал Сталин. Они обсуждали вопрос о военной помощи СССР. В ходе этих бесед пришли к соглашению, что караваны с помощью следует направлять через Архангельск. Это самый удобный путь.

В августе Гарри Гопкинс прилетел в Архангельск. Здесь он встретился с командующим Беломорской военной флотилией контр-адмиралом М. Долининым. После беседы нарком ВМФ Николай Кузнецов получил телеграмму от Долинина. Тот сообщал, что Гопкинс предупредил о большом потоке грузов, которые пойдут морем в Архангельск. Специальный представитель интересовался, можем ли мы обеспечить одновременно проводку двадцати транспортов в Белом море в зимнее время.

Для координации этой работы была создана советская военно-морская миссия.

Вот как о ее работе пишет Владимир Булатов, автор книги «Адмирал Кузнецов»: возглавил миссию «генерал Ф. Голиков, а его заместителем стал контр-адмирал Н. Харламов. 6 июня 1941 года военно-морская миссия на двух летающих лодках “Каталина” вылетела из Архангельска в Англию.

Генерал Ф. Голиков пробыл в Англии недолго и вскоре отбыл

по делам в США. В Лондон он уже больше не вернулся. Фактическим начальником советской военно-морской миссии остался контр-адмирал Н. Харламов. Советский посол в Англии И. Майский отмечал, что “он руководил работой миссии разумно и тактично, умея защищать интересы СССР и в то же время не обостряя свыше меры отношений с англичанами, что было бы для нас крайне невыгодно”.

В противоположность раздутым штатам военных миссий других держав наша военно-морская миссия состояла из 50 моряков и армейцев, зато большинство из них являлись опытными специалистами и обладали высокими деловыми качествами».

Николаю Михайловичу и его подчиненным приходилось заниматься всеми многочисленными проблемами организации, проводки и охраны конвоев, поддерживать связь с представителями командования вооруженных сил США и Великобритании по вопросам поставок оружия, открытия второго фронта, а также заниматься проблемами высадки англо-американских сил в Нормандии.

Кстати, контр-адмирал Харламов лично присутствовал при высадке этих войск.

В отличие от Харламова на другом конце земли проходил службу его коллега — военный атташе в Китае генерал Василий Чуйков. До осени 1940 года он командовал армией. Однако после приглашения к наркому обороны стало понятно — его командируют в Китай. Как скажет позже Чуйков: «Я не мог считать свое новое назначение случайностью. “Китайский вопрос” не был для меня неожиданностью». И это действительно так. Василий Иванович уже работал в Китае в 1927–1929 годах.

Перед отъездом его принял Сталин. Вот как описывает этот эпизод в книге воспоминаний «Миссия в Китае» сам Василий Чуйков: «Ваша задача, товарищ Чуйков, — продолжал Сталин, — не только помочь Чан Кайши и его генералам с умением воспользоваться оружием, которое мы им посылаем, но и внушить Чан Кайши уверенность в победе над японскими захватчиками. При уверенности в победе Чан Кайши не пойдет на соглашение с агрессором, ибо он боится потерять поддержку американцев и англичан и свои капиталы, вложенные в их банки… Ваша задача, товарищ Чуйков, задача всех наших людей в Китае — крепко связать руки японскому агрессору. Только тоща, когда будут связаны руки японскому агрессору, мы сможем избежать войны на два фронта, если немецкие агрессоры нападут на нашу страну…»

Задача была сформулирована четко и ясно. Весной 1942-го миссия генерала Чуйкова будет завершена. «Я все более приходил

к убеждению, — пишет Василий Иванович в мемуарах, — что основную задачу, возложенную на меня при направлении в Китай, выполнил. Аппарат военных советников и военного атташе правильно информировал наш Наркомат обороны о положении в Китае и о тех событиях, которые происходили вокруг него. При нашей советнической помощи китайские войска в 1941 году отбили атаки японцев на всех фронтах…

После начала войны на Тихом океане американцы начали оказывать Чан Кайши военную помощь, проявляя сильную заинтересованность в активизации китайского фронта.

Одновременно все более четко начала проявляться ориентация гоминьдановского руководства во главе с Чан Кайши на Соединенные Штаты.

Я считал, что в такой обстановке мне делать в Китае нечего».

Дальнейшая судьба Василия Ивановича Чуйкова хорошо известна. Он командовал легендарной 62-й армией на Сталинградском фронте, дошел с ней до Берлина, был дважды удостоен звания Героя Советского Союза, стал Маршалом Советского Союза. В 60-е годы руководил Сухопутными войсками.

… В период Великой Отечественной войны военным атташе в некоторых странах приходилось обеспечивать крупнейшие мероприятия, проводимые на высшем государственном уровне.

Примером тому встреча Большой тройки — Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране в ноябре — декабре 1943 года.

Идея этой встречи, как известно, принадлежала Рузвельту. Сталин дал согласие на участие в этой встрече, в которой он надеялся наряду с другими проблемами разрешить одну из важнейших задач — добиться от союзников открытия второго фронта. Но для успешной работы Сталин хотел знать истинные намерения англичан и американцев по этому вопросу.

Выполнение ответственного задания было возложено на военного атташе и резидента Разведуправления в Великобритании генерал-майора Ивана Склярова. Резидентура с задачей справилась. 9 октября 1943 года Скляров сообщил в Москву, что «второй фронт в Западной Европе не открывается по чисто политическим соображениям. Считается, что русские недостаточно ослаблены и все еще представляют большую силу, которой опасаются как в Англии, так и в Америке.

В Англии уже создана 500-тысячная экспедиционная армия, которая содержится в полной готовности и которая обеспечена всем необходимым, в том числе и флотом для высадки на континенте..»

Склярову удалось узнать, что план вторжения союзных войск в Европу был завершен еще летом 1943 года, но до сих пор он пе

осуществлен. Ни США, ни Великобритания второго фронта так и не открыли. Более того, по оперативным данным лондонской разидентуры, стало известно, что в 1943 году они и не собирались этого делать.

Подтвердил эти сведения и резидент советской военной разведки в Нью-Йорке полковник Павел Мелкишев.

Третьим разведаппаратом, который подключился к этой операции, была разидентура Разведуправления в Иране, которой руководил военный атташе полковник Борис Разин.

Борис Георгиевич пришел в разведку еще в 1931 году, после окончания курсов при Разведуправлении. Он долгое время служил в разведотделе Среднеазиатского военного округа, прекрасно знал регион.

В 1942-м с должности начальника разведки Воронежского фронта его назначают в Тегеран. И вот теперь в столице Ирана должна состояться встреча руководителей СССР, США и Великобритании.

Территория Ирана в период войны контролировалась войсками этих трех стран. Первая задача, которую поставил перед Борисом Разиным начальник военной разведки, — обеспечить скрытность вывода из Тегерана 182-го горнострелкового полка с целью замены более подготовленными солдатами и офицерами, которым предстоит осуществлять охрану важнейших государственных объектов.

«Нами приняты все меры, чтобы передислокация прошла незаметно», — сообщил Разин в Москву. Так и случилось.

Задача была выполнена успешно, никто не узнал о передислокации полка и замене его другими подразделениями.

Все это время иранская резидентура активно снабжала Центр необходимыми информационными материалами. «Высылаю Вам сводку по англо-американским и польским войскам, дислоцированным в Иране и в Ираке, — писал Разин в октябре 1943 года, — краткий обзор по ситуации на Ближнем Востоке… направляю доклад о жандармерии Ирана…

В настоящее время аппарат резидентуры работает над подготовкой доклада об обстановке в Тегеране».

Во время проведения конференции «Большой тройки» Сталин встретился с военным атташе и резидентом Разведуправления в Иране полковником Борисом Разиным. Он заслушал его доклад о состоянии иранской армии, о посещении шахом советского военного гарнизона, о влиянии англичан на руководство иранской армии.

Верховный Главнокомандующий в конце беседы напутствовал атташе и просил внимательно наблюдать за обстановкой и

помогать иранцам.

Так работали во время войны на разных направлениях военные атташе Советского Союза.

ЛЕГАЛЬНЫЕ РЕЗИДЕНТУРЫ И АТОМНЫЙ ПРОЕКТ

Предыдущая глава посвящена работе военных атташе в годы Великой Отечественной войны. Однако об одном жизненно важном направлении в деятельности дипломатов в погонах я сознательно умолчал. Решил: оно стоит того, чтобы о нем рассказать отдельно. Речь идет о роли военных атташе и их аппаратов в осуществлении атомного проекта. А роль их, надо признать, достаточно велика.

Оговорюсь сразу: создание советской атомной бомбы — это, без сомнения, заслуга прежде всего наших ученых-физиков. Что же касается разведки, то она внесла свой весомый вклад в продвижение проекта.

В середине 90-х годов прошлого века в печати разгорелся яростный спор: кто же является истинным создателем советской атомной бомбы? Зарубежные средства массовой информации в который раз пытались доказать, что именно «советские шпионы» украли у США секрет ядерной бомбы.

Конечно, и до сих пор в истории «атомного шпионажа» много загадок. Время от времени всплывают новые, неизвестные доселе подробности, и вновь возникают споры. Думаю, это вполне объяснимо. Ядерное оружие — величайшее научное и технологическое создание человечества. Если хотите, вершина научной мысли XX века. И что же, оседлать эту вершину пыталась только советская разведка? Ничего не скажешь, мощный комплимент нашим разведчикам. Однако все было несколько иначе.

В мировом атомном проекте участвовали многие государственные и политические деятели разных стран, гениальные ученые-физики и, конечно, сотрудники разведки. Разумеется, были среди них и советские ученые, и советские разведчики. Кстати говоря, и те и другие работали весьма профессионально.

Атомным проектом занимались все спецслужбы Советского Союза — и внешняя разведка НКГБ, и стратегическая разведка ГРУ. В свою очередь Разведовательным управлением Красной армии к этой работе привлекались нелегалы (Жорж Коваль, Артур Адамс, Ян Черняк, Урсула Кучински), «крышевики» (Павел Мелкишев), военные атташе и их сотрудники (Николай Заботин, Иван Скляров, Павел Ангелов, Семен Кремер, Николай Аптекарь).

Первые сведения о работе британских ученых по атомной

физике советская военная разведка получила в августе 1941 года. В сентябре такие же данные стали известны и разведчикам НКГБ. Руководствуясь этими материалами, сотрудники Лубянки подготовили первый документ по атомной тематике. В нем сообщалось о деятельности уранового комитета Великобритании.

А началось все с обычного, казалось бы, знакомства. Агент советской военной разведки «Каро», он же профессор Юрген Кучински, представил своему куратору полковнику Семену Кремеру молодого человека, которому еще не исполнилось и 30 лет. Этого молодого человека звали Клаусом Фуксом.

Кучински до войны был профессором Берлинского университета. Клаус Фукс начинал свою научную карьеру, когда учился в Лейпцигском университете.

На момент встречи с Кремером Фукс уже защитил докторскую диссертацию, в научных кругах считался молодым, перспективным ученым, однако несмотря на это не имел работы и средств к существованию. Он только что вернулся в Лондон из ссылки, куда отправило его английское правительство.

С 1933 года он работал на кафедре физики, у профессора Нэвима Мотта в Бристольском университете. Здесь же защитился, стал доктором наук. А поскольку у Мотта на кафедре не было свободных должностей доцентов, он рекомендовал своего бывшего аспиранта профессору Эдинбургского университета Максу Борну, известному физику, кстати, выходцу из Германии.

Борн взял к себе Фукса. И возможно, все бы было хорошо, но грянула Вторая мировая война. Клауса Фукса в числе других иностранцев интернировали и отправили в Канаду. Ведь он был немцем и, по мнению английского правительства, представлял угрозу для Британии.

Молодой ученый оказался в лагере для интернированных в Шербруке, запертым в старых армейских казармах, обнесенных несколькими рядами колючей проволоки.

Только в середине 1940 года узники Шербрука вышли на свободу и Клаус вновь оказался в Англии. Не было самого элементарного, чтобы выжить. И тогда Юрген Кучински посоветовал Фуксу обратиться к представителям посольства Советского Союза. Молодой ученый согласился.

На встречу с ним вышел секретарь аппарата военного атташе в Великобритании полковник Семен Кремер, оперативный псевдоним «Барч».

Кремер был уже достаточно опытным разведчиком. За спиной у него — Гражданская война, служба в войсках, учеба в академии. В лондонской резидентуре, которой руководил генерал-майор Иван Скляров, он считался лучшим офицером-оперативником.

Завербовал нескольких ценных агентов, среди которых оказался и Юрген Кучински. Тот, в свою очередь, узнав, какой тематикой занимается Клаус Фукс, убедил молодого доктора наук обратиться к советским дипломатам.

Их первая встреча состоялась в конце декабря 1940 года. Фуксу, да и нашей военной разведке, откровенно говоря, повезло, что на эту встречу вышел именно Кремер. Ведь на тот момент Клаус Фукс реально не представлял интереса для резидентуры. Да, молодой ученый, доктор наук, но безработный, не связанный ни с каким научным центром. Какой информацией он мог обладать, сидя в своей квартире в Эдинбурге? Тем более что работы по атомному проекту только начинались. И сам Кремер не имел даже минимума знаний но атомной тематике, да и не мог иметь. Все это было тогда не просто в новинку, но в диковинку. А может, вся атомная страшилка лишь пустые фантазии ученых? Мало ли таких мечтателей в науке? Тем не менее Кремер поверил Фуксу. Он попросил написать ему справку о возможностях использования атомной энергии.

Весной 1941 года профессор Рудольф Райерле пригласил Клауса в лабораторию Бирмингемского университета, где уже шли работы «по особому проекту». Клаусу Фуксу и советской военной разведке повезло во второй раз. Наш агент стал участником работ по созданию ядерного оружия.

Следующая встреча Кремера с Фуксом состоялась в августе 1941 года. Агент передал записку, в которой подробно изложил основные направления работы британских физиков.

Выслушав доклад Кремера, резидент генерал Скляров отправил в Центр радиограмму. В ней он докладывал, что Фукс работает в специальной группе в физической лаборатории университета в Бирмингеме над теоретической частью создания «ураниевой бомбы».

Группа при Оксфордском университете трудится над практической частью проекта.

Окончание работ предполагается через три месяца, и тогда все материалы будут направлены в Канаду для промышленного производства.

Получив радиограмму, начальник Разведуправления Красной армии 11 августа ответил Склярову в Лондон: *«Примите все меры для получения материалов по урановой бомбе. Директор».*

Не забудем: шел август 1941 года. Три недели назад началась война. Армия находилась в тяжелейшем положении, как воздух нужны были военные разведданные, и тем не менее Директор не упустил этот важный момент.

Еще одну оперативную встречу с Фуксом полковник Кремер

провел в марте 1942 года. На этот раз агент, которому был дан псевдоним «Отто», передал документы на 155 листах. Материал полностью посвящался проблемам создания атомной бомбы.

В общей сложности Кремер встречался с Фуксом четыре раза и получил от него более 200 страниц секретных научных материалов. Думается, их успешное сотрудничество продолжалось бы и в будущем, но летом 1942 года Семен Давыдович был вынужден подать рапорт руководству военной разведки с просьбой отозвать его из зарубежной командировки и послать на фронт. Ни резидент, ни Центр не хотели отпускать лучшего оперативника. Его пытались отговорить, предлагали более высокую должность в резидентуре, но Кремер стоял на своем. Полковник устал от настойчивого внимания со стороны «соседской» резидентуры. Чем-то не притянулся он резиденту НКГБ. Возможно, раздражала активность военного разведчика, его удачливость, наличие ценной агентуры. Семена Давыдовича упорно выдавливали из

Лондона: устроили за ним слежку, прослушивали разговоры, да и напрямую, случалось, намекали, мол, пора уезжать.

Кремер был не из робкого десятка, но методы «соседей» знал хорошо. И потому он счел, что лучше на фронт, чем в подвал Лубянки.

После возвращения в Москву его уже «сдали» свои. На запрос командующего бронетанковыми войсками генерала Федоренко: «Кремер вам нужен?», начальник Разведуправления Ильичев ответил: «Нет, не нужен». Что ж, мавр сделал свое дело, мавр может уйти.

Ильичев просто струсил. Он знал, что ведомство Берии «не ровно дышит» к Кремеру, и спихнул его подальше от себя.

Однако полковник Кремер не пропал и на фронте. Воевал храбро, умело командовал механизированной бригадой, стал Героем Советского Союза. После войны в 1956 году ему было присвоено высокое воинское звание генерал-майора.

После того как Кремер покинул Великобританию, Клауса Фукса на связь приняла сестра профессора Юргена Кучински, Урсула (оперативный псевдоним «Соня»). Она была одним из опытнейших агентов военной разведки. Работала еще с Рихардом Зорге. К 1942 году Урсула Кучински основательно осела в Британии, установила радиосвязь с Москвой.

В октябре ее попросили заменить уехавшего Кремера и установить связь с Фуксом. Что она, собственно, и сделала. На той первой встрече агент «Отто» передал ей 85 листов секретных документов, на которых излагались доклады нескольких ученых о работе по атомному проекту.

Теперь по решению Центра Урсула Кучински должна была поддерживать агентурную связь с Клаусом Фуксом постоянно. Она взялась за дело с присущей ей внимательностью и усердием. Однако тут была одна сложность — передача документов разведчикам. «Светиться» в советском посольстве она не могла, и тогда для связи с ней подключили офицера аппарата военного атташе капитана Николая Аптекаря (псевдоним «Ирис»).

Центр придавал крайне важное значение работе с агентом «Отто», и потому неоднократно напоминал: «Ириса» использовать только для работы с «Соней», «Соне» заниматься только «Отто».

Так, собственно, и происходило. Урсула Кучински, как опытная разведчица, умело организовала бесперебойную конспиративную тайниковую связь. Она закладывала полученные от Фукса материалы в тайники, а Аптекарь забирал их.

Осенью 1943-го «Отто» сообщил, что к концу года его вместе с другими учеными направят в США. Великобритания и Соединенные Штаты объединяли усилия, направленные на создание атомного оружия.

Урсула Кучински разработала условия восстановления агентурной связи с Клаусом Фуксом уже в Америке и на очередной встрече передала их агенту. Однако в январе 1944 года ученого-физика, агента Разведуправления Фукса передали на связь первому управлению НКГБ. На этом работа военной разведки с ним прекратилась.

Остается добавить, что до конца войны Клаус Фукс благополучно работал на внешнюю разведку НКГБ, был разоблачен спецслужбами Великобритании в 1951 году и осужден. Отсидев в тюрьме девять лет, он покинул Англию и поселился в ГДР. Здесь его назначили заместителем директора Института ядерной физики, избрали членом Академии наук ГДР.

Однако Клаус Фукс был не единственным агентом советской разведки, который поставлял нам секретные материалы по атомной тематике. В Кавендишской лаборатории в Кембридже работал ученый физик Аллан Мэй, завербованный резидентом

Разведуправления Яном Черняком в 1942 году. Их плодотворное сотрудничество продолжалось восемь месяцев. За это время Черняк получил более 130 листов материалов, раскрывающих основные направления научно-исследовательских работ по урановой проблеме в Кембридже. Мэем также были переданы чертежи «уранового котла», данные по установкам для деления изотопов урана.

Связь Черняка с Мэем прервалась в начале 1943 года. Группу профессора Холбана, в которую входил и Мэй, перевели в Монреальскаую лабораторию Национального научно-

исследовательского совета Канады.

На полгода позже Мэя в Канаду приехал старший лейтенант Павел Ангелов (оперативный псевдоним «Бакстер»). Он стал сотрудником аппарата военного атташе, которым руководил полковник Николай Заботин.

Павел Ангелов в 1942 году окончил Военный институт иностранных языков, попал служить в Разведуправление. А на следующий год был направлен в Канаду.

В феврале 1945 года ему поручили установить связь с Алланом Мэем. Ангелов разыскал адрес и телефон ученого в Монреале и позвонил ему, сказал, что хотел бы передать от друга из Европы сигареты. И назвал фирму, выпускающую сигареты. Это был пароль.

Мэй не очень охотно принял «привет от друга из Европы», а при встрече и вовсе стал говорить о том, что прежняя связь оборвалась, кивал на местную контрразведку, которая держала «под колпаком» всех специалистов, работающих в секретной лаборатории. Якобы и он находился под наблюдением.

Ученый во многом был прав. В ту пору в Канаде контрразведывательный режим оказался достаточно жестким. Активно работала не только местная контрразведка, но и агенты Федерального бюро расследований США. А поскольку в проекте были задействованы и англичанине, здесь же орудовали и спецслужбы Британии. Однако режим режимом, но у советской разведки не было данных, что Мэй «под колпаком».

Да и Ангелову некуда было отступать. Ему поставили задачу наладить связь с Мэем. «Довольно грубо, — вспоминал позже Павел Никитович, — я сказал, что пе верю этому. Во-первых, пришло для него задание из Москвы, а, во-вторых, если доктор Мэй откажется, то у него самого возникнет серьезный повод для серьезного беспокойства».

В результате разговора Мэй согласился продолжать сотрудничество.

Весной — летом 1945 года Ангелов провел несколько встреч с ученым. Офицер, понимая всю сложность положения Мэя, всячески старался действовать умело, четко, профессионально. Встречи проводил коротко и деловито, материалы, которые брал вечером, всегда возвращал утром следующего дня.

Вскоре резидентура получила задачу добыть образец урана. Все понимали, сколь это сложное и опасное дело. Но Мэй успешно справился с ним.

Ученый доложил Ангелову о новом урановом заводе, который строился в Чок-Ривсре. Резидент, полковник Заботин побывал в гостях у своего знакомого канадца, который жил в этом районе. В

гости он отправился на моторной лодке и по пути внимательно осмотрел стройку. Кое-что о заводе рассказал и его канадский друг. Однако Центру этого было мало. Он требовал более подробных данных по заводу. Их мог добыть только доктор Мэй.

Ангелов попросил Мэя съездить на завод. Агент побывал там дважды и, естественно, добыл все данные, которые интересовали Центр.

Ученый передал также доклад физика Э. Ферми об устройстве уранового котла, описание установок для разделения изотопа урана и процесса получения плутония, перечень научно-исследовательских объектов США и Канады.

Так продолжалось до начала сентября 1945 года. Но в ночь с 5-го на 6-е сбежал шифровальщик аппарата военного атташе Игорь Гузенко. Он украл почти три десятка шифровок, личные дела агентов.

15 февраля начались аресты агентов советской военной разведки. В одной из радиограмм коптрразведчкики нашли упоминание об агенте под псевдонимом «Алек». Однако, кто это такой, Гузенко не знал.

Шло долгое расследование, допросы. Наконец Мэй был арестован. Его осудили на 10 лет тюремного заключения. Но ученый не выдал никого и не признал себя виновным.

В 1952 году он вышел на свободу. В Англии Мэю не разрешили заниматься исследованиями в области атомной энергии, и он уехал в Гану. Там стал профессором физики столичного университета.

После провала канадской резидентуры полковник Николай Заботин и старший лейтенант Павел Ангелов были отозваны в Москву.

Разумеется, участие наших военных разведчиков в добывании секретов атомной бомбы работой двух резидентур — в Великобритании и Канаде — не заканчивалось. Руководству Разведуправления было известно, что ядерное оружие хотели создать не только ученые Германии, США и Великобритании. Доступ к атомной энергии старалась найти и Япония, далеко не дружественная нам страна.

Весной 1941 года военный министр Японии Хидэки Тодзко отдал приказ начальнику научно-технического управления изучить вопрос о возможности создания урановой бомбы.

Японской разведке удалось узнать, что в США ведутся работы по атомному проекту. Теперь Страна восходящего солнца желала иметь свое ядерное оружие, и даже ставила амбициозные цели — опередить на этом поприще США.

Руководителем японского атомного проекта был утвержден

профессор Иосио Нисина. С ним, кстати, был знаком сотрудник аппарата военного атташе Советского Союза в Токио майор А. Косицын.

Иосио Нисина не был нашим агентом, однако Косицын встречался с ним и был в курсе дел с японским атомным проектом. Так, в 1944 году профессор передал офицеру резидентуры план научно-исследовательских работ по урановому проекту

Проанализировав этот документ и другие материалы, Косицын пришел к выводу: японской атомной бомбы нам опасаться не стоит. Амбициозные планы Токио оказались попросту невыполнимы. Для этого в Японии не было ни производственных мощностей для получения обогащенного, чистого графита и других необходимых составляющих, отсутствовали запасы урановых руд, да и круг квалифицированных ученых, занимающихся этой проблемой, невелик.

Правоту выводов разведчика Косицына подтвердила жизнь. В 1945 году Япония капитулировала, так и не успев создать собственное атомное оружие.

В заключение этой главы следует сказать: военным атташе и офицерам их аппаратов не только пришлось заниматься проблемами атомного проекта, но и первыми пройти по следам ядерных взрывов, добыть сведения о результатах применения американского атомного оружия.

Такая задача была поставлена перед резидентурой подполковника Константина Сонина, действовавшей в Японии. На место ядерной бомбардировки в Хиросиме и Нагасаки в середине сентября 1945 года выехали военные разведчики и.о. военного атташе подполковник Михаил Романов, переводчик аппарата военно-морского атташе лейтенант Николай Кикеиин. С ними поехал и корреспондент ТАСС Анатолий Варшавский.

Возвратившись в Токио, они составили отчеты о посещении Хиросимы и Нагасаки.

Таков был вклад легальных резидентур Разведуправления Красной армии в осуществление советского атомного проекта.

ПРЕДАТЕЛИ

2 сентября 1945 года в 9.02 по токийскому времени на борту американского линкора «Миссури» был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии. Крупнейшая в истории человечества Вторая мировая война завершилась.

Через три дня после этого исторического события в Канаде произошел, казалось бы, мелкий частный случай: из советского посольства, а точнее из аппарата военного атташе в Оттаве, вместе с женой и сыном бежал младший офицер, лейтенант Игорь Гузенко. Как оказалось потом, это тоже было своего рода историческим событием.

Гузенко передал Королевской конной полиции (в ее функции входит разведка и контрразведка) многочисленные секретные документы о работе советских спецслужб в Канаде. Эти материалы заставили канадское правительство создать специальную королевскую комиссию по вопросам шпионажа. Поскольку связи канадской агентурной сети ГРУ уходили в США и Англию, полиция Канады установила связь с контрразведкой этих стран.

Потери нашей военной разведки были тяжелыми. В конце 1945 года срочно выехал из Канады наш нелегал Ян Черняк, едва избежал ареста, покинул США другой нелегал Зосман Литвин, выдворен из Америки резидент ГРУ Павел Мелкишев.

Всего Гузенко выдал 28 человек, из которых 20 были привлечены к суду. 10 агентов осудили на разные сроки тюремного заключения. Ученый физик Алан Мэй получил десять лет, оргсекретарь компартии Канады Сэм Карр и член парламента Фред Роуз по 6 лет, Филипп Дарндорф Смит из национального исследовательского совета, офицер Дэвид Г. Лунак, Гарольд Герсен из департамента военного снаряжения по 5 лет, Эдвард Мазерал, также из национального исследовательского совета — 4 года, Кэтрин Уиллшср из британской комиссии — 3 года, Раймонд Бойер, специалист по взрывчатым веществам, и Эмма Войник из МИД Канады на 2 года.

Фриду Линтон из международного бюро труда выслали из страны, а Джон Соболефф отделался штрафом в 500 долларов.

Разумеется, в прессе США и Канады был раздут грандиозный шпионский скандал.

В Советском Союзе, дабы разобраться в обстоятельствах дела Гузенко, по указанию И. Сталина создали комиссию на самом высоком уровне. Возглавлял се секретарь ЦК ВКП(б) Г. Маленков. В нее вошли Абакумов, Берия, Кузнецов, Меркулов.

Как работала эта комиссия, подробно рассказывает в своей книге «Сквозь годы войн и нищеты» генерал-лейтенант Михаил Милынтейн, в ту пору заместитель начальника управления ГРУ:

«Мы получили сообщение о бегстве Игоря Гузенко до того, как он попал в руки канадской полиции. А потом посыпался огромный поток телеграмм из Канады, США и других стран с описанием деталей побега и именами преданных им сотрудников ГРУ. Телеграммы шли отовсюду и от многих лиц —… наших резидентов, от корреспондентов советских газет и радио, аккредитованных за рубежом.

В управлении воцарилась атмосфера тревожного ожидания…

Комиссия Маленкова заседала почти ежедневно с 12 часов и до позднего вечера с кратким перерывом на обед.

Заседания проходили в кабинете Берии на Лубянке. Меня вызвали в первый же день заседания комиссии. С какими чувствами я направлялся туда, догадаться не трудно.

Войдя (в кабинет Берии. *— Авт.), я по-военному отрапортовал: "Полковник Мильштейн явился по вашему приказанию ". В комнате царило молчание, никто не ответил на мои слова.*

…Начался допрос. Берия хлестал меня вопросами, как кнутом. Обращался он ко мне исключительно на "ты ".

Допрос превращался в какую-то зловещую игру. Он произносил какое-нибудь имя и тут же требовал быстрого ответа, все время пытаясь сбить меня с толку.

В конце концов Маленков прервал Берию, произнеся своим тихим и усталым голосом:

— Лаврентий Павлович, я думаю, пока хватит. Не будем терять время. На сегодня отпустим полковника.

Берия ему не ответил. Молча еще раз перелистал лежащую перед ним справку и махнул мне рукой, давая понять, что я свободен.

Я вышел в коридор взмокший, опустошенный, взволнованный и только в машине немного пришел в себя. Все завершилось благополучно, а могло быть иначе, особенно если бы я им чем-то не понравился. И тогда прощай, работа, да что там работа — семья, товарищи, да и сама жизнь».

Вот такие непростые признания. А, собственно, почему Берия так пристрастно допрашивал Милынтейна?

Дело в том, что работая в центральном аппарате ГРУ, Михаил Мильштейн побывал с инспекторской проверкой легальных резиндентур в США, Мексике и Канаде в мае — июне 1944 года.

В ходе проверки выяснилось, что военный атташе и резидент военной разведки в Канаде полковник Николай Заботин

безоглядно доверял своему шифровальщику Гузенко. Он взвалил на лейтенанта всю служебную переписку, дверил ему свой личный шифр. Тот снимал копии с документов, а материалы, которые следовало уничтожать, оставлял у себя.

В нарушение всех инструкций Гузенко с женой и сыном жили не в посольстве, а на частной квартире, в городе. Это при том, что шифровальщик является одной из самых охраняемых и оберегаемых фигур, выходит из посольства всегда в сопровождении. В Отаве все было по-другому.

Оказалось, что Гузенко имел доступ к сейфу Мотинова, заместителя Заботила по оперативной работе. Все это немало удивило и поразило Мильштейна. В канадской резидентуре по сути были нарушены все писаные и неписаные законы разведки.

Разумеется, Мильштейн приказал перевести Гузенко с семьей на территорию посольства и восстановить все в соответствии с требованиями секретности и безопасности. К сожалению, ничего этого не было сделано.

По возвращении в Москву Мильштейн доложил начальнику военной разведки Ивану Ильичеву о своих подозрениях, что Гузенко готовится к побегу. Хотя и добавил, что у него нет конкретных данных обвинять шифровалыцика.

На что он услышал лишь упреки Ильичева, что нельзя безосновательно подозревать кого-либо.

Несмотря на гнев Ильичева, Мильштейн о своих подозрениях доложил и начальнику отдела кадров полковнику С. Егорову.

Все это, видимо, и спасло полковника Мильштсйна. Не доложи он, его бы арестовали и скорее всего посадили бы.

История перебежчика и предателя Гузенко характерна не только тем, что он искалечил, изломал жизни десятков людей (за решетку попал даже его начальник Заботин с женой и сыном), но и явился (не поворачивается язык назвать его первой ласточкой) скорее первым коршуном-предателем в корпусе военных атташе.

Насколько мне известно, в 40-е годы таковых, за исключением Гузенко, не было. В 30-е оказался один — Александр Александрович Соболев, военно-морской атташе в Швеции и одновременно в Финляндии в 1928–1930 годах. он из старых царских офицеров, артиллерист, лейтенант. После революции перешел на сторону большевиков. Служил начальником оперативного отдела Волжской военной флотилии, старшим флаг-секретарем при штабе командующего Морсилами Республики, начальником оперативного отдела штаба Морских сил Черного и Азовского морей, начальником штаба Морских сил Каспийского моря.

В 1925 году Соболев назначен восшю-морским атташе в

Турцию, в 1928-м — в Швецию.

В апреле 1930 года должен был выехать в Москву для назначения на работу в НКИД, но остался в Швеции. Опубликовал письмо с отказом возвратиться в СССР. Военная коллегия Верховного суда СССР объявила Соболева «вне закона с конфискацией имущества за присвоение крупной суммы денег и отказ вернуться в СССР».

Выдал ли кого Соболев, неизвестно. Прошло 15 лет, наша страна одержала самую великую победу. И вот в 1945 году на пике славы Советского Союза шифровальщик Игорь Гузенко совершил предательство.

Справедливости ради надо сказать: среди военных атташе в послевоенный советский период предателей было немного, а точнее — всего один — генерал-майор Дмитрий Поляков. Остальные служили помощниками или офицерами аппарата военного атташе.

Среда них полковники Олег Пеньковский и Владимир Васильев, подполковник Геннадий Сметанин, майор Анатолий Филатов, капитан Виктор Резун, старший лейтенант Александр Иванов.

Самый разрекламированный и мифологизированный из них «спаситель мира от ядерной войны» Олег Пеньковский. Он проработал, к счастью, на разведки США и Великобритании всего полтора года, Сметанин — два года, Филатов — три с половиной, Васильев — четыре.

Но, разумеется, всем предателям предатель, «драгоцешшй камень в короне» американской разведки, как они сами называли его, это — Дмитрий Поляков. Четверть века трудился он во благо Соединенных Штатов Америки.

Правда, следует отмстить, что военным атташе он стал уже будучи агентом ЦРУ. Что ж тут скажешь? Это большая удача наших противников в «холодной войне». Подчеркну, именно удача, так как вербовать Полякова не пришлось. Он был так называемым инициативником.

В 1961 году, работая в США под прикрытием должности начальника секретариата Представительства СССР в Военно-штабном комитете ООН, он обратился к руководителю американской военной миссии генералу О'Нейли и попросил о встрече с сотрудником разведки США. Такая встреча была организована. Представитель спецслужб Соединенных Штатов, назвавшийся Джоном, сказал, что не верит Полякову и считает его подставой. И он тут же попросил назвать имена шифровальщиков совет-с кого Представительства. Поляков не задумываясь перечислил фамилии шифровальщиков.

Потом было еще несколько конспиративных встреч. Обсуждались все стороны будущего сотрудничества, мотивы, возможности Полякова.

В 1962 году закончился срок командировки Полякова, и он возвратился в Москву. Ему был присвоен псевдоним «Бурбон». Так в сердце военной разведки, в центральном аппарате ГРУ начал работать агент ЦРУ.

Сразу надо сказать, что Поляков — человек осторожный, умный, знающий, высокопрофессиональный. Все эти качества помогли ему продержаться в рядах американской агентуры беспрецедентное количество лет — четверть века. По самым скромным подсчетам, за эти годы Полякову удалось «сдать» американцам 19 наших нелегалов, более 150 агентов из числа иностранных граждан, раскрыть более 1500 офицеров советской военной и внешней разведки.

Что же касается материалов и документов, полученных ЦРУ от «Бурбона», то они весьма ценны и разнообразны. Поляков собирал и передавал своим хозяевам данные об офицерах разведаппаратов ГРУ в США, Бирме, Индии, где ему приходилось работать, о советских разведчиках-нелегалах, засланных в Соединенные Штаты.

В период пребывания в Москве, в центральном аппарате, он готовил справки по структуре Генерального штаба, Главкоматов видов Вооруженных Сил.

Став начальником факультета Военно-дипломатической академии, агент передал противнику списки офицеров, будущих разведчиков.

В руках американских спецслужб с помощью Полякова оказались и учебники «Стратегическая разведка», «Оперативная разведка» и другие.

Справедливости ради надо признать, что Дмитрия Полякова в Главном разведуправлении ценили, продвигали, доверяли. Пять длительных командировок за границу говорят о многом— дважды в США, один раз в Бирму и дважды в Индию. В Бирме и в Индии он представляет нашу страну в весьма высоком качестве военного атташе Советского Союза.

По возвращении из первой поездки в Индию он получает орден Красной Звезды, а будучи назначенным начфаком в академию, — становится генералом. Горько об этом говорить, но случай в истории разведки уникальный и беспрецедентный — агент ЦРУ становится генералом.

Откровенно говоря, меня не очень волнуют мотивы, по которым Поляков стал предателем. Они ясны. На суде он говорил, что работал на ЦРУ из-за неприятия хрущевских реформ, а также

от того, что он по взглядам своим социал-демократ, а не коммунист. Ну кто во все это поверит? Впрочем, тут нет ничего нового. Пока еще ни один из предателей не признался, что работал за деньги и ради денег, благ, которые сулили им заокеанские хозяева.

Проблема в другом: как так вышло, что «американский крот» жил и работал в ГРУ 25 лет? Неужто профессионалы военной разведки не подозревали, не чувствовали, что завелась этакая погань в их рядах? Подозревали, чувствовали, работали, искали. И нашли, вычислили. Доложили наверх, а им… не поверили.

Вот как об этом вспоминает генерал-лейтенант ГРУ в отставке Юрий Бабаянц.

«Мы проводили анализ провалов наших агентов. Говорили с ветеранами, перебирали факты, детали, моменты. Даже в семье, на отдыхе. "Ныряли" в такую массу людей, что иногда оторопь брала, как их проверить. В общем, шерстили всех подряд.

В ходе этой работы для себя многое открыли. Например, выяснили, что некоторые телеграммы агентов особой важности, которые направляли в Политбюро, в руках держали 36 человек. Это если брать в общем и в ГРУ, и в МИДе, и в Центральном комитете партии. Среди них и технические работники: кто-то доставлял, секретари принимали.

Первым, кто вычислил Полякова, был начальник 3-го управления ГРУ генерал Леонид Гульев. Опытный разведчик, Леонид Александрович прошел классную подготовку, учился за рубежом в Ельском университете.

Так вот, он о своих подозрениях доложил сначала заместителю начальника ГРУ генералу Павлову, а потом и начальнику— генералу Ивашутину. Пытался доказать, что Поляков — предатель. Ни тому, ни другому начальнику это не понравилось. Они попросту не поверти Гульеву».

Нечто подобное произошло и в КГБ. Ветеран военной контрразведки Анатолий Терещенко в своей книге «“Оборотни” из военной разведки» пишет следующее: *«Начальника 1-го отдела 3-го Главного управления КГБ с материалами дела оперативной разработки на “Дипломата “ — Полякова вызвал первый заместитель председателя Комитета госбезопасности генерал-полковник Г. Цинев — небольшого росточка человек с бритой круглой головой, вяло держащейся на узких плечах.*

Бывший профессиональный партчиновник был говорлив, достаточно образован, однако ему не хватало личного чекистского опыта. Вскоре Цинев прервал доклад подчиненного и писклявым голосом произнес:

— Вот что я вам скажу, товарищ полковник. Если мы начнем

арестовывать генералов, кто будет воевать? Вы подумали об авторитете разведки Генерального штаба, кстати, и военной контрразведки тоже? У вас в материалах дела нет никаких серьезных вещдоков.

— Есть, товарищ генерал, и еще будут. Мы на пути к открытию истины. Результаты аналитической работы, проведенной оперативниками, говорят не только о том, что перед нами матерый шпион, но и позволяют определить места вероятного хранилища уликовых материалов.

— Ваш анализ следователям не нужен, дайте им вещественные доказательства — и дело закрутится, — проворчал генерал.

— Они будут, потому что есть. Разрешите действовать согласно плану оперативных мероприятий.

— Действуйте только без третьего и четвертого пункта плана.

— Но ведь это основные пункты, — еле успел проговорить оперативник.

— Вы свободны. Кстати, а то, что он тесно общался с военными атташе США в Бирме и Индии, ни о чем не говорит…

Пять лет прошло в тяжелейшей тяжбе с начальством, пока оперативники наконец-то убедили все инстанции — от председателя КГБ и до военного прокурора — о наличии оснований для задержания Полякова.

7 июля 1986 года Полякова задержали…»

По приговору Верховного суда СССР он был приговорен к высшей мере наказания.

Заслуги американских спецслужб в том, что советские офицеры-разведчики стали предателями, нет. Хотя, естественно, представители ЦРУ время от времени рассказывают со страниц книг и журналов о той большой и высокопрофессиональной работе, которую они провели. На самом деле из девяти предателей — военных дипломатов, о которых мы говорили в этой главе, лишь двух человек, и то с большой натяжкой можно назвать завербованными — офицера аппарата военного атташе в Алжире майора Анатолия Филатова и капитана Владимира Резуна, работавшего в том же качестве, но в Женеве.

Первый попался, как говорят разведчики, «в медовую ловушку». Ему подставили миловидную агентессу ЦРУ по имени Нади, а дальнейшее было делом техники. Второй, пресловутый Резун, оказался завербованным опытным английским разведчиком Фурлонгом. Да и того, откровенно говоря, долго уговаривать не пришлось.

Что же касается остальных предателей, то «црушники» особо

не трудились над их вербовкой: все они сами пришли и предложили свои услуги. Только вот цена у каждого была разная. Подполковник Геннадий Сметанин, помощник военного атташе в Португалии, за предательство запросил у ЦРУ 265 тысяч долларов. И что интересно, получил их. Правда, пришлось их активно отрабатывать. Он даже и жену завербовал. Однако воспользоваться этими деньгами им не удалось: Геннадия Сметанина после суда расстреляли, его жена получила 5 лет строгого режима.

А вот полковник Владимир Васильев, помощник советского военного атташе в Будапеште, довольствовался малым. Оказывается, ему для счастья, чтобы приобрести машину и домик в деревне, не хватало всего пяти тысяч рублей. Что ж, такой кредит ему выдал американский военный атташе Ричард Бакнер.

За такую же весьма скромную сумму «купили» и бывшего офицера аппарата военного атташе в Болгарии старшего лейтенанта Александра Иванова. Позже, после ареста он признается: *«Мне были присущи высокомерие и болезненное самолюбие, излишние самоуверенность и самонадеянность, честолюбивые амбиции, переоценка своих способностей и качеств…»*

Известный разрекламированный зарубежной прессой Олег Пеньковский тоже пришел сам. Сначала к американцам. А когда те не проявили к нему интереса, к англичанам. За работу ему платили деньгами, подарками и даже проститутками, которые работали па английскую разведку.

Скажу откровенно: дальше рассказывать об этих подонках нет сил. Будь на то моя воля, не вспомнил бы их ни словом ни вздохом. Но, увы, история упрямая вещь- И с горечью надо признаться — эти «Каины», «Бурбоны», «Янги» предавали нас, работали против нас, наносили ущерб нашему государству, Вооруженным Силам. Потому забывать о них нельзя.

ВАШЕ СЕРДЦЕ ПОД ПРИЦЕЛОМ…

Военные атташе и офицеры их аппаратов всегда находятся под пристальным вниманием спецслужб страны пребывания. И это вообще-то мировая практика.

В каждой стране свой контрразведывательный режим. Где-то он мягче, где-то более жесткий, а в иных государствах и вовсе враждебный. Зависит это от многих факторов: политической обстановки в стране, традиций, культуры, межгосударственных отношений, уровня профессионального мастерства контрразведчиков.

В службе военных атташе случается всякое. Это только в народном фольклоре бытует мнение, что «с милым рай в шалаше, если милый атташе». Справедливости ради надо сказать, что военные атташе устроены, как правило, неплохо, но от этого их жизнь не становится менее тревожной и опасной.

Не станем возвращаться к сталинским репрессиям конца 30-х годов. Этой проблеме посвящена целая глава нашего повествования. Сложность вся в том, что с окончанием Второй мировой войны опасность оказаться в подвалах Лубянки, потом в лагерях никуда не исчезла. Советские военные атташе вновь оказались под двойным ударом. В стране пребывания этот удар могла нанести контрразведка, а дома — органы НКГБ.

Первым «послевоенным» атташе, попавшим в жернова советских карательных органов, был полковник Николай Заботин.

Родился он в Истринском районе Московской области, в семье крестьянина. Семнадцатилетним юношей оказался в Красной армии. Окончил Московскую артиллерийскую школу, а в 1936 году — специальный факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе. И сразу же попал в Разведуправление.

В следующем, 1937 году его направляют военным советником в Монгольскую народную армию. Через три года Николай Иванович возвращается из длительной командировки и продолжает службу в центральном аппарате.

В 1943 году его назначают военным атташе и одновременно резидентом Разведуправления в Канаде. Надо сказать, что резидентура под его руководством работала достаточно активно. Благодаря усилиям Заботила (Гранта) в этой стране была создана разветвленная агентурная сеть.

В то же время полковник допустил немало ошибок и просчетов, о которых мы подробно говорили в главе «Предатели».

Шифровальщик лейтенант Игорь Гузенко бежал и сдался канадской контрразведке. Ущерб, нанесенный предателем, был

огромен. Полковника Николая Заботина отозвали в Советский Союз и арестовали. Вместе с ним в тюрьме оказались жена и сын.

«Я считал такое решение несправедливым, — пишет в своей книге «Сквозь годы войн и нищеты» генерал-лейтенант в отставке Михаил Мильштейн. — Не понимал, какими высшими государственными интересами можно объяснить арест ни в чем не повинных жены и сына Заботина».

Мне думается, что ключевыми словами в этой цитате являются слова «ни в чем не повинных». Однако сколько их было таких, десятки тысяч, сотни?.. Кто знает? Военные атташе не являлись исключением.

Вот еще одна загубленная жизнь. Военно-морской атташе и резидент разведки в Турции капитал 1-го ранга Аким Анатольевич Михайлов. История его ареста, расправы (иначе не назовешь) и последующего почти полувекового забвения потрясает.

Его взяли накануне нового, 1946 года. Прямо из-за праздничного стола. Арест и полное молчание год, два, десять, двадцать.

Военный прокурор Вячеслав Звягинцев, изучавший обстоятельства ареста капитана 1-го ранга Акима Михайлова, в книге «Трибунал для флагманов» пишет: *«Родные и близкие терялись в догадках о причинах ареста Михайлова. Не раз обращались они в разные инстанции, но завесу секретности поднять не смогли.*

Писала жена, Мария Петровна. Писал брат, офицер морской пограничной службы. В том числе и на имя Сталина. Чем они только не мотивировали свои просьбы сообщить о судьбе их мужа и брата. Обосновывали это даже необходимостью самим определиться в отношении к нему. Если враг, шпион — это одно. Если нет — то другое. Но и это не помогло. В ответ — гробовое молчание.

Мария Петровна, изливая душу перед вождем, недоумевала: где бы ни был муж, всегда возвращался из-за кордона с боевым орденом или медалью, и вдруг неожиданный арест?!

"Я прошу вас, дорогой тов. Сталин, — настаивала она, — объясните мне, очевидно, я перестала понимать, что творится вокруг меня".

Тогда, в 1946 году, многие наши сограждане уже давно перестали понимать, что же происходит вокруг них. Но большинство молчало, скованное страхом.

Так и оставались долгие годы все, знавшие Михайлова, в неведении о дальнейшей его судьбе. Реабилитационная волна 50-х годов не коснулась этого дела. Как, впрочем, и в 60-е, и в 70-е».

Далее Вячеслав Звягинцев рассказывает, что уже в середине 80-х главный редактор журнала «Знаменосец» обратился в Главную военную прокуратуру.

Я сам служил в популярном тоща военном журнале «Знаменосец» и, откровенно говоря, горд, что обращение из нашего издания дало толчок для выяснения истины. Действительно, в ту пору редакционная почта была полна письмами от фронтовиков. Среди них были и рассказы моряков, оказавшихся в **Тур**ции после того, как в 1942 году им с боями пришлось оставить Севастополь.

Военно-морской атташе капитан 1-го ранга Аким Михайлов сделал все, что было в его силах, для оказания помощи больным и раненым. После выздоровления он организовал их переправку на Родину. Его усилиями советские суда прошли ремонт. Теперь, через много лет после войны, матросы благодарили своего спасителя, хотели, чтобы о нем написал журнал.

Вот главный редактор и решил выяснить, можно ли говорить о Михайлове в печати или, если он был шпионом, предателем, то и не стоило о нем вспоминать. Ответа редакция, к сожалению, не получила ни через год, ни через два. И все-таки в 1991 году наконец состоялась полная реабилитация Михайлова. И это, пожалуй, главное.

Однако в чем же обвиняли военно-морского атташе? Да в том, что он, получив от турецкого агента код с секретными адресами соединений и частей турецкой армии и флота, передал их помощнику военного атташе Франции. А также поделился с ним и еще несколькими атташе — болгарским, английским и греческим, фотографиями кораблей, которые проходили по Босфору. Фото эти делал сам Михайлов и его подчиненные. Так вот следователи считали, как пишет Звягинцев, «что передавая иностранным коллегам фотографии, Михайлов тем самым расшифровал наблюдательный пункт и методы работы нашей разведки».

А то ведь иностранные спецслужбы до 40-х годов XX века и не догадывались, что разведчики в своей работе используют фотосъемку. Однако это сегодня подобные объяснения кажутся чудовищно абсурдными. А тоща Михайлов как мог отбивался от наседающих следователей, доказывал, что обмен информацией с иностранными атташе был взаимным, и запретов из Разведупра по этому поводу он не получал.

Военно-морской атташе отрицал предъявленное ему обвинение по статье 58—1 п. б УК РСФСР (измена Родине).

Допрошенные в ходе следствия начальник Разведупра Главного морского штаба контр-адмирал Румянцев и военный

атташе в Турции полковник Ляхтеров не считали, что Михайлов замешан в преступных связях с иностранцами и нанес вред государству.

Главная военная прокуратура не усмотрела в действиях Михайлова измену Родине. Однако всесильный министр госбезопасности СССР В. Абакумов решил по-своему, и никто не посмел ему перечить. Капитан 1-го ранга Аким Михайлов оказался за решеткой. Он умер в заключении.

К счастью, после смерти И. Сталина обстановка изменилась. Жен и детей провинившихся атташе в лагеря не сажали, и подобных диких историй, которая произошла с Акимом Михайловым, не повторялось. Но сердца военных атташе по-прежнему находились под прицелом. Как в прямом, так и в переносном смысле этого слова. Примером тому стала спецоперация, разработанная и проведенная американскими спецслужбами против помощника советского военно-морского атташе в США капитана 2-го ранга Игоря Амосова в 1953–1954 годах.

Игорь Александрович окончил Высшее военно-морское училище им. М.В. Фрунзе, военно-дипломатическую академию. Владел пятью иностранными языками — английским, французским, немецким, испанским, польским.

Воевал на Черном море. Был командиром боевой части тральщика «Искатель», штурманом дивизиона сторожевых кораблей и тральщиков, флагманским штурманом 1-й бригады траления.

В 1953 году Амосова назначили помощником военно-морского атташе в Вашингтон. Вот тут и разыгралась… Хотел написать трагедия, но она, к счастью, была предотвращена усилиями самого Амосова, резидентуры и Центра. Хотя сил, чтобы противостоять действиям контрразведки, офицеры потратили немало.

Вот как об этом вспоминал полковник Александр Никифоров, в ту пору помощник военного атташе в Вашингтоне:

«Помимо повседневной слежки, американцы готовили и проводили специальные операции против сотрудников советских учреждений в США. Одна из таких операций была тщательно разработана против помощника военно-морского атташе Игоря Амосова. Она отличалась изощренной наглостью, подлостью и человеческой низостью.

В поле зрения контрразведки Игорь Александрович попал неслучайно. В его семье сложилась трудная ситуация: жена — беременна, положение ребенка в утробе матери вызывало опасение медиков. Рожать ей предстояло в американском госпитале под

присмотром американских врачей.

На этом и решили сыграть спецслужбы США. Они взяли Амосова под постоянное и жесткое наблюдение. Агенты вели себя нагло и бесцеремонно, постоянно искали пути подхода к нему, делали предложения остаться в Америке, склоняли к предательству.

Однажды они заявили Игорю Александровичу: "Выбирайте, либо вы остаетесь в США и будете иметь счастливую семью: здоровую жену и нормального ребенка, либо потеряете все, если откажетесь от нашего предложения".

На что помощник атташе ответил: "Зря стараетесь, господа, ваши надежды никогда не сбудутся".

Потерпев фиаско, контрразведка готовилась к похищению Амосова или его жены. На подготовку этого преступления были брошены значительные силы спецслужб. Вот лишь один пример. В операции против Амосова 11 апреля 1954 года с 12.40 до 21.00 принимало участие б автомашин контрразведки "Лаки ", ".Кэмл", "Чарли", "Док", "Бейкер" и "Эйбл", три стационарных поста "Пат", "Луи" и "Мики". В помощь этой группе привлекались еще три автомобиля с кодовыми псевдонимами "Ред", "Войт"и "Эйс".

Общее руководство операцией осуществлялось через стационарный пост "Пат ", старшей автомашиной в группе была "Лаки".

В операции против Амосова 9 мая 1954 года с 13.00 до 20.00 участвовали уже 9 машин, а также три стационарных поста. Не трудно хотя бы примерно посчитать, сколько контрразведчиков может находиться в этих автомобилях и на постах. И вся эта свора против одного помощника военно-морского атташе».

Справедливости ради надо сказать, что Игорь Александрович в этой борьбе был не один. Амосова и его жену переселили в дом, где проживали несколько семей наших сотрудников. Дом находился в непосредственной близости от служебного здания военного атташе.

Жену Амосова оберегали сотрудники аппарата военного атташе, посольства, врач. Сам Игорь Александрович выходил в город в сопровождении двух-трех офицеров резидентуры.

Важную информацию давал и радиоперехват переговоров сотрудников контрразведки. Эти данные позволяли контролировать ситуации, а порою и опережать агентов.

Сотрудникам советской резидентуры в Вашингтоне удалось успешно противостоять мощным силам контрразведки. Игорь Александрович вернулся на Родину, его жена благополучно родила ребенка.

Капитан 1-го ранга Амосов еще долго служил Отечеству. Он

был военным атташе на Кубе, в Алжире, работал в Польше, преподавал в академии. После увольнения в запас трудился в Институте военной истории.

Впрочем, американцы большие мастера на провокации. Тот же помощник военного атташе полковник Александр Никифоров, который боролся за Амосова, сам вскоре оказался в подобной ситуации. Он вместе со своим коллегой убыл в поездку по США. Разумеется, с разрешения властей.

Шел третий год пребывания Никифорова в Америке, и он порядком надоел контрразведке: то наладит отношения с генералом из оперативного управления Пентагона, то познакомился с личным врачом президента Эйзенхауэра. Мало того, что познакомился, но пригласил его к себе на квартиру, в гости. И пусть в Белом доме уже сидел другой президент и врач у него был другой, но активность Никифорова утомила контрразведку.

Так вот, не успел Александр Никифорович выехать за пределы Вашингтона, как его объявили персоной нон грата. Но сделали это коварно, если не сказать больше. Никифорову об этом не сообщили. Решили посмотреть на поведение во время поездки, теперь ведь, лишенного дипломатического статуса, его могли ненароком побить, искалечить, оскорбить, да и убить тоже.

Возможно, прочитав эти строки, кто-нибудь улыбнется, мол, куда хватил автор. Что ж, тогда еще один пример из жизни того же полковника Никифорова.

В 1969 году его срочно направили военным атташе в Ливан. Он сменил убывшего в СССР в связи с болезнью жены полковника Ивана Пупышсва. Однако менять пришлось не только атташе. Пятью выстрелами в упор был расстрелян резидент советской военной разведки полковник Александр Хомяков. Никифоров стал атташе и одновременно возглавил резидентуру.

Хомякову, несмотря на чудовищные ранения, удалось выжить. Ливанские врачи сделали все возможное и невозможное, чтобы спасти советского полковника, а через сутки специальным рейсом он был доставлен в Москву.

Так что сомневаться в опасностях, которые подстерегают наших разведчиков, к сожалению, не приходится.

Разумеется, степень опасности бывает разная. Прибыв в Чехословакию в 1969 году на должность военного атташе Советского Союза, генерал-майор Иван Скрипка наслушался разного: угроз, требований вывести оккупационные войска, оскорблений.

Не успел советский генерал вселиться в свою квартиру в Праге, как каждую ночь не умолкал его телефон. Пражане,

конечно же не представляясь, звонили, выдвигали свои требования. Приходилось выслушивать. Хотя слушать подобное Ивану Скрипке было ох как нелегко. Ведь он в самые трудные месяцы словацкого восстания находился в рядах восставших, помогал им, имея за плечами богатый фронтовой опыт, руководил отрядами, приходилось, спасал от гибели. Л теперь поди ж ты, оказался оккупантом.

Но несмотря на все противостояние, сложность положения, никогда не отказывался выехать на завод, фабрику, в школу, университет, в воинские части, чтобы выступить перед народом, высказать свою точку зрения.

Но это, как говорят, цивилизованная Европа, а в Китае в годы культурной революции было совсем иначе. Для КНР мы в ту пору враг номер один. Атташе ты или секретарь посольства, никому дела нет. Вытащат из машины и если уж не побьют, то наорут, заплюют, наговорят гадостей.

Такое случалось с многими дипломатами. С военным атташе полковником в Китае Василием Ивановичем Ивановым тоже. Поехали они как-то на машине в Цзянь Цзинь. Разумеется, получив предварительно разрешение китайского МИДа. На полдороге их машину останавливают, высаживают, и начинается спектакль — разгневанные хунвейбины, как черти из табакерки, беснуются вокруг них. Потом затолкнули всех в машину и отправили назад. Протест в Министерство иностранных дел ничего не дал. Там всегда расписывались в своей беспомощности, мол, гаев народа, что поделаешь.

Хуже пришлось «сменщику» Иванова военному атташе полковнику Винокурову. Разъяренная толпа хунвейбинов избила его прямо в аэропорту.

В 1972 году на Кипре едва не погиб советский военный атташе и резидент военной разведки полковник Виктор Бочкарев. Автоматная очередь прошла над головой атташе, его жены и двоих детей, когда субботним вечером они отдыхали на балконе своей виллы. Стена была изрешечена нулями. Пришлось сменить квартиру.

Это, без сомнения, была месть генерала Гриваса, коварного и хитрого врага президента Кипра архиепископа Макариоса.

Резидентуре Бочкарева удалось предотвратить террористический акт в гостинице «Лидра» на дипломатическом приеме в честь дня Советской армии и Военно-морского флота. Бомба была заложена в столике для посуды официантов. В этот же вечер боевики Гриваса пытались пронести в зал автомат под видом фотоштатива и расстрелять гостей.

Агентура советской военной разведки на Кипре добыла план

государственного переворота. Этот план стал известен Макариосу, и террористы не выступили.

Каково же было изумление и испуг работников посольства, когда в детально разработанном документе они нашли и свои фамилии. Гривас подробно расписал, каким пыткам после переворота подвергнутся посол, некоторые сотрудники посольства, а также их семьи. В числе первых в пыточную камеру Гривас собирался отправить и советского военного атташе полковника Виктора Бочкарева.

Однако ничего из этого не вышло. Но так бывает не всегда.

В 1988 году в Пакистане в своей машине был расстрелян и.о. советского военного атташе полковник Федор Гореньков.

Так что воистину, товарищи военные атташе, ваши сердца всегда под прицелом. Берегите себя!

На этом, собственно, и закончена первая часть книги. А во второй части автор предлагает вашему вниманию несколько очерков о замечательных судьбах военных, военно-воздушных и военно-морских атташе. Читайте о них. Помните о них. Они достойны этой памяти.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«СЛУЖУ РАЗВЕДКЕ!»

В истории военной разведки нашей страны есть этап, когда она называлась советской. Этап чрезвычайно важный. Начался он более 90 лет назад.

Генерал-лейтенант в отставке Григорий Иванович Долин — ровесник советской разведки. Он воевал, прошел Великую Отечественную войну, что называется, от звонка до звонка, был фронтовым корреспондентом, окончил военно-дипломатическую академию, работал за рубежом, в Иране, представлял Советский Союз в качестве военного атташе.

По возвращении из заграничной командировки служил в центральном аппарате, 22 года был начальником политотдела ГРУ.

«Поднятая целина» — это про нас…»

Лето 1933 года. На Дону жить тяжело, голодно. Весной в семье Долиных умер отец, мать, младшая сестренка. На выпускном вечере маньковской семилетки Гриша Долин был один.

В августе, уложив в холщовый мешок две вареных свеклы, десяток картофелин в мундире, Гриша отправился в город Миллерово. Выбора не было. Надеяться мальчишке не на кого.

Хотелось учиться, да и просто выжить. А в техникуме, он знал, стипендия 30 рублей и еще 400 граммов хлеба.

До Миллерово 60 километров. Добирался товарным поездом. Болела нога. За месяц до этого лошадь ударила подковой. Ступня распухла, калошу и ту не надеть. Однако экзамены выдержал. Хотя педагоги с трудом понимали его своеобразный «русско-украинский-маньковский язык».

Дело в том, что село Маньково на реке Калитве прежде служило пограничьем между казачьим Верходоньем, украинскими степями Луганщины и исконно русскими землями Воронежской губернии. Рядом, в 12 километрах, на перекрестке этих дорог стоит железнодорожная станция Чертково. Неспроста издавна здесь говаривали: «В Чертково петух кричит на три губернии». Жители тех губерний с востока — донские казаки, с запада — украинцы, с севера — русские, они приносили в этот район свой язык, обычаи, жизненный уклад.

Самой тяжелой оказалась зима на первом курсе. Не

унималась, болела нога. Ходить приходилось в шерстяном носке, на другой ноге — калоша. Общежитие педагогического техникума располагалось в здании бывшей кирхи. Оно не отапливалось. Длинными промозглыми зимними вечерами учащиеся техникума складывали матрацы, набитые соломой, в ряд по два-три, накрывались, чем могли, и, чтобы скоротать время, говорили на разные темы. Особенно любили рассказывать страшные истории про чертей, ведьм, всякую нечистую силу.

Гриша рано пристрастился к чтению и ко времени своего техникумовского студенчества прочел многое из книг Николая Васильевича Гоголя. Потому его истории из «Вия», «Вечеров на хуторе близ Диканьки», сдобренные мальчишеской фантазией, пользовались большим успехом у товарищей.

Кто бы мог подумать тоща, что эта безобидная болтовня в кругу сокурсников может обернуться большой неприятностью для Григория Долина. Учился он старательно, входил в тройку лучших на своем курсе, и преподаватели его любили за усердие и труд. И вдруг, как по команде, те же педагога стали придирчивее, а точнее, подозрительнее относиться к своему любимцу, спрашивали по самому строгому счету, не прощали даже мелких ошибок, снижали оценки. Гришкины друзья терялись в догадках. Да он и сам ничего не мог понять.

Зато в гору пошел земляк-маньковец Вася Литвиненко, тупой и ленивый, он никогда не отличался успехами в учебе. А тут вдруг за весьма посредственные ответы Вася стал получать хорошие оценки.

Все выяснилось, когда техникум перевели из Миллерова в город Каменск-Шахтинский. Новые педагоги стали оценивать знания своих учащихся реально, и вновь Григорий вышел в лучшие. Более того, возмущенный преподаватель истории Иван Тихонович Кружилин па одном из комсомольских собраний заявил, что ему настоятельно рекомендовали не выставлять Долину оценки «очень хорошо», так как Гриша ведет «подкулаческие разговоры» и запугивает однокурсников ведьмами.

Сегодняшним сверстникам Григория Долина подобная история может показаться не более, чем курьезным и смешным случаем. Однако все это было. И признаться, не так уж давно, по существу, на памяти одного поколения.

Возможно, произошедшему и не стоило бы уделять такое внимание, если бы не одно обстоятельство — Вася Литвиненко и подобные ему не однажды еще будут встречаться на жизненном пути Долина. Встречи с такими людьми, как известно, не сулят ничего хорошего. Но судьба хранила Григория Ивановича.

Однако вернемся в Каменск-Шахтинский, в педагогический техникум, где продолжал учиться Григорий. Здесь тоже было не сладко, но на втором курсе за отличную учебу он получил персональную повышенную стипендию в 70 рублей. А еще произошло событие, которое он помнит в подробностях и сегодня, через семьдесят с лишним лет: отменили продуктовые карточки и появился так называемый коммерческий хлеб.

«Никогда не забуду, — говорит Григорий Иванович, — в общежитии техникума в ту ночь никто не спал. Ждали утра, когда можно было пойти в магазин, без карточек купить хлеб и наесться досыта».

Проблемы, трудности, скромность студенческого бытия дополнялись проблемами страны. После убийства Кирова 1 декабря 1934 года началась интенсивная «охота на ведьм». Из числа учащихся техникума отчислили несколько ребят-казаков в связи с тем, что арестовали их родителей. Преподаватели-коммунисты проходили чистку. На эти открытые партийные собрания приглашали и учащихся.

Отрадой для Григория было лето. он уезжал в родное Маньково, к сестрам. Почти не отдыхал, работал в совхозе учетчиком тракторной бригады или бригады комбайнеров. Это давало возможность питаться, да и заработать хоть какие-то деньги на пиджачишко, рубашку, ботинки.

Зимой 1935 года, па третьем курсе произошло незабываемое событие — Григорий Долин избран сначала на конференцию пролетарского студенчества в Ростове-па-Дону, а потом и на всесоюзную конференцию в Москве. Их было пятеро студентов с Донского края.

Почетным делегатом конференции стал писатель Михаил Александрович Шолохов. Когда все собрались к отъезду, Шолохов глянул на делегатов богатейшего хлебного края и ахнул: одежка поношенная, старая, обувь — дырявая. А денег у студенческого профсоюза, разумеется, нет.

Михаил Александрович сам приодел делегатов-студентов. Пусть и не богато, но во все новое, чистое. Так Гриша познакомился с великим писателем и вместе с ним впервые приехал в Москву.

Потом, через много лет Долин напишет в одной из своих статей: «Шолоховская “Поднятая целина” — это про нас, про нашу сторонку, однако ситуация в моем родном районе в иных случаях была намного драматичнее, чем описано в книге».

Летом 1936 года Григорий закончил педагогический техникум и получил направление на работу в неполную среднюю школу села Курнаково-Липовка Тарасовского района Ростовской

области. Через год его перевели в казачий хутор Чеботовку, что в том же районе.

Хутор поразил молодого учителя. Большое селение, протянувшееся с севера на юг, добротные, крепкие дома, хозяйственные постройки. Обширные усадьбы утопали в садах и дубравах. Казаки в свое время занимали землю, кто — как хотел, строились, ставили дома тоже по желанию. Вот и вышло, что на хуторе была ясно обозначена только главная улица, остальные усадьбы — вразброс.

Но хуторской люд обескуражил Григория — многие молчаливые, настороженные. Это потом он разобрался, почему в больших крепких домах преобладал лишь стар да млад, а мужчин среднего возраста почти не было. Раскулачивание и расказачивание прошло жестокой рукой по богатому некогда хутору.

Здесь Долин преподавал русский язык и литературу. Учителей не хватало, и потому ему дали сразу 6—7-е классы, а вскоре и 8-й.

«Учитель из меня был зеленый, — вспоминая о том времени, скажет Григорий Иванович, — но я старался. Много читал, заочно обучался на факультете русского языка и литературы Ростовского пединститута».

В начале 1939-го Долин закончил учительский институт, а на летней сессии сдал все экзамены за полный курс пединститута. В конце года его призвали в Красную армию. Службу начал в городе Острогожске Воронежской области, красноармейцем в 149-м отдельном батальоне связи стрелковой дивизии Орловского военного округа.

Во второй половине 1939 года сельских учителей (до это они имели отсрочку) впервые призвали в армию. Большинство из них направили в военные училища. Красноармеец Долин тоже был откомандирован на учебу в Брянское военно-политическое училище.

По окончании училища в январе 1941 года младший политрук Григорий Долин в числе большой группы выпускников направлен для дальнейшего прохождения службы в Особый Прибалтийский военный округ, где получил назначение в 24-й латышский стрелковый корпус.

Что это был за корпус? Прежнюю латышскую армию преобразовали в корпус. Командирами частей и подразделений оставили латышей, но их первыми заместителями назначили русских. И так от командира корпуса до командиров взводов.

В корпусе издавалась газета. Она выходила на двух языках— латышском и русском. Соответственно работали две редакции.

Вот в такую русскоязычную редакцию на должность литературного сотрудника и попал служить младший политрук Долин.

До войны оставалось пять месяцев. На базе Особого Прибалтийского округа создавалась 27-я армия. Формировал ее полковник Хлебников, бывший начальник артиллерии Чапаевской дивизии. Первым командующим армией стал генерал-майор Берзарин, будущий первый военный комендант поверженного Берлина. В эту армию вошел и латышский корпус, а газета стала армейской. Называлась она «Красный воин», однако недолго. В первые дни войны в армию приехал печально известный Лев Мехлис. Ему не понравилось название армейской газеты. И он тут же придумал новое — «Врага — на штык!»

В составе газеты 27-й армии Григорий Долин вступил в войну. Большинство латышских офицеров были враждебно настроены к советским командирам. По выходу на старую границу командование приняло решение: латыши, желающие остаться в Красной армии, могут продолжать службу, остальным — сдать оружие и по домам. Однако большинство латышских офицеров ушли с оружием…

«С лейкой и блокнотом…»

С началом боевых действий в редакцию армейской газеты поступило несколько машин — полевая типография. Начался выпуск газеты уже во фронтовых условиях. Корреспонденты разъехались по войскам. Младший политрук Долин тоже оказался в частях переднего края. Нужна была оперативная информация. И он ее добывал.

В первый месяц войны он чудом выжил, не погиб. «Бои шли еще па территории Латвии, — вспоминает Григорий Иванович, — мы ехали на машине, везли в войска свежий помер газеты. А там вокруг болотистая местность и насыпь шоссе довольно высокая. Немцы накануне высадили десант и перерезали эту дорогу. Но наш редактор, батальонный комиссар Балодис, бодро заявил: “Ничего, прорвемся”. А как прорвемся с тремя винтовками и четырьмя револьверами.

В воздухе висит немецкий самолет-разведчик, который бойцы называли “рамой”, бросает бомбы, немцы в полутора километрах бьют по машине. Мы выпрыгнули из полуторки, все побежали направо, а я почему-то налево. Упали, залегли. А у меня словно какое предчувствие, думаю: “Почему не со всеми побежал?” Бросился на другую сторону насыпи, к своим. В это время как раз

на то место, где я только что лежал, падает бомба. Когда мы все пришли в себя, коллеги-журналисты сказали: “Ну, Григорий, долго жить будешь”».

Да, уж на войне погибнуть можно было где угодно. На тазах политрука Долина убили его коллегу по редакции, писателя Бориса Ивантера, которые до войны работал главным редактором журнала «Пионер». Решили они посмотреть на эвакуацию подбитого танка с поля боя. Борис сел на броню, а Григорий с солдатами шел следом за танком. Мгновение, и Ивантер падает вниз. Его подхватывают, выносят, все думают, что он ранен, но, увы, маленький осколок попадает ему в голову.

По долгу службы Григорий Долин не засиживался в редакции. Его место было в войсках. «Мы разъезжались по дивизиям, — рассказывает Долил, — и шли вместе с ними. Дивизия отступала, и мы отступали, попадала в окружение, и мы попадали. Редакция нередко отставала, но материал с мест передавали через полевые узлы связи, и газета выходила вовремя. Помните, как в песне: «Жив ты или номер, главное, что в номер материал успел ты передать».

Суда по всему, обязанности фронтового корреспондента Григорий Иванович исполнял достойно. Уже в августе 1941 года, когда награды давали крайне скупо и редко, он в числе нескольких журналистов был награжден медалью «За боевые заслуги». Потом были орден Отечественной войны II степени, Красной Звезды, а после войны еще пять орденов. Но первая медаль запомнилась особенно. Ценно то, что Долин был представлен к награде по инициативе командования дивизии, в войсках которой он практически постоянно находился.

В январе 1942 года 27-я армия была преобразована в 4-ю ударную армию, а в октябре политрука Долина забирают в газету «Вперед, на врага!» Калининского фронта. Он назначен заместителем начальника отдела. В этом же году при переаттестации командиров и политруков в единые офицерские звания получил воинское звание «майор». Однако в жизни его мало что изменилось. Он вновь не вылезал из частей переднего края.

В то время в Великих Луках была окружена группировка немцев — около 3 тыс. человек. Долгое время их не удавалось уничтожить. Как-то Долин поехал в один из батальонов, который был ближе всего к границе соприкосновения с противником. Ночью немцы стали окружать батальон. У нас оружия — пулеметов, винтовок много, а бойцов, командиров осталось наперечет. И тогда комбат по существу вызвал огонь на себя. Под этот огонь попал и майор Долин.

Помнит Григорий Иванович не только удары своих «катюш». Страшно было и другое — выйти из блиндажей практически невозможно. Немцы закрепились на железнодорожной насыпи, наши траншеи и подходы у них как на ладони. Низина — выход на кладбище, к своим — покрыта льдом, устлана телами убитых. Ползком между трупами и выползал к своим военный корреспондент Долин. Всякое бывало на войне. И как говорил Константин Симонов, который не раз заезжал к ним в газету: «Про всю войну сразу не расскажешь».

Да мы и не ставим такую цель. Просто хочется поведать о военном летописце, который писал о многих, а о нем — пока никто не сказал доброго, заслуженного слова. А ведь прошел Великую Отечественную Григорий Иванович Долин от звонка до звонка. Прошагал от Риги до Калинина (Твери) и назад от Калинина через Белоруссию, Прибалтику до Кёнигсберга.

Признаюсь, и у меня при встрече с Григорием Ивановичем произошел удивительный случай. Мы рассматривали с ним фронтовые фотографии. Маленькая, пожелтевшая карточка, на пей офицеры в полушубках, двое в шинелях. Вглядываюсь в лица. Что и говорить, интересно. Мои коллеги-корреспонденты из далекого военного прошлого. Ага, узнаю, крайний слева — майор Долин.

«Это груши журналистов в командировке в войсках», — поясняет Григорий Иванович. Переворачиваю фото, и сердце сжимается от волнения. Синими чернилами на карточке написано: «гор. Велиж, декабрь 1943 года».

— Григорий Иванович, так вы освобождали мой родной город. Я родился в Велиже, на Смоленщине.

Ветеран смотрит па меня с улыбкой:

— В районе Велижа мы простояли четыре месяца. Там шли тяжелые бои. Немцы здорово укрепились. Но мы выбили их и с этого рубежа.

Для начальника отдела газеты 1-го Прибалтийского фронта, потом Земландской группы войск майора Долина война закончилась штурмом Кёнигсберга и порта Пиллау (ныне Балтийск). Наступил победный 1945-й.

«Война для меня, как для всего советского народа, — напишет позже журналист Долин, — стала суровым испытанием. Я видел тысячи смертей и сам не раз смотрел смерти в лицо, фронтовыми дорогами прошел через пепелища сотен деревень и разрушенных городов. Видел погибших солдат на поле боя и загубленные карателями мирных жителей. Почувствовав, как беспощаден враг, я еще больше укрепился в мысли о том, как важно беречь Родину…»

Место службы — Тегеран

Закончилась война, и Победа словно подвела черту под очередным жизненным этапом Григория Ивановича Долина.

В Ригу, в штаб Прибалтийского военного округа из Главного разведывательного управления прибыли офицеры. Они отбирали кандидатов для учебы на курсы Разведуправления Красной армии. Вскоре приказом Сталина была создана Военно-дипломатическая академия, и офицеры разведкурсов стали слушателями академии.

Первый набор — практически все офицеры-фронтовики. Учиться было трудно. За годы войны утерян навык работы с книгой, восприятие материала на слух. Но все эти сложности компенсировала жажда знаний, желание освоить новое, незнакомое, но такое нужное ответственное дело.

Учили в академии основательно. Лекции по общеобразовательным дисциплинам, правовым, международным, дипломатическим отношениям, истории читали известные юристы, международники, дипломаты. Военные предметы преподавали профессора из Академии им. М. Фрунзе Генерального штаба и Академии им. М. Фрунзе. Слушатели с удовольствием посещали факультативные занятия по литературе, культуре, искусству.

Страноведением и иностранными языками с будущими военными дипломатами занимались люди, побывавшие за рубежом, изучившие страну и язык на месте.

Однако главное дело — спецподготовка. Лекции и практические занятия вели сотрудники военно-стратегической разведки, в том числе и бывшие нелегалы.

Долин попал в английскую группу. На первых порах язык давался нелегко. Приходилось заниматься по ночам. Дело осложнялось тем, что жил он с женой и дочерью на частной квартире, в комнате в восемь квадратных метров. Дом старый, деревянный, по окна вросший в землю. А за окном в трех метрах — трамвайная линия.

Сложно было и потому, что академия давала им ускоренный курс обучения. Стране были нужны новые, молодые военные дипломаты.

Академию Григорий Иванович закончил успешно, получил диплом и в качестве премии — месячный оклад. Но больше всего радовали новые погоны. Теперь он стал подполковником. Надеялся, что распределение получит в соответствии с полученными знаниями. Он изучал Великобританию, значит, и дальнейшая дорога ему в туманный Альбион.

Но не тут-то было. Его послали в Иран. После войны к традиционному английскому влиянию в Иране добавилось быстрое проникновение в эту страну американцев. И тогда руководством военной разведки было принято решение усилить иранскую резидентуру «западниками».

В августе 1947 года подполковник Долин поступил в распоряжение Комитета информации, где сразу началась подготовка и оформление к его отъезду в Иран. Должность — помощник военного атташе.

Подготовка, откровенно говоря, была поверхностной. На иранском участке работали два офицера. Встретили они «академиков» весьма настороженно, по оперативным вопросам советов не давали, ограничились выдачей справочников, книг, в которых рассказывалось об Иране, его вооруженных силах. Языковая подготовка также отсутствовала.

К концу года подготовка была завершена. Документы оформлены, выдана гражданская одежда — синий бостоновый костюм, две белые рубашки, темное драповое пальто, фетровая шляпа, желтые полуботинки, темно-коричневые кожаные перчатки. С Долиным в Иран выезжали еще двое офицеров. Правда, один из них убыл месяцем раньше. Они получили точно такую же экипировку. Так что первое время в Тегеране Григорий и его товарищи были словно близнецы-братья.

В Иран добирались следующим маршрутом: от Москвы до Баку ехали поездом, из Баку в Пехлеви — пароходом, из Пехлеви в Тегеран на автомашине. Первые трудности испытали еще в собственной стране. Долин и один из его коллег следовали в командировку с женами и маленькими детьми. В Баку остановились в гостинице Интурист, заняли двухкомнатный люкс. Ждали, что вскоре погрузившись па пароход, отплывут в Иран. Но не тут-то было. Море штормило, и пароходик «Пионер» в плавание не выпускали.

Вскоре офицеры и их семьи остались без средств к существованию. Чтобы накормить детей и жен, пришлось продать кое-что из женской одежды: платья и даже калоши. Заказывали в люкс только хлеб и чай, ссылаясь на то, что их каждый день друзья приглашают в гости и нет необходимости питаться в ресторане.

Но море штормило, отплытие откладывалось, пришлось позвонить в Москву. Вскоре разведотдел отдельной каспийской флотилии выдал голодающим военным дипломатам небольшую сумму денег. Это случилось как раз накануне отплытия парохода в Иран. Офицеры наконец-то заказали себе в номер шикарный ужин.

В Тегеране в аппарате военного атташе их встретили по-доброму. Разместили в городе, на частных квартирах. Долину с женой и дочерью досталась 30-метровая комната в одноэтажном глинобитном доме без отопления, воды, с туалетом во дворе. Так жили почти все сотрудники атташата.

На первую получку супруги Долины купили несколько метров местной хлопчатобумажной ткани «каламкар», поделили комнату напополам. Получилась двухкомнатная квартира.

Военным, военно-морским и военно-воздушным атташе в Иране в те года был полковник, а вскоре генерал-майор Борис Георгиевич Разин.

Борис Георгиевич — личность легендарная. Служил начальником разведпункта в Батуми, возглавлял разведотдел Туркестанского военного округа, в войну — начальник разведки Воронежского фронта. С 1942 года — военный атташе Советского Союза в Иране. Участвовал в обеспечении работы Тегеранской конференции. Лично докладывал И.В. Сталину о военно-политической обстановке в Иране накануне встречи «Большой тройки».

Под руководством Разина и делал свои первые практические шаги за рубежом Григорий Долин. Доподготовка сотрудников проходила по индивидуальным планам, и уже через 8—10 месяцев пребывания в стране офицер должен быть готовым включиться в оперативную деятельность.

Большое внимание уделялось языковой подготовке. Григорию Ивановичу, к примеру, преподавателем была рекомендована англичанка, ни слова не знавшая по-русски. И этот казалось бы недостаток обернулся достоинством. Через полгода интенсивных занятий Долин чувствовал себя вполне уверенно в общении с англоговорящими иностранцами.

Включиться в работе пришлось значительно раньше, чем диктовали академические каноны. Обстановка требовала иного ритма жизни. Не прошло и месяца, как Долин прибыл в Тегеран, а его неожиданно вызвал к себе Борис Разин, поставил первую серьезную оперативную задачу. Григорий Иванович, признаться, был несколько обескуражен: в академии их учили совсем иначе, да он и сам еще не чувствовал себя подготовленным к работе. Руководитель, будучи человеком опытным, это прекрасно понимал, но действительность нередко опрокидывает самые казалось бы незыблемые правила. Разин пошел на подобный шаг вынужденно. Кроме того, он хорошо знал оперативную обстановку и считал возможным поступить именно так.

Оценивая свое первое оперативное задание, Григорий Иванович признается, что несмотря ни на что его начальник был

прав. «Следует иметь в виду, — скажет он, — что в жизни случается иногда и игра без правил».

Генерал Борис Разин многому научил молодого разведчика подполковника Долина. Например, глубоко познавать в агентурно-оперативном отношении город, самым тщательным образом готовить каждую операцию.

Под руководством Бориса Георгиевича Долин неоднократно участвовал в обеспечении оперативных мероприятий других работников, разработке необходимых агентурных документов. По вечерам и в выходные дни совершал выходы в город, поездки за город для установления новых связей.

Хорошо шла у Григория Ивановича и информационная работа. Очевидно, сказывался прошлый опыт журналистской деятельности. Добытую информацию он отрабатывал сам, в том числе и срочную для доклада телеграфом в Центр.

Под руководством Бориса Разина Долин принял активное участие в разработке информационно-аналитического документа «Иран, как театр военных действий». Этот документ был высоко оценен начальником Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Григорий Иванович получил благодарность и денежную премию.

В 1950 году военный атташе генерал Разин после восьми лет пребывания в стране уедет на Родину, в Советский Союз. А в ноябре неожиданно придет' телеграмма: «откомандировать в Москву подполковника Долина для назначения на новую должность».

Новый военный атташе генерал Александр Родионов терялся в догадках. Его помощник Григорий Долин не пробыл в Тегеране и трех лет, работал продуктивно, и вдруг отзыв, новое назначение. Апаше попытался отстоять своего помощника, предложил Москве назначить его с повышением здесь же, на месте, но Центр был непреклонен. Пришлось возвращаться.

«В Центре, на участке, — скажет Долин, — оперативные офицеры встретили меня гробовым молчанием». А через несколько дней последовал вызов в управление кадров, где подполковнику Долину предъявили обвинение в том, что он якобы скрыл один из фактов биографии. Оказывается, отец жены в 1930 году лишался права голоса, но потом был восстановлен в избирательных правах. Такие данные поступали из органов НКВД по месту рождения супруги.

Это сообщение стало неожиданностью как для Григория Ивановича, так и для жены. Он знал, что отец Полины — Михаил Косинов, человек совершенно неграмотный, крестьянин, имеющий одиннадцать детей, был далек от политики. Два его сына, старшие братья Полины, погибли в первые дни войны,

защищая Родину. Супруга Григория Ивановича родилась в 1924 году, и когда отца лишали избирательного права, ей было всего 6 лет. В 1931 году умерла ее мать, а отец ничего не рассказывал о произошедшем.

После долгих расследований, написания многочисленных объяснительных записок подполковника Долина в Главном разведуправлении все-таки оставили. Правда, из оперативного управления откомандировали, назначили исполняющим обязанности «научного сотрудника» в Информацию, поручили заниматься экономикой Ирана.

Дело было знакомое. Григорий Иванович вскоре освоился с новыми обязанностями, стал оперативно представлять разработанные им материалы. В короткий срок переработал на основе новых данных книгу-справочник по Ирану. Руководству дополненное издание понравилось, и вскоре было предложено назначить Долина на штатную должность. Информаторы оценили его способности, умение работать и предложили стать начальником группы. Но Григорий Иванович, поблагодарив за доброе отношение, отказался. К тому времени все прояснилось, тучи над его головой разошлись, обвинения были сняты, и он согласился на более низкую должность — «старшим офицером», но в свое родное оперативное управление.

В феврале 1953 года — Григорий Иванович вновь едет в Иран, теперь уже в качестве старшего помощника военного атташе.

«Этот период работы, — говорит Долин, — считаю самым плодотворным. К тому времени я занимался Ираном как на месте, так и в Центре уже пять лет, основательно изучил эту страну. Да и некоторые серьезные заделы были еще с прежней командировки. Решил их непременно реализовать».

С тех пор прошло более полувека. Срок серьезный, но рассказать о той работе Григория Ивановича даже сегодня не представляется возможным. Скажем так: слово, которое дал себе Долин, — он сдержал. Многие «заделы» были реализованы.

Если предельно коротко и в самом общем плане, то можно сказать следующее: расширились и окрепли оперативные и доверительные связи аппарата в различных эшелонах власти и военных кругах страны пребывания, что позволяло в целом успешно решать задачи, которые ставились перед разведаппаратом, военным и политическим руководством нашего государства. Сделаны полезные заделы на перспективу. При этом отмечается личный конкретный вклад Долина как руководителя и оперативного офицера.

В июне 1955 года его вызвали в Москву, где руководство

объявило о его назначении военным, военно-морским и военно-воздушным атташе Советского Союза в Иране.

Три года проработал Григорий Иванович руководителем атташата. Период был сложный, обострилась внутренняя, военно-политическая обстановка в стране. Падение прогрессивного правления доктора Моссадыка, разгром народной партии Ирана, разгул репрессий в отношении народников, перманентное введение военного положения накладывало свой отпечаток и на работу военных дипломатов.

Командировка завершилась в апреле 1958 года. Руководством она была оценена положительно. Долина вызвал к себе первый заместитель начальника ГРУ, Герой Советского Союза генерал-полковник Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров. В ту пору он курировал в военной разведке весь Восток.

— Вот твой отчет по работе в Иране, а вот моя резолюция на нем, — сказал Мамсуров.

Григорий Иванович прочитал: «Полковника Долина Г.И. назначить начальником 1-го направления 4-го управления». Что и говорить, резолюция отличная.

— Часто ты видел такие резолюции? — поинтересовался первый заместитель.

— Товарищ генерал-полковник, я в центральном аппарате поработал не много. Поэтому не очень-то сведущ, какие резолюции здесь накладываются.

Хаджи Мамсуров улыбнулся:

— Дело не в резолюции, Григорий Иванович, просто ты должен знать, что мы тебя по-настоящему ценим.

Так начался новый период в жизни и службе полковника Долина — работа в Центральном аппарате ГРУ. Она заняла 28 лет.

Начальник политотдела ГРУ

Шесть лет до начала 1964 года Григорий Иванович Долин последовательно занимал должности начальника 1-го направления 4-го управления, потом заместителя начальника этого управления. В период работы в 4-м управлении начальниками были генерал-майоры Ляхтеров, Кисленко, Зотов. Запомнились генерал-майор Ляхтеров и генерал-лейтенант Павел Петрович Мелкишев. Их отличала высокая общая культура, профессионализм, уравновешенность, умение выслушать подчиненного и принять выверенное разумное решение. Три с половиной года Долин был заместителем у генерал-лейтенанта

Мелкишева, человека очень организованного, доброго и немногословного. Другого не пожелаешь. Казалось бы, все складывалось самым лучшим образом.

И вдруг в январе 1964 года кандидатура полковника Долина предлагается на должность секретаря парткома ГРУ. Откровенно говоря, это была не очень приятная неожиданность прежде всего для самого Григория Ивановича. Он никогда не видел себя па выборной партийной работе. К тому же, как выяснилось, Главное политическое управление выступило против. У них был свой кандидат.

Но Главное разведывательное управление выдвинуло профессионала и заручилось твердой поддержкой Отдела административных органов ЦК партии. Разумеется, эти «бои» на высоком уровне происходили без участия полковника Долина.

Главным инициатором выдвижения Григория Ивановича в секретари парткома, как выяснилось позже, был генерал-полковник Хаджи Мамсуров. Спасибо ему, конечно, за доверие, но кардинально менять работу Долину не хотелось. Однако и отказываться в те годы от партийных должностей было не принято. В общем, избрание секретарем полковника Долина состоялось.

Некоторые начальники управлений и служб восприняли избрание малоизвестного полковника на такую высокую должность скептически. Однако Григория Ивановича беспокоил не столько скептицизм иных генералов и офицеров, сколько отсутствие у него самого опыта партийной работы.

Да, в партии он почти четверть века, вступил в КПСС еще в 1940 году, освоил партийную тематику в армейской и фронтовой печати, избирался даже секретарем. Но только первичной парторганизации.

Но, как говорится, взялся за гуж… Первые шаги были не просто трудными, порой мучительными. Устанавливал контакты с парторганизациями оперативных управлений, подразделений информации, служб Главного управления, налаживал взаимоотношения с политработниками, с секретарями первичных парторганизаций. Время шло.

Через два года партконференция избирает Долина секретарем на новый срок. В это время начинается подготовка по замене парткомов политическими отделами. Григорий Иванович просит начальника ГРУ генерала Ивашутина отпустить его на оперативную работу. Тот внимательно выслушивает секретаря, вроде бы относится к его просьбе с пониманием, но в мае 1967 года настаивает на назначении Долина начальником политотдела ГРУ — заместителем по политчасти.

Долин уверен и сегодня: замена парткома политорганом в те годы было явлением положительным. Разрабатывая штат политотдела, предусмотрели его оперативную направленность. Введен второй заместитель и три инспектора, специально нацеленное на оперативные подразделения и разведывательные зарубежные аппараты. Замещались эти должности только лицами, имевшими за плечами военно-дипломатическую академию, а также положительный опыт практической работы за рубежом. Это значительно укрепило связи политотдела с оперативными подразделениями и загранаппаратами, то есть с органами, определяющими судьбу задач, стоящих перед Главным разведывательным управлением.

Инспектора постоянно работали в партийных и оперативных управлениях, выезжали в разведаппараты. У начальника политотдела был тесный контакт с руководителем оперативных органов.

При выезде в загранаппарат Долину вменялось в обязанность изучение деятельности разведаппаратов, агентурно-оперативной работы. Так как в Центре и на местах его знали и как оперативного работника, коллизий при проверках по оценкам, выборам и рекомендациям обычно не возникало. Особые связи оставались у Григория Ивановича с родным управлением. Ежегодно, по несколько раз, его подключали для работы с бывшими источниками.

Однако главное, считает Григорий Иванович, это было воспитание патриотизма. Высшее проявление патриотизма для офицера-разведчика — беззаветное служите Родине, эффективное выполнение задач.

… 22 года отработал генерал-лейтенант Григорий Иванович Долин на этом посту.

Уходя в отставку, прощаясь с коллективом, он сказал прекрасные слова: «Я всегда с глубоким уважением и некоторой завистью, по-доброму, конечно, относился к руководителям оперативных управлений и частей, ведущих информационных подразделений и создателей разведывательной техники. Преклонялся перед их знаниями, опытом, самоотверженной преданностью нашему общему делу.

По работе у пас были размолвки, иногда серьезные разночтения по проблемным вопросам, но в конечном счете мы всегда находили правильные решения, потому что были едины в главном — в честном служении разведке.

Я всегда буду гордиться тем, что мне выпало счастье жить и работать в таком могучем коллективе, которым является коллектив нашего Главного разведывательного управления».

Думается, к этому нечего добавить. Счастлив тот человек, кто может произнести такие слова!

«Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, РОССИЯ…»

В 1951 году жизнь Алексея Лебедева словно разломилась надвое. Первая половина осталась там, в авиации. Вторая — в разведке. Там он был фронтовым комэска, летчиком-асом, Героем Советского Союза.

В разведке тоже стал асом. В пяти зарубежных командировках представлял пашу страну в качестве военного атташе. В мирное послевоенное время за свою работу удостоен трех боевых орденов.

1

Командир штурмового авиаполка подполковник Иван Дельнов читал наградные листы, подготовленные штабистами. «Ага, вот и наградной на Алексея Лебедева, сержанта, командира звена».

Дельнов пробежал первые строки: «Действуя в составе 784-го штурмового авиационного полка Северо-Западного фронта, успешно совершил 20 боевых вылетов на самолете ИЛ-2. При этом самостоятельно и в группе уничтожил по не полным данным: танков до 2-х, обстрелял колонну автомашин до 40, с горючим, боеприпасами и живой силой до 100, повозок с различным грузом до 25, дзотов до 5, блиндажей до 7.

Штурмовыми бомбардировочными действиями разрушил железнодорожное полотно на участке Ануфриево — Черенцы и шоссейную дорогу Рамушево — Васильевщина».

«Все верно, но где же воздушный бой? Он же просил нач-штаба отметить», — комполка поднес наградной лист поближе к свету.

«20.02.43 г., выполняя задание по разведке, был атакован в районе Черенцы — Ануфриево четырьмя истребителями противника — три Ме-109 и одним “фокке-вульфом”. Вступил в неравный бой».

Да уж, Алексей Лебедев удивил и порадовал. Три «мессера» и «фоккер» серьезная сила. В таких дуэлях у ИЛ-2 практически нет шансов. На стороне фашистских истребителей скорость, маневренность, да и опыт. Правда, Лебедев тоже не лыком шит, уже пять месяцев на фронте, двадцать боевых вылетов. Когда сам Дельнов начинал летать, в их полку не было ни единого летчика, сделавшего более восьми вылетов. Что ни говори, а враг штурмовика на земле. От истребителей более-менее успешно

защищаться можно только группой: встать в «круг» и прикрывать друг друга. Но Лебедев оказался один против четверки вражеских истребителей. Тут, казалось, ничего не поможет. Только вот Алексей думал иначе.

«Благодаря отличной технике пилотирования сочетал маневр с прицельным пулеметно-пушечным огнем, — прочел комполка. — Отбил шесть атак истребителей противника. В результате воздушного боя т. Лебедев сбил один Ме-109 и один ФВ-190 и возвратился на свой аэродром без единой пробоины.

За успешное выполнение боевых заданий командования на фронте, за проявленное мужество, храбрость в борьбе с немецкими захватчиками достоин награждения орденом “Красная Звезда”».

Подполковник Дельнов с удовольствием поставил свою подпись и дату «28 февраля 1943 года». В этот же день командир 243-й штурмовой авиационной дивизии полковник Сухоребриков утвердил представление. Алексей Лебедев получил свой первый орден.

Уже через две недели, в середине марта 1943 года комполка Дельнов представил новый наградной лист на сержанта Лебедева.

«За 26 боевых вылетов, — писал он,—т. Лебедев уничтожил 8 орудий полевой артиллерии, 22 автомашины с грузами, 1 бензозаправщик, 4 орудия зенитной артиллерии, 4 блиндажа, до взвода солдат и офицеров.

По всем данным имеются подтверждения наземных войск, постов ВНОС, истребителей сопровождения».

На этот раз Дельнов ходатайствовал о награждении подчиненного орденом Красного Знамени.

5 апреля приказом по 6-й воздушной армии Северо-Западного фронта Алексей Иванович Лебедев удостоился высокой награды.

Вообще 1943 год был весьма урожайным для летчика-штурмовика Лебедева. Он получил четыре ордена — два Красного Знамени, Красной Звезды и Отечественной войны I степени. От сержанта дорос до старшего лейтенанта, от пилота до заместителя командира эскадрильи.

Вот лишь несколько выдержек из наградных листов.

«Участвуя в октябре месяце 1943 года в прорыве линии обороны немцев на Невельском направлении, т. Лебедев совершает 18 успешных боевых вылетов, участвуя в 5 воздушных боях, где вновь показывает образцы бесстрашия и героизма, увлекая за собой ведомых.

Так, 18.10.43 г. группа из шести ИЛ-2 под командованием Лебедева была атакована над целью шестью истребителями ФВ-190 и одним Ме-109. В результате умело организованного

группового боя Лебедев лично сбивает один ФВ-190, и группа выходит из боя без потерь.

17.12.43 г. был ведущим группы шести ИЛ-2. После успешного выполнения боевого задания при отходе от цели группу атаковали восемь фашистских истребителей ФВ-190. Тов. Лебедев принял решение не уходить, а принять воздушный бой и увлечь противника на свою территорию. В результате хорошо организованного воздушного боя группа сбивает один ФВ-190 и Лебедев лично сам, будучи раненным в лицо, истекая кровью, сбивает второй ФВ-190.

Группа вышла из боя и возвратилась на свой аэродром без потерь».

Как мы видим, Алексей Иванович остается верен себе. И фраза, кочующая из наградного листа в наградной: «В бою ведет себя смело, показывая образцы мужества и отваги», приводится его командирами не ради красного словца.

Военный летчик, полковник запаса, зять Лебедева, Иннокентий Старновский, вспоминая фронтовые будни Алексея Ивановича, скажет: «Он был поразительно смелым человеком и классным пилотом. Провел 11 воздушных боев, сбил в воздухе лично 4 истребителя противника. Это же уникальный результат! Штурмовику противостоять истребителям, да еще в одиночку, практически невозможно. У нас ведь в Великую Отечественную основная масса летчиков-истребителей по одному-два самолета врага сбивали. А то и вовсе не сбивали. Да, летали, прикрывали своих, поддерживали, но сбить так никого и не смогли. А Лебедев на штурмовике уничтожил четыре вражеские машины.

Лебедев физически был очень сильный и смелый человек. Хорошо чувствовал самолет. В бою выводил машину на запредельные режимы, потому и побеждал».

В июне 1944 года еще будучи старшим лейтенантом Алексей Иванович возглавит эскадрилью. Через два месяца ему присвоят звание капитана. Теперь в наградных листах появятся новые формулировки.

«За период боевых действий показал себя умелым организатором и руководителем эскадрильи. На поле боя действиями подчиненных руководит грамотно.

Под его командованием эскадрилья участвовала в боях на Ковельском направлении, при взятии городов Пинск, Холм, Люблин, Демблин, при прорыве линии обороны на западном берегу р. Висла. За это время эскадрилья сделала 225 успешных боевых вылетов».

За умелое руководство эскадрильей в августе 1944 года капитан Алексей Лебедев будет удостоен ордена Александра

Невского.

А в марте 1945 года наступит его звездный час. На подпись командующему 1 — м Белорусским фронтом Маршалу Советского Союза Георгию Константиновичу Жукову представят наградной лист. На первой странице будет указано: «Лебедев Алексей Иванович, гвардии капитан, командир эскадрильи 71-го гвардейского штурмового авиационного Краснознаменного полка. Представляется к званию Героя Советского Союза».

«За произведенные 82 успешных боевых вылета на самолете ИЛ-2 на штурмовку и бомбардировку войск и техники противника, за проведение 11 воздушных боев с истребителями немцев, за лично сбитые 4 самолета противника, за проявленное мужество, отвагу и геройство — достоин награждения высшей правительственной наградой — присвоения звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали “Золотая Звезда”».

Маршал Жуков подпишет этот наградной лист 17 марта 1945 года.

Но ничего этого не знал комэск Лебедев. К тому времени он уже находился в Москве, был зачислен слушателем подготовительного курса командного факультета Военной академии командно-штурманского состава ВВС Красной армии.

Готовились на подготовительном полгода, а потом их зачислили на первый курс академии.

В мае 1946 года состоится указ Президиума Верховного Совета СССР, и на груди Алексея Лебедева засверкает «Золотая Звезда» Героя.

После окончания‘академии майор Лебедев приказом Главкома ВВС будет назначен командиром штурмового авиаполка на Дальний Восток. Следующая служебная ступенька — старший инспектор-летчик управления боевой подготовки ВВС. Казалось бы, военная карьера Алексея Ивановича складывается вполне успешно. Ему всего тридцать лет, а он уже прошел основные авиационные командные должности — командир звена, эскадрильи, полка, служит в управлении боевой подготовки. За спиной бесценный фронтовой опыт, знания, обретенные в академии, авторитет летчика-аса, Героя Советского Союза. Казалось бы, служи да радуйся. Собственно, это и делает Лебедев. Но жизнь удивительно непредсказуемая штука. Однажды Алексею Ивановичу предлагают сменить профессию: из авиации перейти в… разведку.

И в этом не было ничего удивительного. Военная разведка всегда отбирала лучших. А Лебедев без сомнения лучший.

Правда, в авиации. А что ждало его в разведке? На этот

вопрос, смешно сказать, но он не мог себе ответить даже в общих чертах. Поскольку представление о работе разведчика было весьма смутное.

И все же, все же… Было в этом предложении нечто привлекательное. Спроси, что? Вразумительно не сможет объяснить. Только возьмет баян, растянет мехи — и заведет, заиграет мелодию, растревожит душу.

Вернувшись из тяжелого боевого полета, когда от усталости и пережитого нервного напряжения и пальцем-то пошевелить невмоготу, Алексей доставал из чехла баян, и вздыхали басы под его быстрыми пальцами. Текла мелодия, заполняя комнату, грустнели лица боевых товарищей, а ему так лучше думалось. Он по минутам перебирал бой — маршрут до цели, нанесение удара, подавление зениток, выход… Как свалились на голову немецкие истребители. Как действовал сам, его ведомый, летчики эскадрильи.

Играл, звенел баян. Звуки то взлетали вверх, то падали словно в пике вниз. Комэска Лебедев знал, что скажет завтра он своим летчикам, чему научит, подскажет. А что он скажет сегодня себе? Давно уж нету хищных «мессеров», заходящих со стороны солнца. И самолеты его полка мирно дремлют на аэродроме. От него ждут не разбора вчерашнего горячего боя, а простого и ясного ответа — уходит он из авиации в разведку или остается.

Одно знал твердо, если он соглашается на предложение, его вновь ждет академия, на этот раз военно-дипломатическая, по сути, опять «студенческие годы», освоение совершенно новой незнакомой воинской специальности. Не трудно посчитать, что поступив в академию в 31 год, он закончит ее в 35. И будет еще «молодым» и «зеленым» военным дипломатом. В общем, 9* 259 как подшучивали друзья-авиаторы: «Ты, Леша, станешь там настоящим карьеристом». Словом, хоть так прикидывал, хоть этак, — все было против. И только сам Лебедев оказался «за». Он дал согласие, и жизнь его бросила в крутое пике.

2

…В 1955 году Лебедев завершил обучение в военно-дипломатической академии. Как и предыдущую академию ВВС, он окончил ее с отличием. Его направили в Париж, сразу на высокую должность военно-воздушного атташе. Возможно, здесь сыграла свою роль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза. Впрочем, в ту пору в Главном разведуправлении служило немало героев. Люди они в любом коллективе заметные, пользующиеся

авторитетом, безусловно преданные своей стране, потому и попадали в поле зрения кадровых органов ГРУ.

«Однако, — как сказал мне однажды старый заслуженный генерал ГРУ, — не все герои преуспели на поприще военной разведки. На войне нужна смелость. Безусловно, все они были смелые ребята. Но в разведке одной смелости мало».

Это, без сомнения, понимал и Лебедев. Тем более что с первых дней обучения будущая профессия стала преподносить сюрпризы. Главным сюрпризом стал… французский язык.

Дочь Алексея Ивановича, Светлана, вспоминая, как отец сидел за французским и день и ночь, говорит: «Ну какие знания иностранного языка? Представьте себе маленький хуторок в Костромской губернии. В семье семеро детей. Старшие и в школу-то не ходили. Из довоенных один отец характер проявил, уперся, и его отпустили в школу. Бегал за несколько километров. Окончил семь классов, поступил в автомеханический техникум при заводе, потом авиационная школа, война. Какой французский?»

Преподавательница в академии, намучавшись с ним вдоволь, сдалась: «Лебедев, вы никогда не будете говорить по-французски. Это не реально». Вот такой, признаться, горький вердикт.

Однако она ошиблась. Он заговорил по-французски. Тем, кто знал Алексея Ивановича, я задавал вопрос: мол, как у Лебедева было с языком? Все с удивлением пожимали плечами: «С языком? Хорошо». А кто-то тонко подметил: «Знаете, его легкая природная картавость отлично срослась с французским».

Впрочем, трудности были не только с языком. Долгожданный Париж встречал советских военных дипломатов совсем не так, как им виделось из Москвы. Крепнущий ветер «холодной войны» выдувал остатки теплых, добрососедских отношений.

«Мы имели за плечами боевой опыт, академию, — вспоминал однокурсник и друг Лебедева генерал Владимир Стрельбицкий, — но были еще “зелеными” новичками в стратегической разведке. Обстановка во Франции в ту пору была сложная. Отношения к нам со стороны как официальных властей, так и населения, далеко не дружественные. Порой, узнав, что ты советский, могли и в лицо плюнуть. Сидишь на стадионе, кто-то заговорил с тобой, как только узнал, что из Советского Союза— встает и уходит.

В прессе постоянно нагнеталась атмосфера актисоветизма, шпиономании. Поэтому работать было тяжко. Мы приехали, а военный атташе полковник Зотов говорит: ищите информацию по газетам, журналам, отслеживайте, пишите. Особенно ничего и не требовал, поскольку такая вот сложная оперативная обстановка

была.

Однако мы рвались в бой. И не собирались отсиживаться в резиндептуре, перелистывая газеты. Вот тоща Алексей Иванович Лебедев и проявил свои недюжинные способности. Он находил и вербовал людей, которые творили чудеса!..»

Что же это были за люди?

Один из них Джованни Ферреро, итальянец по происхождению, редактор в компании «Фиат-Франс». Он работал секретарем и доверенным лицом начальника управления вооружений и авиации фирмы «Фиат».

В 1971 году это управление поглотила государственная авиакомпания «Аэра Италиа». Ферреро, пользуясь дружескими отношениями с руководителем управления, имел доступ к секретным материалам компании. Среди этих материалов была и документация, которая поступала из НАТО.

«Джованни Ферреро, — пишет в своей книге Тьерри Вольтон «КГБ во Франции», — передал почти 1,5 кубометра документов, в частности, касающихся: автоматической системы НАТО для наземного управления средствами ПВО; консультативной промышленной группы НАТО (организации, занимающейся стандартизацией промышленного оборудования для армий стран НАТО); программы совместных исследований в области вооружений (американской организации, которая осуществляла некоторые военные проекты стран — членов НАТО); организации снабжения вооруженных сил НАТО; европейской научно-исследовательской организации по ракетам; сведений об американском самолете “F-104”, в числе которых отчет о летных испытаниях; сопоставительный доклад ВВС США о летных испытаниях американского истребителя “G-91 Fiat”; отчетов о различных совещаниях и исследованиях ОЭСР (организации экономического сотрудничества и развития, штаб которой находился в Париже)».

Тьерри Вольтон утверждает, что этого ценного агента завербовал военно-воздушный атташе СССР во Франции полковник Алексей Лебедев.

Джовашш Ферреро входил в разведгруппу Сергея Фабиева. Их арестовали в марте 1977 года. Сначала Фабиева, потом Ферреро, Роже Лаваля, Марка Лефевра.

«Группа Фабиева работала с 1963 года до конца декабря 1974-го, когда деятельность ее по таинственным причинам прекратилась», — пишет Вольтон.

Сегодня эти таинственные причины достаточно хорошо известны. Центр прекратил свою работу с группой Фабиева неспроста. В ГРУ уже давно просчитали, что в их рядах работает

«крот».

«Мы прекратили работу с группой Фабиева, — вспоминает ветеран военной разведки, генерал-лейтенант в отставке Юрий Бабаянц, — еще в октябре 1973 года. Сделано это было по указанию Центра. Когда в 1977 году Фабиева и его группу арестовали, я готовил докладную в ЦК партии. Написали как обычно, что, очевидно, агент допустил оплошность, потерял бдительность. Начальник управления генерал Борис Дубович возвратился от Ивашутина и говорит: “Все нормально. Надо только в докладной кое-что поправить. Там Петр Иванович написал”. Я открыл папку и вижу в докладной зачеркнута моя фраза об оплошности агента и рукой начальника ГРУ написано: “В результате предательства”.

Бегу за генералом Дубовичем. А он говорит: “Пиши так, как сказано”. О чем это говорит? Уже в 1972–1973 годах было ясно: из ГРУ идет утечка. Потому и работу остановили».

Однако вычислить предателя было крайне сложно. Тем более что им оказался такой матерый агент, как генерал Поляков. Поэтому, к сожалению, остановка оперативной деятельности не спасла агентов группы Фабиева. Контрразведке удалось вычислить их даже по косвенным признакам, арестовать и отдать под суд.

«Да, Джованни Ферреро был весьма эффективным и полезным источником, но настоящей звездой на небосклоне военной разведки конца 50-х — начала 60-х годов стал суперагент Мюрат. Он проработал с нами десять лет. Удостоился высшей награды СССР — ордена Ленина. Мюрат носил звание полковника, был офицером штаба НАТО в Западной Германии. Имел доступ к самым секретным документам Североатлантического альянса.

Он первым добыл и передал нам “План Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами НАТО в Европе № 110/59 от 01.01.1960 года по нанесению ядерных ударов”».

Когда материалы этого плана представили руководителю Советского Союза Никите Хрущеву, тот был в шоке. Прошло всего полтора десятка лет со времени окончания Второй мировой войны, а США уже отработали документ о ядерном уничтожении СССР — своего недавнего союзника в борьбе с фашизмом.

В плане было подробно расписано, на какие советские города, промышленные и военные объекты американцы планируют сбросить атомные бомбы. Кроме того, кратко оценивался характер будущей войны, определялись задачи и давались указания по взаимодействию.

В приложениях определялись силы и средства ядерного

нападения, их распределение на театре военных действий, приводилась характеристика целей и определялся порядок их уничтожения.

Что испытывал Никита Хрущев, получив этот документ? По сути, руководитель Советского Союза держал в руках похоронку на свое Отечество. О чем он думал, читая американские планы уничтожения собственной страны? Что вообще может чувствовать нормальный человек в эти минуты?

Несомненно, это была величайшая победа нашей военной разведки. Путь суперсекретного плана из тайного сейфа НАТО до кремлевского кабинета Хрущева оказался опасным и тяжелым. Но он был успешно пройден и документ добыт. И добыли его по существу два человека — агент Мюрат и его руководитель Алексей Лебедев. Да, безусловно, работали они не в гордом одиночестве. Их направлял, оберегал Центр, резидентура ГРУ во Франции. Помогали, прикрывали коллеги Лебедева, но надо сказать четко и однозначно — завербовал Мюрата именно он — военно-воздушный атташе СССР, Герой Советского Союза Алексей Иванович Лебедев. А вот как это произошло — история интересная и познавательная.

Познакомились они на приеме у известного мецената и киномагната Шарля Спаака. Лебедев беседовал с американским генералом, когда к ним подошел Спаак и представил полковника ВВС Франции. Оказалось, тот служил в одном из штабов НАТО в Западной Германии.

Алексей Иванович кое-что слышал об этом французском полковнике. В офицерской среде натовцев тот позволял себе некоторую экстравагантность и фрондерство, пользуясь своей принадлежностью к старинному французскому роду. Говорили разное: одни считали его анархистом, свободомыслящим человеком, другие, наоборот, утверждали, что он честью и правдой служит американцам и является их человеком.

Позже Лебедев узнает, что и француз заочно тоже слышал о нем. Все-таки они оба боевые летчики. А Алексей Иванович — советский военно-воздушный атташе. Храбро воевал с фашистами. Его хорошо знали французские ветераны легендарного полка «Нормандия-Неман», воевавшего на Восточном фронте, бок о бок с советскими пилотами.

Полковник в отставке Иван Лазарев, в ту пору служивший инспектором ГРУ, вспоминает: «Французская резидентура была очень активной. Номер один резидентура. По крайней мере в Европе.

А Алексей Иванович Лебедев — Герой, боевой летчик! Он был вхож в самые высокие авиационные круги Франции. Среди его

хороших знакомых — генералы и старшие офицеры, прошедшие войну.

На вид он угловатый, этакий костромской медведь, но дружить умел, всегда был душой компании. Мог ночь напролет пить, “гудеть”, гостей умел потчевать, угощал грибочками деревенскими. В общем, понравились они друг другу.

Думаю, сыграл свою роль и тот факт, что Мюрат с антипатией относился к американцам. Не любил их за высокомерие, снобизм, желание всюду командовать».

Спаак, представив француза, вскоре удалился. Вместе с ним ушел и американский генерал. Полковники, летчики — советский и французский остались вдвоем. Признаться, в тот вечер Лебедев видел перед собой старшего офицера НАТО, и уж если не врага, то далеко не друга. Ожидал услышать очередную словесную атаку по различным проблемам «холодной войны». Сколько уж их выдержал советский атташе, не счесть. Но француз и не собирался пикетироваться, был на удивление доброжелателен, весел. Стали вспоминать фронтовые будни, боевые эпизоды, курьезные случаи.

Французский полковник оказался летчиком-истребителем. Лебедев сказал, что воевал на штурмовике ИЛ-2.

— О! Серьезная машина. Сколько боевых вылетов? — поинтересовался француз.

— Восемьдесят два. Четыре сбитых самолета, — ответил Лебедев.

— На земле? — полковник показал характерный жест, изображающий пике штурмовика.

— Нет, в воздухе.

— Ты, штурмовик, сбил четырех фашистов в воздушном бою? — изумился француз.

— Жаль, что только четыре…

Полковник рассмеялся. Он по-дружески взял Лебедева под локоть.

— Знаешь, Алексей! Я истребитель, а сбил всего пять самолетов. А ты, штурмовик, почти столько же. Фантастика! Ты настоящий русский ас.

Француз внимательно поглядел в глаза Лебедеву.

— Пойдем, выпьем за нашу победу!

Алексей Иванович был немало удивлен и обрадован. Выпили. Каждый рассказал о себе. Полковник без утайки поведал о службе в натовском штабе, о должности, которую занимал. Дал понять, что осведомлен о многих делах и проблемах, поскольку имеет доступ к соответствующим документам. Признался, что обстановка, в которой он работает, не простая. По роду службы

ему приходится находиться среди немцев и американцев. Первых он не любил за фашизм и трагедии войны. Ко вторым тоже относился с неприязнью, нередко говорил американским коллегам колкости. Француз охотно согласился на предложение встретиться еще раз.

Анализируя их первую встречу, беседу, Лебедев во многом сомневался. Не подстава ли это? Все складывалось уж слишком гладко. Высокопоставленный натовец, штабной офицер, имеющий доступ к секретным материалам, и вот такой открытый, запросто пошел на контакт. «Слишком крутой вираж ты заложил, Леша, — говорил себе Лебедев, — как бы не сорваться в штопор».

Опасения укрепились, когда француз не пришел на оговоренную встречу.

Казалось, их отношения закончились, так и не начавшись. Но судьба подарила им еще одну встречу. Недельки через три они случайно увидели друг друга в театре. Полковник извинился, сослался на служебные дела и предложил встретиться вновь.

Так и сделали. И эта встреча расставила все точки над «и». Француз раскрылся сразу. Он говорил, что США готовят войну против СССР и стараются втянуть в ее подготовку европейские страны. Отсюда и неприязнь его к американцам.

Чтобы подтвердить сказанное, полковник предложил показать, а возможно, и передать на короткое время материалы НАТО. Там документально зафиксировано, как Соединенные Штаты готовятся к новой войне. Только теперь к войне ядерной.

Лебедев слушал как огорошенный. Он готовился к трудной встрече, к спорам, убеждениям, отстаиванию своей позиции. Подыскивал веские аргументы, чтобы уговорить француза дать хотя бы какую-то устную информацию. А тот вдруг сам предлагает документальные материалы. Это даже выглядело подозрительно. Но Лебедев интуитивно почувствовал: полковнику можно и нужно верить. Он вполне искренен и правдив.

Алексей Иванович не ошибся. Правда, на первых порах, во время их редких встреч (ведь французу приходилось приезжать из Германии в Париж), полковник снабжал его в основном устной информацией. Она была тоже к месту, но, увы, не говорила о перспективности его нового знакомого.

И вдруг через полгода француз передает первый совершенно секретный документ штаба Верховного Главнокомандующего НАТО — приказ на проведение крупных учений «Фул Плей». Приказ объемный, 52 листа. В нем излагались планы руководства альянса по применению ядерного оружия в ходе боевых действий па Центрально-Европейском театре. Также документ содержал

описание замысла учений, состав сил, распределение зон боевых действий сторон, перечень целей, последовательность операций.

План натовских учений вызвал большой интерес у руководства Главного разведуправления. Центр неожиданно прозрел и увидел в полковнике ВВС не просто доверенное лицо, а перспективного, ценного агента. Ему был присвоен оперативный псевдоним Мюрат. Резидентура в Париже, в свою очередь, получила указание обратить самое пристальное внимание на будущего агента, закрепить его за разведкой, проявить внимание и заботу, нацелить на добывание конкретных документов по НАТО.

В то же время в Москве желали подробнее узнать, кто он, этот таинственный натовский полковник?

На подобный вопрос мог ответить пока один человек — Алексей Лебедев. Вскоре на столе у начальника европейского управления ГРУ генерал-лейтенанта Коновалова появилась шифрограмма из Парижа.

«Мюрат родился в богатой дворянской семье, — писал Лебедев, — Мюрат — барон. Своим титулом гордится. В семье все боготворили мать. Высокообразованная женщина, она прекрасно знала историю, особенно русскую. Ценила Россию. Любила русскую классическую литературу и музыку и прививала эту любовь сыну.

Войну начал как гражданский летчик. Эвакуировался в Англию. Переучился на боевые самолеты. Отражал немецкие налеты на Лондон, принимал участие в боевых действиях в Северной Африке, позже в Европе.

Нынешним прохождением службы недоволен. В коллективе выделяется независимостью суждений, прямотой и резкостью, что не нравится руководству.

Сознательно пошел на сотрудничество с нами, считая, что блок НАТО потенциально агрессивен и может втянуть мир в новую войну. К этому убежденно пришел трудным путем, изучая руководящие документы НАТО, и вопреки сильному влиянию родственников.

Имеет доступ к информации с грифом “Космик. Сов. секретно”, “НАТО. Секретно”.

От коммунистических идей далек, по искренне верит в мирные цели нашей политики.

По характеру вспыльчив, резок, немногословен, остроумен. Смел и решителен. Имеет болезненное чувство собственного достоинства.

Внешне по-мужски симпатичен. Поджар. У женщин пользуется успехом».

Вот таким виделся Алексею Лебедеву Мюрат. Тем временем их отношения успешно развивались. На очередной встрече с Лебедевым Мюрат передал три совершенно секретных натовских документа, подтвердив тем самым уникальные возможности и желание добывать ценные материалы.

Центр вновь обратился к фигуре Мюрата и подверг тщательному анализу проводимую с ним работу. Сотрудники оперативного управления сделали вывод: «… Мюрат обладает хорошими возможностями для добывания ценной документальной информации. К включению в агентурную сеть еще не подготовлен. Отношения и связь с ним не закреплены и не носят стабильного характера. Пока не ясен мотив его сотрудничества с нами даже для ведущего оперативного офицера».

Все написанное в аналитической справке соответствовало действительности. Начальник ГРУ согласился с мнением управления, однако взял переписку по Мюрату под личный контроль.

Действительно, мотив сотрудничества был пока не ясен для Лебедева. Сначала он считал, что здесь материальная основа, однако потом изменил свое мнение. Предложенное вознаграждение за материалы Мюрат отклонил, взял только небольшую сумму, чтобы возместить транспортные расходы, связанные с переездами из Германии во Францию. Как он сказал однажды Алексею Ивановичу: «НАТО мне командировочных не платит».

В очередном своем отчете о работе с Мюратом полковник Лебедев написал: «Мюрат будет нам помогать тем, что у него есть. Он сам рассматривает и просит нас рассматривать эту помощь как проявление симпатии к нашей стране.

Я понимаю, что разговор о цифрах стесняет его и он испытывает определенное неудобство. Нет нужды снова возвращаться к финансовому вопросу».

Казалось бы, работа налаживается. Лебедев понимал, что таскать секретные документы из Германии в Париж опасно, и предложил Мюрату переснимать их на фотопленку. Тот согласился.

Однако вскоре в работе оперативного офицера Лебедева и его агента произошел серьезный сбой. Он как раз и показал, что профессионализм обоих еще далек от совершенства, в сущности, и тот и другой не имеют серьезного опыта разведработы. У Лебедева, несмотря на весьма солидную официальную должность военно-воздушного атташе, это была первая зарубежная командировка, и ему еще предстояло стать маститым

разведчиком. Что же касается Мюрата, то он и вовсе делал свои первые шаги на сложном и опасном поприще.

А просчет заключался в следующем. На очередной встрече с Алексеем Ивановичем Мюрат передал кассету с фотопленкой с якобы отснятыми документами из штаба НАТО. Кассету отправили в Центр. Однако в кассете пленки не оказалось.

Расследование показало, что Лебедев, перед тем как передать кассету Мюрату, не проверил ее на наличие пленки. Центр расценил это как ЧП.

Следующим отличился Мюрат. Он отснял восемь кассет фотоаппаратом «Минокс». К глубокому огорчению сотрудников в Москве, пленки оказались нечитаемы. Лучшие техники ГРУ пытались «вытянуть» их, но увы, ничего из этого не получилось. Эксперты определили, что агент при экспонировании неправильно выставил расстояние. Мюрат был искренне огорчен, но ошибку не признал, объяснил «провальную» съемку недостаточным освещением.

Все это переполнило чашу терпения, и Центр вызвал Лебедева для объяснений в Москву. Здесь Алексей Иванович был заслушан на всех уровнях. Командование отметило его положительную работу с Мюратом, в частности, организацию фотографирования документов и ценность полученной информации. Однако его серьезно предупредили о недопустимости повторения срывов встреч и передачи пустых кассет. При этом были отмечены и некоторые другие недоработки в работе с источником. В частности, отказ Мюрата от безличных форм связи, излишняя спешка и краткость встреч.

Вместе с тем командование отметило, что Мюрат проявляет самостоятельность, трезво оценивает обстановку и действует с учетом объективных условий. В итоге Лебедеву было приказано продолжить работу с Мюратом, но вести ее максимально осмотрительно, чтобы не поставить под удар контрразведки ни себя, ни источник. Одновременно Алексею Ивановичу рекомендовать готовить Мюрата к работе с другим оперативным офицером, действующим под прикрытием советских гражданских учреждений.

Центр наметил еще три ключевых вопроса на этом этапе работы с Мюратом. Во-первых, учитывая его отрицательное отношение к оплате работы, открыть в резидентуре персональный счет на имя Мюрата на случай непредвиденных обстоятельств.

Во-вторых, организовать и провести встречу агента с представителем Центра.

И наконец, изучить и обсудить с источником его возможности, а также готовность информировать нас о планах

подготовки вооруженных сил НАТО к внезапному нападению на СССР.

После возвращения в Париж, на первой же встрече с Мюратом Лебедев обсудил эти вопросы. В целом реакция Мюрата была положительной, но как всегда неоднозначной. Он сказал, что готов работать с другим советским представителем при условии, что это будет надежный для него и преданный СССР человек. При этом добавил: «Я работаю не на Лебедева или кого-то другого. Я помогаю вооруженным силам Советского Союза». По поводу встречи с представителем Центра Мюрат ответил, что готов встретиться, хотя и не видит в этом особой необходимости. Он поблагодарил за открытие персонального денежного счета, но просил передать командованию: позиция остается прежней. Его задача добывать документальную информацию, а как ее оценивать — дело Москвы. По поводу возможности информирования о внезапном нападении вооруженных сил НАТО на СССР Мюрат сказал, что это серьезная проблема и над ее решением необходимо серьезно поработать.

Встреча Мюрата с представителем Центра была организована и проведена уже через три месяца после возвращения Лебедева из поездки в Москву. Из предложенных двух городов — Брюсселя и Парижа — Мюрат в интересах безопасности остановился на Париже. Кандидатуру для проведения инструктивной встречи с

Мюратом подбирали вдумчиво. В итоге выполнение этой задачи было поручено заместителю начальника европейского управления генералу Павлу Мелкишеву. Это был опытный, толковый разведчик с большим стажем зарубежной работы еще в годы войны. Он отлично владел английским языком.

Перед отъездом Мелкишев проанализировал все имевшиеся в Центре документы по работе с Мюратом с момента установления с ним знакомства. В его рабочих записях было более 50 вопросов служебного и личного характера, которые он хотел задать Мюрату. Сама постановка таких вопросов могла не только оживить беседу, сделать ее более открытой и доверительной, но и показала бы Мюрату, что высшее командование Вооружешгых Сил Советского Союза о нем знает и его работу высоко ценит.

Встреча состоялась ночью в загородном доме. Представитель Центра и агент вели себя просто и непринужденно. Беседовали на английском языке, который оба знали свободно. Это располагало Мюрата к большей откровенности. Разговор шел достаточно интенсивно, так как служебные обстоятельства диктовали время пребывания Мюрата в Париже. В его распоряжении было «окно» с 22 часов вечера до 7 утра.

Мюрат был откровенен. Он поблагодарил Мелкишева за

высокую оценку его труда и сказал, что сделает все возможное, чтобы добыть документы, с перечнем которых его ознакомили. Вместе с тем подчеркнул, что нельзя требовать и ожидать от него того, что он не в силах выполнить.

За дружеским ужином Мюрат рассказал обо всех нюансах, связанных с добыванием документов. И тут впервые выяснилась любопытнейшая деталь. Оказалось, что к большинству секретных материалов, которые Мюрат передавал Лебедеву, он не имел официального доступа. По своему служебному положению у него не было необходимости да и права знакомиться с этими документами. Вот так сюрприз! Разведчики замерли от удивления. Этого не знал никто: ни Лебедев, ни резидент, ни тем более представитель Центра.

Вновь открывшиеся обстоятельства ставили иные задачи по обеспечению безопасности агента. Но Мюрат тут же постарался успокоить собеседников: мол, ничего страшного, что он не имеет доступа к этим документам. Получаю их для ознакомления на дружеских основаниях. Нахожу солидную причину или, попросту говоря, — легенду. Он сообщил также, что фотографировать документы в служебных условиях сложно и опасно. Да и освещение оставляет желать лучшего. В общем, Мюрат нарисовал далеко не радостную картону получения, фотографирования и доставки документов из штаба НАТО в ФРГ во Францию.

Генерал Павел Мелкишев, откровенно говоря, был шокирован методами работы агента, когда узнал, что отснятые пленки он частенько хранит в своем рабочем сейфе, а перевозит в портфеле или просто в кармане. он предложил использовать тайники для хранения, транспортировки и передачи материалов. Мюрату тут же был показан тайник для пленок в обувной щетке.

Теперь настало время удивляться Мюрату. Он сказал, что старшие офицеры НАТО не таскают с собой обувные щетки. Агент отказался от использования тайников на местности. Не взял ои и громоздкий фотоаппарат «Экзакта». Относительно использования тайнописи Мюрат обещал подумать, но особого восторга это предложение у него не вызвало.

Мелкишев не стал спорить и убеждать Мюрата, а оставил эту проблему на будущее. Он только попросил его быть осторожным и предусмотрительным. Касаясь своих личных и служебных проблем, Мюрат сказал, что постарается разобраться в них лично, но учтет рекомендации разведчиков.

Цели встречи были достигнуты. Центр понял, с кем имеет дело. Вот такой он, их ценный агент, со всеми достоинствами и недостатками. В свою очередь, честолюбие Мюрата было удовлетворено. Он убедился, что командование советской

военной разведки в Москве знает о его работе и высоко ее ценит.

После отъезда генерала Павла Мелкишева из Москвы пришло указание: «… Мюрата передать на связь другому оперативному офицеру…» Резидент предложил на выбор пять канди датур, но все они были отклонены Центром. Наконец, остановились на полковнике Игоре Ананьине, который работал под крышей торгпредства. Опытный разведчик, фронтовик, работал за границей в Скандинавии.

После нескольких лет работы с Ананьиным Мюрата примет на связь капитан 2-го ранга Виктор Любимов. Ведь десять лет срок немалый.

За эти годы Мюрат вырастет в опытного, расчетливого, высокопрофессионального агента. Его феноменальные возможности поражали. Даже привыкший к «высшему пилотажу» Мюрата в добывании секретных документов, Центр нередко был поражен его умением действовать на опережение. Достаточно сказать, что за годы работы на советскую военную разведку он передал в Центр более 20 тысяч (!) листов секретных документов.

За свою деятельность Мюрат удостоился ордена Ленина и представлялся к званию Героя Советского Союза. Почему не получил «Золотую Звезду»? Увы, на этот вопрос вряд ли кто теперь ответит.

Что же касается вербовщика Мюрата — Алексея Ивановича Лебедева, — он благополучно возвратился в Москву из Франции. Его успешная работа была отмечена орденом Красной Звезды. Несколько лет он служил в Москве. Потом ему предложили новую командировку за границу. Кстати говоря, от этой командировки некоторые его коллеги бежали как черт от ладана.

3

…В тот день полковника Лебедева вызвал к себе начальник управления. Пригласил присесть. Разговор повел издалека. Вспомнили Францию, Париж. Алексей Иванович терпеливо ждал. В конце концов генерал его не на вечер воспоминаний пригласил. Действительно, вскоре начальник дошел до сути.

— Вот что, Алексей Иванович, есть предложение направить вас в командировку. Небось надоело сидеть в Москве

Лебедев улыбнулся.

— Разве от настоящего дела отказываются?

Казалось бы, генералу такой ответ как бальзам на сердце. А он почему-то замялся, поморщился и с хитрым прищуром сказал:

— Да видишь ли, непростая это командировка. Не Париж

предлагаю. Совсем не Париж.

Генерал помолчал, раздавил в пепельнице сигарету.

— Вот, говоришь, не отказываются. Еще как отказываются. На твоем месте уже двое сидели.

— И что? — удивился Лебедев.

— Да ничего, оба в отказ. У одного жена больная. А другой и причину искать не стал, говорит, знаете, товарищ генерал, я уже на той войне вдоволь навоевался. Больше не хочу. Так что ты не спеши, сначала подумай, прикинь. Можешь с женой посоветоваться.

Лебедев слушал неторопливую речь генерала и уже понимал: речь пойдет о Вьетнаме.

В июле 1964 года эсминец «Мэддокс» покинул японский порт Йокосука и двинулся в Тонкинский залив. В начале августа к нему присоединился эсминец «Тэрнер Джой». Теперь это была тактическая боевая корабельная группа. Она выполнила свою задачу.

4 августа радары «Мэддокса» обнаружили северо-вьетнамские торпедные катера и открыли огонь. Капитан Джон Гэрри сообщил о случившемся в штаб Тихоокеанского флота, который располагался в Гонолулу.

Напрасно адмирал Шарп пытался добиться ясного ответа: был ли бой? Атаковали ли северо-вьетнамские катера американские корабли? Утвердительного ответа он не получил. Да и, в сущности, ответ этот оказался никому не нужен. Огромная военная машина Соединенных Штатов была приведена в действие. 64 самолета стартовали с авианосцев «Тикондерога» и «Констеллейншн» и нанесли ракетно-бомбовые удары по целям в Северном Вьетнаме. Началась жестокая воздушная война.

Так что правду сказал генерал, это не Париж.

— Мы хотим предложить вам должность военного атташе во Вьетнаме, — подытожил начальник управления. — С ответом не тороплю.

— Не торопите? Но там же война.

Генерал вздохнул.

— Потому и не тороплю, Алексей Иванович.

— Ну что ж, — Лебедев встал, — я уже все обдумал. Согласен.

Вскоре полковник Лебедев уже был в Ханое. Сам путь из Москвы в столицу Северного Вьетнама оказался очень поучительным.

К сожалению, Алексей Иванович не оставил воспоминаний, но некоторые эпизоды он поведал дочери Светлане, а та в свою очередь нам. Позже я прочел выложенные в Интернете

воспоминания офицера наших зенитно-ракетных войск Кайма Шайхетдинова, который защищал небо Вьетнама от американских агрессоров. Его признания очень напоминают рассказ Светланы Алексеевны Старновской (Лебедевой).

«Летим по маршруту Москва — Иркутск — Пекин — Ханой. Никто не знает, где, сколько придется быть.

В Пекин прилетели рано утром 16 марта. Столичный аэропорт Китая был совершенно пуст. Не было привычных очередей у касс, ожидавших своего рейса пассажиров, встречающих с букетами цветов.

В стране идет революция. Культурная. Позже мы поняли, что пустые залы объясняются не только занятостью людей революцией. В то время в Китае авиация была плохо развита. В гражданской авиации числилось буквально несколько десятков самолетов. Из-за дороговизны билетов полеты на них были недоступны простым людям.

Сидим в одном из залов. Недалеко открылся киоск. Две девушки в униформе выставили книжечки, брошюрки. Яркокрасные цитатники Мао Цзедуна.

В зал вошли дети детсадовского возраста. В руках у них портреты Мао или плакаты. На них есть надписи и на русском языке.

Через несколько секунд по взмаху руки воспитательницы дети начали петь. Поют старательно, громко. Поют о неугасающем красном солнце, необъятной и могучей стране Востока, а также о советском ревизионизме.

…До Шанхая летим китайским рейсовым самолетом. Во время полета нам опять показали концерт. На этот раз силами экипажа и пассажиров-китайцев. На русский переводит стюардесса. Мы “отступники от диктатуры пролетариата”, “советские ревизионисты” слушали. Куда уйдешь?»

В Шанхае концерта не было, вспоминает Шайхетдинов, но там соглашались покормить проголодавшихся советских специалистов после того, как они подпишут какие-то бумаги. Но какие? Подписывать отказались, остались голодными.

Далее — аэропорт Чанска. Здесь «советским ревизионистам» устроили еще более мощный пропагандистский концерт.

«Организаторы концерта, — пишет Шайхетдинов, — превзошли своих коллег из других городов. По вражде, злобе. Здесь конкретно назывались фамилии руководителей компартии Советского Союза и государства. Рекой лилась настоящая пропагандистская грязь».

В Наннине, небольшом городке на юге Китая, советских специалистов к самолету «провожали» толпы солдат с

зажженными факелами.

После такой эмоциональной «зарядки» на пути из Москвы во Вьетнам было о чем подумать, поразмышлять.

В аппарате полковника Лебедева трудились три офицера — Евгений Легостаев, Иван Шпорт и Илья Рабинович. Задач было много. Как говорят, на войне как на войне. Но главные — добывание и изучение американской боевой техники и оружия, отправка ее на родину, в Советский Союз с целью совершенствования и разработки отечественных образцов.

Здесь под руководством Лебедева и его офицеров трудилась группа советских специалистов. В нее включались опытные военные инженеры из различных министерств оборонной промышленности — Миноборонпрома, Минмаша, Минавиапрома, Минрадиопрома. В состав этих групп, как правило, включались спецы из военно-воздушной академии, НИИ Минобороны.

Некоторые трофейные образцы американского оружия и техники передавали советским специалистам сами вьетнамцы, в частности, инженерное управление Генштаба Вьетнамской народной армии. Но это была лишь малая толика. Основные образцы приходилось добывать самим. Снимали их со сбитых самолетов, вертолетов, беспилотников.

В Москву были отравлены многочисленные образцы американской авиационной техники, боеприпасов, радиоэлектронной аппаратуры, информационных документальных материалов.

Журналист-международник Михаил Ильинский, сам прошедший фронтовыми дорогами Индокитая, в своей книге «Вьетнамский синдром. Война разведок» пишет: «Военный атташе Алексей Иванович Лебедев… готов был залить спиртным каждого (деньги были не в ходу), кто принесет ему хоть какую-либо электронную деталь от сбитого американского самолета».

Однако несмотря па такую «высокую плату» — приносили редко. Что значит добыть не сработавший авиационный боеприпае или снять некий электронный блок с самолета? Это надо проникнуть на территорию, где только что шли бои, и рискнуть жизнью. Так что зачастую приходилось рисковать самим.

По заключению Военно-промышленной комиссии работа военного атташе, его офицеров, специалистов группы оказали неоценимую помощь нашим ученым и конструкторам-оборонщикам, сэкономили крупные денежные средства, сократили сроки разработки отечественных образцов оружия и техники.

«У нас очень грамотно делало свое дело Главное разведывательное управление Генерального штаба, — пишет в

своих мемуарах один из ведущих конструкторов КБ Сухого Олег Самойлович. — Там работали специалисты, очень квалифицированные инженеры».

Второй, не менее важной задачей военного атташе Лебедева и его аппарата был анализ тактических приемов ведения боевых действий США в условиях Вьетнама, а также способов боевого применения нового оружия и техники.

Тот же Ильинский отмечает: «Аппарат военного атташе Героя Советского Союза, боевого летчика, в то время полковника Алексея Иванович Лебедева (позже генерал-майора авиации), определил, что МиГи-17 и 21 с вьетнамскими летчиками были способны воевать наравне с любыми типами американских самолетов. А “непобедимые” в 50-х годах “B-52”, как и истребители-бомбардировщики с меняющейся геометрией крыла “F-11A” — новинки авиации США, — “щелкались” ракетными дивизионами. И зачем сейчас американцам об этом вспоминать?! Не выигрышная “реклама” на рынке оружия. Да и удар по чувствам американского патриотизма».

При этом следует отмстить, что истребительная авиация противовоздушной обороны и ВВС Вьетнамской народной армии уступала авиации США в среднем в 8—11 раз на различных этапах войны. Тем не менее в ходе ведения боевых действий с американцами были внедрены такие важнейшие принципы, как внезапность, активность и решительность действий с превосходящими силами противника, и даже при неблагоприятных условиях ведения боя.

Помните четыре фашистских истребителя и один штурмовик Алексея Лебедева? Это и есть те самые неблагоприятные условия боя с превосходящими силами противника. Так что генералу авиации Лебедеву было чему научить своих вьетнамских коллег.

В свою очередь активные и результативные действия пилотов В НА заставили американцев выделять значительные силы для боевого обеспечения авиационных групп. В общем составе ударного «авиационного кулака» группы обеспечения составляли от 20 до 50 %.

Военный атташе, его офицеры, советские военные специалисты вместе с вьетнамскими летчиками разработали и умело применяли во фронтовой обстановке такие тактические приемы ведения воздушного боя, как «одновременный удар», «глубокое проникновение», «демонстративный маневр».

Вьетнамские летчики воевали храбро и умело. В 1968 году истребительная авиация В НА сбила 44 самолета и, что особенно важно, 86 % из них с первой атаки. В 1972 году все 89 самолетов были сбиты с первой атаки.

В этом же году будущий вьетнамский космонавт, летчик Фам Туан па истребителе МИГ-21 сбил ракетой американский В-52.

Во всех победах пилотов есть несомненный вклад и советского летчика-аса военного атташе Алексея Ивановича Лебедева.

Работать во Вьетнаме приходилось много и напряженно. По-иному было нельзя. Так работали все советские генералы, офицеры, гражданские специалисты.

Климат для советского человека, выросшего в средней полосе России, сложнейший: высокая температура воздуха и стопроцентная влажность.

В аппарат военного атташе постоянно шли доклады: среди советских военнослужащих есть, пусть и единичные, заболевания энцефалитом, вспышки дизентерии, пищевые отравления. А влияние боевой обстановки — стрессы, связанные с угрозой бомбежек, длительный отрыв от родных и близких.

Были и иные неприятные сопутствующие обстоятельства. Например, китайцы. Офицер-зенитчик Каим Шайхетдинов, которого мы цитировали ранее, так пишет о встречах с китайцами:

«Граждан Демократической Республики Вьетнам китайского происхождения в стране много. Если прибавить к их числу китайцев-военнослужащих, введенных по обоюдному соглашению, то они на каждом шагу. В кузовах машин китайские солдаты стояли набитые битком. Ехали с поднятым верхом, портретами Мао Цзедуна. Оружие всегда при себе.

Вьетнамские товарищи старались возить нас по дорогам, где китайцев не было. Но если требовала обстановка, приходилось ехать и мимо них. Сколько мы простаивали из-за них на дорогах, переправах. Остановив нашу машину и узнав, что едут “лиенсо”, они окружали нас, начинали выкрикивать ругательства, бросали камни, сыпали на крышу землю, песок. Чтобы мы не могли двигаться, впереди машины ставили «козлы» из оружия, портреты Мао. Попробуй тронь.

Отношения были не просто натянутыми, порою откровенно враждебными. В этих условиях президенту Хо Ши Мину приходилось вести очень гибкую политику в отношении СССР и Китая. Один неверный шаг мог привести к серьезным последствиям».

Далее автор воспоминаний говорит, как оценивал советско-китайские отношения во Вьетнаме Лебедев.

«Военный атташе при посольстве СССР во Вьетнаме генерал Алексей Иванович Лебедев говаривал, что этот баланс временами держится на волоске и опасно шатается. Были какие-то

неведомые силы, которые искусственно раскачивали этот волосок».

Однако самым тяжелым был не климат, не дизентерия с энцефалитом, и даже не озлобленные фанатичные китайцы.

Самым тяжелым и опасным была сама война. На той второй войне генерала Лебедева спасло чудо. Вот как об этом рассказывает его дочь Светлана:

«Отец с матерью едва не погибли. Все дипломаты жили в одном районе, недалеко от Ханоя. И американцы, которые регулярно бомбили столицу Вьетнама, прекрасно знали этот городок. Там располагались дипломаты из разных стран. Их, естественно, не бомбили. Но война есть война. И вот “слепой” заблудившийся “шрайк” прилетел в спальню Лебедевых. К счастью, мать с отцом уже встали. Папа пошел умываться, он брился, мама — готовила завтрак. Хотя обычно она в это время спала. А тут словно почувствовала, поднялась, хлопотала на кухне.

Удар, обвалилась стена. Журналисты потом писали, он, мол, такой мужественный человек, даже не вздрогнул, не обрезался. Да, он мужественный человек, но погибнуть почти через четверть века после войны перспектива не радужная».

…В 1968 году Лебедев вернулся из Вьетнама. За работу в Ханое удостоился ордена Красного Знамени с цифрой «3». Это означало, что на груди появился очередной, на этот раз третий очень авторитетный и любимый фронтовиками орден.

В Москве Алексея Ивановича долго не задержали. Предложили поехать военным атташе в Алжир. По тем временам не самая спокойная должность. Еще не закончилось бурное десятилетие 60-х годов, когда эта страна пережила многочисленные потрясения — войну, борьбу за независимость, Эвианское соглашение 1962 года, референдум и, наконец, долгожданную свободу, а вместе с ней и массу проблем. Одна из которых — многочисленные минные поля на границе с Марокко и Тунисом. Своими силами алжирцы справиться с таким количеством мин не могли. Они обратились за помощью к Западной Германии, Италии, Швеции, но им отказали. Советский Союз согласился оказать помощь в уничтожении минно-взрывных заграждений. Туда прибыла одна оперативная группа советских инженерных войск, потом вторая. За три года советские саперы обезвредили 1,5 млн мин, разминировали 800 км минно-взрывных полос, очистили 120 тыс. гектаров земли.

Потом приехали советские советники и специалисты, которые помогали создавать национальную армию страны.

Так что у Алексея Ивановича Лебедева в Алжире хватало

забот. Однако, как говорят, пути Господни неисповедимы. Он был неожиданно вызван в Москву и получил новое назначение — военным атташе в Париж.

По возвращении из Франции генерал-майор Лебедев возглавил факультет в военно-дипломатической академии. Несколько лет преподавал опыт молодым, а в 1975 году был назначен военным атташе в Берлин, в Германскую Демократическую Республику.

По возвращении из ГДР уволился в запас.

…Помнится, несколько лет назад генерал-майор Владимир Стрельбицкий, друг и однокашник по академии, сказал о Лебедеве прекрасные слова. Я записал их на диктофон. Этими словами и хочу закончить свой рассказ о воздушном асе, Герое, выдающемся разведчике.

«Алексей — человек большой души. Весельчак. Балагур. Довольствовался малым. Не было собственной квартиры, жил на съемной. Как все. А ведь он — Герой Советского Союза.

Любил Россию, ее песни, стихи. Возьмет баян, растянет мехи: “Я люблю тебя Россия, дорогая сердцу Русь…”

Парижане на окна смотрят. Удивляются. Улыбаются…»

ИВАН САКУЛЬКИН — РУССКИЙ МАТРОС

Когда встречаешься с теми, кто знал контрадмирала Сакулькина, и произносишь его имя, они всегда улыбаются: «Иван Сакулькин — русский матрос». Он закончил военно-морскую спецшколу,

Каспийское военно-морское училище, служил на кораблях Балтийского флота. И даже когда его пригласили в разведку, оставался верен флоту — служил в аппарате военно-морского атташе, был помощником, старшим помощником, военно-морским атташе в Великобритании и в США.

Сегодня о нем наш рассказ.

Октябрь 1986 года. Государственный департамент США объявляет «персоной нон-грата» пять советских дипломатов. Более того, американцы дополнительно требуют высылки из страны еще 50 дипломатов. Предлагают свой список. Объясняют это тем, что следует уравнять количество дипломатических сотрудников обеих стран.

В списке оказался и военно-морской атташе Советского Союза, он же руководитель советских военных аппаратов в Соединенных Штатах контр-адмирал Иван Павлович Сакулькин.

Решение Госдепа тут же было подхвачено средствами массовой информации США, и газеты, журналы, телевидение не унимаясь трубили «о незаконной и несовместимой» с дипломатической деятельностью сотрудников посольства СССР.

Контрразведка внесла свой вклад в нагнетание атмосферы антисоветизма и шпиономании. За высылаемыми работниками была установлена круглосуточная, демонстративная слежка. Судя по обилию бригад, на ноги подняли едва ли не всех сотрудников ФБР. Наблюдение вели агенты на автомашинах разных марок и годов выпуска, а также пешие «топтуны».

Куда бы ни пошел, ни поехал в эти дни контр-адмирал Сакулькин, вслед ему дышали детективы ФБР — белые, негры, азиаты — мрачные, агрессивные, готовые на любого рода провокации.

На сборы советским дипломатам Госдеп дал десять суток. Москва, чтобы забрать своих сотрудников с семьями, решила прислать самолет ИЛ-86.

Каждый из отъезжающих коротал эти дни по-своему. Кто-то гулял напоследок, кто-то паковал багаж, а вот адмиралу Сакулькину было не до гульбы. Наступили, пожалуй, самые

напряженные дни и ночи. Вместе с ним уезжал на родину и военный атташе, который прибыл в США всего неделю назад. Он тоже угодил в «Госдеповский список». Но и это еще полбеды. В военных аппаратах не оставалось ни одного заместителя, кому можно было передать дела.

Центр приказал оставить за себя одного из помощников. Однако тот, по вполне понятным причинам, не в силах был охватить столь огромный объем работы, разобраться во многих деталях и тонкостях деятельности резидентуры.

И тем не менее адмирал Сакулькин сделал все возможное. Он сутками не вылезал из аппарата, но сумел подготовить и передать финансовые, хозяйственные и представительские дела, оперативную и информационную переписку с Центром, разработать план перераспределения функциональных обязанностей исходя из новых условий, наметить будущие задачи и определить пути их решения.

В печати и на телевидении обывателям усердно навязывалась мысль, мол, наконец-то с помощью жестких и решительных мер администрация Рейгана обезоружила советские внешнеполитические и разведывательные органы на территории США. На многие годы она лишила их реальных возможностей по добыванию информации. Но американцы просчитались.

Конечно, высылка столь значительного количества дипломатов, среди которых, естественно, были и сотрудники разведки, обескровило резидентуры, но не остановило их работу. Наша разведка переживала и худшие времена.

До отлета в Москву оставалось еще несколько дней, когда на имя адмирала Сакулькина пришло неожиданное приглашение. Руководство военно-морских сил США просило нанести прощальный визит в Пентагон. Откровенно говоря, подобный шаг немало удивил Ивана Павловича. Тем не менее он приглашение принял.

В назначенный день вместе с помощником выехал в военное ведомство. Их автомобиль на этот раз сопровождало три машины контрразведки.

На подъезде к Пентагону колонну затормозили у шлагбаума. Попросили подождать, ссылаясь на отсутствие заявки на пропуск.

Прошло пять минут, десять, двадцать. На дороге образовалась пробка. Засуетились агенты ФБР, сопровождающие машину адмирала. Наконец шлагбаум поднялся, въезд разрешили.

У центрального подъезда советского военно-морского атташе встречал начальник отдела внешних сношений кэптэн Бронсон. Он был уполномочен сопроводить Сакулькина и его помощника к

начальнику разведки ВМС США.

Двигаясь по лабиринтам коридоров Пентагона, Иван Павлович обратил внимание на молодую миловидную женщину, которая следовала буквально по пятам за ними. Её Сакулькин заметил еще в дороге, в головной машине, потом суетившейся у шлагбаума. Без сомнения, это была агентесса ФБР, и скорее всего руководитель группы контрразведчиков.

Иван Павлович не преминул сыронизировать, обратившись к Бронсону:

— Господин кэптэн. Благодарю за оказанную честь.

Бронсон удивленно посмотрел на адмирала, не совсем понимая, о чем идет речь.

— В отличие от предыдущих дней я удостоен большого внимания. Меня сопровождает такая прекрасная женщина.

Кэптэн оглянулся и был крайне смущен. Действительно, их сопровождала представитель ФБР. А Сакулькин еще больше подливал масла в огонь:

— Возможно, дело не во мне, коллега? А тот, кто служит в этом здании, находится под подозрением у «большого брата».

Шеф отдела внешних сношений не нашелся что ответить. Он так и не проронил ни слова.

Начальник разведки военно-морских сил адмирал Студеман встречал Сакулькина у своего кабинета. К удивлению Ивана Павловича, агентесса зашла в кабинет адмирала следом за ними. Стало быть, ее здесь хорошо знали, и шумный спектакль с сопровождением, ожиданием у шлагбаума разыгран с благословления руководства ВМС.

Как обычно, гостям предложили кофе и началась протокольная беседа.

— Господин адмирал, — сказал Студеман, — руководство военно-морских сил сожалеет о случившемся. Мы выступали против такого решения. Но оно было принято высшим политическим руководством страны.

Откровенно говоря, после таких слов даже столь опытному и закаленному военному дипломату стало не по себе.

— Господин Студеман, — ответил Сакулькин, — вы получили адмиральское звание совсем недавно, а я уже десять лет назад, и поэтому прекрасно знаю, как решаются подобного рода вопросы.

Ни сапожник, который шьет сапоги, ни пирожник, пекущий пироги, как правило, их не носит и не ест, но делает это для других. То же самое творят клерки, готовящие предложения для руководства. А оно в свою очередь принимает решения, в том числе и политические.

По лицу было видно — адмирал Студеман понял «тонкий»

намек коллеги.

Побеседовали еще. Все больше говорил гость: о Договоре по предотвращению инцидентов на море и в воздушном пространстве, в разработке которого Сакулькин принимал участие вместе с начальником штаба ВМС адмиралом Тростом, о людях Америки, о стране, о знакомых в политических и военных кругах США.

Выразил сожаление Иван Павлович и принятым руководством США решением. Сказал, что время рассудит. И оказался прав. Не прошло и двух лет, как Госдепартамент США поднял вопрос об увеличении дипломатических и технических должностей как в Вашингтоне, так и в Москве.

Пытался Студеман вручить адмиралу Сакулькину и традиционный подарок по случаю отъезда, но Иван Павлович отказался. В данных обстоятельствах не до подарков. На том и расстались…

… Наступило 31 октября 1986 года — день отъезда. На территории жилого комплекса посольства проводить своих коллег собрались дипломаты с семьями. Среди отъезжающих распространился слух, что на родине, в Москве им готовят большую встречу. Мол, в Шереметьево прибудут высокие партийные деятели, военные руководители.

Потом была дорога в международный аэропорт «Даллас», толпы фото- и тележурналистов на смотровых площадках. Наконец они в самолете. Лайнер разбежался по взлетной полосе и поднялся в воздух.

Вспоминая этот момент, Иван Павлович Сакулькин как-то скажет: «Все грязное, злобное, чужое осталось позади и сегодня воспринимается как кошмарный сон».

Утром 1 ноября ИЛ-86 приземлился в аэропорту «Шереметьево-1». Их никто не встречал. Не было оркестра, руководителей. Разве что родные да друзья. От МИДа — рядовой сотрудник, от Минобороны — майор из управления внешних сношений. Правда, они быстро организовали транспорт. И на том спасибо.

О чем думал контр-адмирал Сакулькин, возвращаясь из Америки домой? Позади была большая жизнь — детство, юность, учеба, служба на флоте, длительная командировка в Великобританию и четыре командировки в США. В общей сложности за границей он провел 17 лет, 14 из которых работал в Соединенных Штатах. В Вашингтоне Иван Павлович начинал оперативным офицером да должности водителя еще в далеком 1954 году. С тех пор прошло, подумать только, тридцать два года. Но не об этих годах вспоминал адмирал. Всплыл в памяти давно

забытый факт из жизни его деда Михаила Романовича. Родословной в их семье, как и в большинстве бедных безграмотных крестьянских семей, попросту не было. Но тот случай почему-то передавался из поколения в поколение. Запомнил его и внук Иван.

Дело в том, что дед по отцовской линии Михаил — был человеком смекалистым и работящим. Не имея никакого образования, он обучился печному делу, да так, что стал знатным мастером-печником. Отправился на заработки в Сибирь, где подрядился в артель в надежде заработать деньги на будущую женитьбу и создание семейного очага.

Артель, состоящая из людей молодых и сильных, ставила печи в основном в городах и селах на малоосвоенных землях. Так артельщики добрались до Владивостока.

Однако мотание по чужим краям не давало желаемых заработков. Однажды кто-то поведал артельщикам, что в Америке мастера, подобные им, нарасхват. И тоща они решили махнуть за океан: купили билеты на пароход и отплыли в дальнее путешествие.

Но в Японском море старый пароход, подаренный Америкой России, попал в шторм и, не выдержав ударов стихии, повернул обратно.

Дед возвратился в родную деревню, построил дом, сложил печь всем на загляденье, женился. В семье родились две дочери и два сына. Одного из них назвали Павлом. Он и стал отцом будущего разведчика адмирала Ивана Сакулькина, который теперь, как когда-то его дед, возвращался домой. Вот так Америка причудливо вплелась в их судьбы. Дед не сумел осуществить мечту, не добрался до далекого и, как казалось ему, счастливого континента. Внук провел на нем почти полтора десятка лет. Был ли он счастлив там? Вряд ли. Зато он счастлив теперь, вернувшись на родную землю. Пусть без оркестра, без объятий высоких начальников, без торжественных речей. Тихо, скромно и как-то тепло по-домашнему.

Иван Павлович засунул поглубже руки в карманы пальто и нащупал там сложенный вчетверо листок. Ах да, один из офицеров резидентуры, прощаясь, вручил этот листок и сказал: «Прочитайте, когда прилетите в Шереметьево». Сакулькин спрятал послание в карман и забыл.

Он развернул листок. На нем было напечатано стихотворение. Небольшое, всего несколько четверостиший. Называлось оно весьма подходяще — «Шереметьево».

Где-то в небе возникли высокие звуки,

Будто тихо и нежно кто-то тронул струну.
О великое счастье — после дальней разлуки
Возвратиться обратно в родную страну.

Возвратиться не кем-то, не вчерашним талантом,
Осознавшим ошибки парижской зимой,
Не прощенным за старость седым эмигрантом,
А вернуться с работы. С работы — домой.

Ни дожди, ни метели, ни жаркое пламя
Не сломили, Россия, твои рубежи,
И высокие звезды встают над лесами,
И серебряный месяц в овраге лежит.

В шереметьевской роще — березы, березы.
Молча девочка держит цветок полевой.
Ты прости мне, Россия, невольные слезы,
Просто долго мечталось о встрече с тобой.

Адмирал почувствовал, как перехватило горло и по щеке предательски покатилась слеза.

* * *

Иван Павлович Сакулькин вполне мог праздновать четыре дня рождения. Первый в ноябре, поскольку именно в этом месяце в 1926 году он появился на свет в глухой, далекой деревне, от которой до железной дороги было без малого двадцать километров.

В семье Ваня народился первым, чему несказанно радовались его родители. Однако радость вскоре едва не обернулась бедой. Отец, которому недавно исполнилось 17 лет, а матери — 16 лет, возвращались из гостей на санях. Стояла холодная зима, они завернули первенца в теплые пеленки, да в тулуп, и забыли о нем. Приехав домой, обнаружили бездыханное, посиневшее тельце ребенка.

К счастью, в тот момент в доме оказалась бабушка. Опытная, немало повидавшая на своем веку женщина, бросилась спасать внука. Она делала искусственное дыхание, массировала тельце и сквозь слезы молила Бога. Через некоторое время Ваня действительно подал первые признаки жизни. Так он родился во второй раз.

Третий случился в четыре года. Мать, наработавшись в колхозе, истопила вечером печь. Уставшая, измученная, она закрыла задвижку печи, когда там еще не успели прогореть дрова. Ни отца, ни деда дома не было. Один служил в Красной армии, другой — ушел в соседний район на заработки.

Все крепко спали. Дом наполнился угарным газом. Ночью Ваня проснулся словно от удара, вскочил, кинулся к окну, распахнул его и, потеряв сознание, выпал в снег.

Кто знает, сколько пролежал он на морозе. Очнулся от холода. Болела голова, ноги не двигались. Ваня закричал от боли и страха. Однако никто его не услышал. Он с трудом влез в открытое окно, стал будить мать и вновь потерял сознание.

И все-таки распахнутое Ваней окно спасло ему и его родным жизнь. Так он родился в третий раз.

Во втором классе, когда семья Сакулькиных переехала из деревни в город Горький, Иван поздней, холодной осенью провалился в полынью на озере. Искупался в ледяной воде и тяжело заболел. С высокой температурой его положили в больницу. Первоначально ставили диагноз менингит, десять дней он находился в бессознательном состоянии. И как рассказывали потом родители, врачи потеряли надежду на его благополучное выздоровление. Однако постояв на краю пропасти, Иван вновь выкарабкался. Правда, окончательный диагноз звучал не очень оптимистично: крупозное воспаление легких с затемнением правого легкого. Его еще год держали на учете в туберкулезном диспансере. Так состоялось четвертое рождение Сакулькина.

Впрочем, Иван не унывал. Он любил спорт: играл в футбол, бегал на коньках, ходил на лыжах, плавал. Участвовал во всех местных соревнованиях, стал перворазрядником по нескольким видам спорта.

Наступил 1940 год. В Горьком открыли военно-морскую спецшколу. В нее набирали мальчишек 8—10 классов. Им выдавали флотскую форму, только вместо ленточек на бескозырках был бант. «Курсанты накромпросса» — так их звали в городе. Горьковчане любили своих морячков и гордились ими.

В начале 1941 года в гости к ученикам неполной средней школы приехал матрос.

Мальчишки не ошиблись: это был посланец военно-морской спецшколы. Его беседа, рассказ о флоте определил судьбу многих школьников.

После окончания 7 класса больше половины парней из выпускных классов подали заявление с просьбой принять их в спецшколу.

Желающих стать курсантами-моряками было не просто

много. Очень много. В кандидаты зачислялись только отличники, обладавшие завидным здоровьем и «чистой анкетой». Уже тогда Сакулькин понял, что члены приемной комиссии знают о его родственниках значительно больше, чем он сам.

Из своей школы Иван оказался единственным, кто с гордостью примерил флотскую форму и бескозырку с бантом.

За две недели до войны курсантов спецшколы отправили в летние лагеря. Жили они в землянках, занимались физической и строевой подготовкой, учили уставы, знакомились с морской практикой.

Начало войны прошло как-то незаметно и только аукнулось в середине июля. Резко ухудшалось питание, курсанты, по сути, вставали из-за стола полуголодными.

В конце августа возвратились из лагерей в город. Началась учеба.

В первых числах ноября фашистская авиация нанесла первый бомбовый удар по промышленным предприятиям Горького. С той поры бомбардировки стали почти ежедневными.

Курсантам-горьковчанам разрешали проживать дома. Городской транспорт почти не ходил, приходилось за семь километров добираться в школу и обратно.

Несмотря на военное время, в спецшколе никаких поблажек курсантам не делали. Учили крепко, требовали жестко.

Иван был старшим в семье. Младшие — сестра и брат Валерий, которому исполнилось три года, фактически находились на попечении Ивана. Да еще хозяйство. Ему приходилось по весне сажать картофель на участке, окучивать, пропалывать, осенью убирать.

Отец крутыми сутками не вылезал с завода, мать шила гимнастерки для бойцов Красной армии.

Зимой Иван делал женские гребешки и обменивал их на муку, просо, горох в селах и деревнях окрест Горького.

Летом 1943 года спецшколу неожиданно расформировали. Выпускников 10 класса направили в Бакинское военно-морское подготовительное училище. И что самое обидное, сняли морскую форму. Пришлось натянуть старые, изношенные отцовские брюки и гимнастерку, которая осталась у него со времен службы в армии.

Вчерашних курсантов погрузили на теплоход «Спартак» и отправили в Астрахань. Теплоход проплывал мимо Казани,

Ульяновска, Куйбышева, Саратова, Сталинграда. Во всех городах он делал остановки, с ребятами проводили экскурсии.

Сакулькин помнил, какое тяжелое впечатление произвел на него разрушенный Сталинград. Обломки стен, трубы, груды

бетона и битого кирпича. Город был изрыт траншеями, окопами, всюду полусгоревшая боевая техника — танки, автомашины, разбитые повозки, брошенное оружие.

Вскоре они прибыли в Астрахань, оттуда — в Баку. Поселили их в казармах на Красноармейской улице. Оказалось, что поступать в училище приехали не только они — «спецы», но и еще несколько тысяч выпускников школ. Это были ребята из тех мест страны, до которых не добрались фашисты. На 400 мест третьего выпускного курса претендовали более 3 тысяч человек. Для всех, не исключая и выпускников спецшкол, устроили экзамены по трем предметам — алгебре, геометрии, тригонометрии.

Иван сдал экзамены успешно, был зачислен в училище и наконец скинул рваные штаны, застиранную отцовскую гимнастерку и одел пусть и рабочую, но новую матросскую форму.

Начались учебные будни. Вновь лагерные сборы, курс молодого бойца. Ранний подъем, зарядка, купание в холодной морской воде, завтрак — и на занятия. Особенно изматывающими были шлюпочные учения на веслах и под парусами. Но еще сложнее оказались зимняя практика на парусных судах Каспийской военной флотилии. На парусниках «Галфвинд», «Бейдвинд» курсанты изучали морское дело, драили в стужу до полной белизны деревянную палубу.

В училище были прекрасные командиры, преподаватели и воспитатели.

Так пролетел год обучения в подготовительном училище. Предстояло разъехаться по военно-морским училищам. Кого-то распределили в Ленинград в училище им. М.В. Фрунзе или им. Ф.Э. Дзержинского. Ивана Сакулькина оставили в Баку и зачислили на 1-й курс Каспийского военно-морского училища без экзаменов.

В училище поддерживалась железная воинская дисциплина. За малейшее нарушение — суровое наказание вплоть до отчисления. Деление на факультеты в ту пору не было. Учебная программа насчитывала более 30 дисциплин. Выпускник получал диплом, который давал возможность исполнять любые штатные должности, за исключением разве что корабельного механика. На младших курсах изучали высшую математику, физику, судовые механизмы, военно-морскую географию и океанографию. На старших — минное и артиллерийское дело, астрономию, радиоэлектронику и связь.

Преподаватели в училище отличные, известные всему флоту специалисты. Кафедры навигации и корабельных механизмов возглавляли контр-адмиралы Дмитриев и Статкевич, боевые

офицеры царского флота, участники Русско-японской войны, воевавшие на знаменитой канонерской лодке «Кореец» вместе с легендарным крейсером «Варяг».

Капитал 1-го ранга Тархов, будучи штурманом крейсера, который прибыл в Англию на торжества по случаю коронации, отказался от услуг местного лоцмана и самостоятельно провел корабль к месту стоянки, заслужив самую высокую оценку британцев.

Училищем руководил капитан 1-го ранга Сухиашвили, боевой офицер, командир бригады морской пехоты, которая стояла на обороне Москвы.

… Быстро пролетели годы учебы. В июле 1948 года выпуск-' никам училища в торжественной обстановке были вручены дипломы и кортики. Вечером их пригласили на выпускной банкет.

На следующий день те, кто за годы учебы успел жениться, уезжали к новому месту службы с двумя чемоданами. Лейтенанту Ивану Сакулькину вполне хватило одного. Он был холост. Мечтал попасть на Северный флот, но послали на Балтику. Что ж, как говорят, матрос службу не выбирает.

* * *

Сакулькин возвращался с соседнего тральщика, когда его догнал матрос.

— Товарищ лейтенант! — посыльный козырнул. — Вас вызывает командир.

— Раз вызывает, идем, — отозвался Иван.

Он уже несколько месяцев служил на новом тральщике под началом капитан-лейтенанта Михайлина. После окончания училища в штабе флота в Таллине ему дали предписание: назначен командиром боевой части тральщика № 396,16-го дивизиона 1-й Краснознаменной бригады траления. Несмотря на то что война закончилась три года назад, тральщики находились на боевой службе. У них даже льготы дополнительные были: выслуга — год за полтора, «медвежий» 4 5-суточный отпуск.

Задача стояла единственная: как можно скорее очистить воды Балтики от мин и обеспечить безопасное судоходство. А сделать это было ох как не просто.

Немцы за период войны выставили десятки тысяч мин: магнитных, акустических, контактных, комбинированных. Они находились в разных районах морского театра военных действий. Особенно много их накопилось в Лужской губе, в Нарвском

заливе, у островов Нарген, Гогланд.

Выставлял мины и свой родной Балтийский флот, авиация союзников. Так что уничтожение этого огромного количества мин требовало напряженной работы. Чем, собственно, и занимались дивизионы тральщиков. Отдыхать было некогда, тралили по 12–14 часов в сутки, а во время белых ночей и круглосуточно.

Перерывы бывали только в штормовую погоду. Но люди есть люди. При удобном случае пытались урвать часок-другой для отдыха. Так случилось и на этот раз. Шести тральщикам под руководством командира бригады приказали совершить переход через один из районов Моонзундского архипелага в порт Рохукюла. Кстати говоря, этот район один из самых сложных в навигационном отношении. Как назло, в походе вышел из строя гирокомпас па их тральщике. Правда, Иван был «на стреме», вовремя перешел на магнитный компас, определил, что они уже прошли створы и неуклонно приближаются к мели.

Вовремя успели с командиром развернуть корабль. Вскоре открылись нужные створы, и они благополучно пришвартовались к стенке порта, где уже стояли другие корабли дивизиона. В порту находились танки, которые по приказу командования следовало перебросить на один из островов.

Сакулькин уже знал, что комбриг договорился с танкистами подбросить его, дивизионных специалистов, командиров кораблей в городок Хапсалу. Говорили, там замечательные маленькие ресторанчики. Операция по переброске танков назначена на завтра, что же терять сутки на надоевших порядком посудинах.

Танкисты с радостью согласились, ибо сами были не прочь посетить эстонские ресторанчики.

И вот теперь Сакулькин стоял перед командиром.

— Иван, ну что тебя инструктировать, — улыбнулся капитан-лейтенант. — Все знаешь. Остаешься за меня. Если потянет в море, дождись командира. Вместе веселее будет.

— Так точно, товарищ командир!

Начальство уехало. На тральщиках остались молодые, неопытные офицеры, вчерашние выпускники военно-морских училищ.

Все шло своим чередом. Часа через два после отъезда командиров Сакулькин выглянул на палубу. Холодный ветер ударил в лицо, небо заволокло темными тучами, на морс поднялась волна. Явно надвигался шторм.

Тем временем ветер набирал все большую силу. Он разорвал носовой швартов третьего тральщика. Под ударами волн оторвавшиеся корабли стало разворачивать перпендикулярно

стенке. Еще несколько таких ударов, и корабли выбросит на камни. И первой жертвой будет их, крайний тральщик.

Лейтенант Сакулькин бросился на мостик, взял командование на себя и объявил тревогу на всех кораблях. Приказал запустить двигатели, правыми дать полный ход, левыми — назад. И тут же скомандовал: через корму четвертого тральщика перебросить носовой швартов на третий корабль. Остальные суда закрепить дополнительными швартовыми.

Однако даже самая верная команда — это еще полдела. Стихия не собиралась сдаваться. Но и Сакулькин с экипажами кораблей тем более. И все-таки моряки победили. Когда тросы были закреплены на носовых шпилях третьего и четвертого тральщиков, двигатели которых работали на пределе, началось тяжелое сближение бортов оторвавшихся друг от друга кораблей.

Через много лет, став уже адмиралом, Иван Сакулькин скажет: «Наше командование, беспечно доверившее юнцам корабли и судьбы моряков, было спасено. Спасены и мы. Тот, кто знаком с морской практикой, может по достоинству оценить этот подвиг. Во всяком случае, командир дивизиона, узнав о происшествии, лично налил мне стакан спирта и заставил выпить его до дна.

Трудно представить, что после этого было со мной, если учесть, что в ту пору я не пил вовсе».

Трудно представить как раз другое, что произошло бы с кораблями и экипажами, растеряйся тогда Сакулькин. А ведь он тоже был совсем молодым, «зеленым» офицером. К счастью, ему хватило мужества, твердости характера и знаний, чтобы взять ситуацию под контроль.

Были и другие не менее интересные эпизоды в его морской службе. Когда, к примеру, в Таллинской бухте их экипажу поставили задачу — провести испытание только что принятой на вооружите новой мины.

Акустическая, магнитно-динамическая, она должна была сработать после трехкратного прохождения над ней минного трала.

На мостике корабля во время испытаний находились высокие гости: ведущие конструкторы и флагманские специалисты во главе с начальником штаба флота. Датчики показателей работы механизмов мины фиксировались на шлюпке.

Первый же проход под миной показал: механизм сработал дважды. Судя по всему, один раз от самого трала, а перед этим от его магнитного поля. Значит, третий заход корабля станет последним.

Высокие гости на мостике забеспокоились. Эта нервозность

передалась экипажу. Командиру корабля и его помощнику следовало срочно найти верное решение. Капитан-лейтенант Михайлин и лейтенант Сакулькин нашли его, предложили начштаба флота. Тот дал добро. Офицеры проложили курс, двинулись с запада на восток. Подойдя на безопасное расстояние к мине, резко свернули в северном направлении и застопорили ход.

В тот день дул северный ветер, трал обладал высокой парусностыо за счет своей надводной части с множеством буев.

Командир корабля и его помощник все рассчитали правильно: трал ветром вынесло на мину. Маневр удался. На радость всем прозвучал мощный взрыв.

Конечно же, служба есть служба, и не все, как говорят в народе, складывалось «ладком да рядком». Самым трудным как раз оказалась не техника, а люди. Ведь матросы в большинстве своем были старше своего лейтенанта лет этак на пять-шесть. Да и по сроку службы во флоте тоже. Не раз пытались испытать молодого командира. То принесут для решения математическую задачку, то попросят помочь прочитать «флажный» семафор с флагманского корабля, то и вообще выдвинут в капитаны сборной по шахматам. Однако из всех этих проверочных «схваток» Сакулькин неизменно выходил победителем. Помогала суровая жизненная школа, да и хорошие знания, полученные в военно-морском училище.

Постепенно накапливался опыт. Не всегда он был простым и легким. Флотская служба давала свои суровые уроки. Как-то перед сходом на берег командир объявил о намеченном на завтра выходе в море. Время выхода четыре часа утра. Сакулькин решил прибыть на судно за два часа до отхода. Задумано — сделано. И каково же было его удивление и искренняя досада, когда он увидел готовые к выходу корабли, а вдоль причала ходили разгневанные командир бригады и командир дивизии.

Разумеется, его оправдательный лепет комбриг выслушал с трудно скрываемым возмущением и сказал в сердцах, что лейтенант — преступник, задержавший выход кораблей в море. Пообещал суровое наказание, но после возвращения на базу. В тот период Сакулькин исполнял обязанности дивизионного связиста вместо ушедшего в отпуск офицера.

Лейтенант понимал, что теперь его судьба зависит от результатов учений и его действий в походе. И он постарался.

Получил самую высокую оценку за свою работу, и комбриг больше не вспоминал о том досадном происшествии. Ну а Сакулькин твердо усвоил — уходя на берег, оставляй на корабле адрес, где ты будешь находиться, дабы при необходимости тебя

могли разыскать.

В 1950 году Ивану Сакулькину предложили поступить в академию. Правда, не в военно-морскую, а в военно-дипломатическую. Он с радостью согласился. Среди своих сокурсников Иван оказался самым молодым. Но это не смутило офицера. Сакулькин старался по-настоящему освоить новую для себя профессию, и, как показало время, это ему удалось.

* * *

В 1954 году, по выпуску из академии его определили в аппарат военно-морского атташе в США. Однако предстояла еще выездная комиссия Главного разведуправления, которая должна была утвердить это решение.

Она, как правило, проводилась под руководством первого заместителя начальника ГРУ, с участием кадрового органа и, соответственно, руководителей американского управления.

Сакулькин, разумеется, слышал, как обычно проходят заседания комиссии, и даже пытался угадать, какие вопросы будут задавать. Вопросов было много. Он отвечал как можно увереннее и тверже. И только, пожалуй, один вопрос смутил его.

— А как вы относитесь к выпивке? — неожиданно спросил его седой и, как казалось тогда Ивану, достаточно пожилой генерал.

— Да как всякий уважающий себя и общество нормальный человек, — схитрил офицер.

Ответ, видимо, не удовлетворил генерала. И он решил уточнить некоторые детали.

— Представьте себе, я пригласил вас в ресторан. Сколько бутылок коньяка вы можете со мной выпить?

— Во-первых, спасибо за приглашение, товарищ генерал.

Услышав ответ, присутствующие заулыбались.

— Думаю, что двух бутылок коньяка нам вполне хватит. Третью заказывать не стоит. Иначе, простите за такую пикантную подробность, мне придется тащить вас на своих плечах, товарищ генерал. Вот тут я боюсь не справиться.

Судя по оживлению среди членов комиссии, ответ им понравился. Напоследок кто-то сказал ему с укором:

— Сакулькин, а ведь вы могли и лучше закончить академию.

— Мог. Но не повезло. На первом курсе получил тройку по марксистско-ленинской философии.

— Значит, не выйдет из вас философа, — усмехнулся председатель комиссии. — Главное, чтобы разведчик вышел.

После заседания комиссии состоялось назначение, и Иван Сакулькин приступил к подготовке. Она длилась три месяца. Главное, на что обращалось внимание — иностранный язык и вождение автомобиля. Ведь ему предстояло занять должность водителя аппарата военно-морского атташе.

По окончании подготовки Ивану предстояло получить гражданскую одежду. В то время денежное довольствие армейских и флотских офицеров было невелико и большинство из них не имели штатской одежды.

Военная разведка подумала об этом. И потому перед отъездом за границу экипировало своих зарубежных работников. На складе Министерства обороны они получали добротную по тем послевоенным годам одежду — драповое пальто, шерстяной костюм, две рубашки, галстук, ботинки, шляпу и даже чемодан. Правда, все вещи были пошиты из одного материала и походили друг на друга как две капли воды. Разве что пальто различались по цвету. Хочешь — бери коричневое, а хочешь — серое. Так же и со шляпами — серого или зеленого цвета.

Экипировка советских дипработников той поры — находка для контрразведки. Заморские «контрики» могли безошибочно определить, в какой «конторе» служит их подопечный.

День отъезда был намечен на 3 декабря 1954 года. Вся одежда семьи Сакулькиных запросто уместилась в том самом казенном чемодане — офицерская форма Ивана, два платья жены, да распашонки сына. И «Красная стрела» унесла их в Ленинград. Сутки в гостинице, экскурсия по городу, и на следующий день их отвезли в порт, где у пристани был пришвартован теплоход «Белоостров».

До Лондона им предстояло семь дней пути. Сакулькин, как флотский офицер, сразу определил, сколь стар и изношен теплоход. Правда, в помещениях судна был полный порядок: ковры в коридорах, столовая, бар. На столах белоснежные скатерти.

Меню «Белоострова» потрясало — шпроты, семга, балык, икра зернистая, осетрина, колбаса, шейка, различные салаты, вино грузинское, молдавское. И все это входило в стоимость билета. За исключением, конечно, крепких напитков. Впрочем, они продавались в баре: водка, коньяк, джин, ром, виски. Но бар для будущего офицера аппарата военного атташе был недоступен, как высокое небо. Щедрые финансисты Главного разведуправления выдали Сакулькину на дорожные расходы от Москвы до Нью-Йорка… 20 долларов.

Через несколько часов после выхода в море пароход попал в шторм. Крутая морская волна захлестывала палубу, мостик и

даже рубку капитана.

Иван беспокоился за жену и маленького сына. Пассажиры и некоторые члены экипажа страдали от морской болезни.

Первой остановкой корабля стала столица Швеции — Стокгольм. Сакулькин с семьей сошел на берег. Поразило обилие магазинов, а в них — товаров и продуктов. Ничего подобного не было в ту пору в Советском Союзе, чудовищно пострадавшего от войны.

На следующий день корабль, снявшись со швартовых, вновь вышел в штормовое море. Наконец, они достигли Лондона, поездом добрались до Саутгемптона и погрузились на комфортабельный лайнер «Мавритания», который курсировал между Британией и США. Через несколько дней пути прибыли в Нью-Йорк, потом в Вашингтон.

«Утром, — вспоминал Иван Павлович Сакулькин, — меня отвезли в здание военных атташе, расположенное на Белмонт рауд. Это четырехэтажное здание подарил нашей военной миссии во время Второй мировой войны один из американских военных моряков, который питал симпатию к советскому народу.

Военным атташе был полковник Николай Колкин, военно-воздушным полковник Бочинский, военно-морским капитан 1-го ранга Федор Преснаков. Все руководители аппаратов на военно-дипломатической службе были людьми случайными. До назначения в США занимали достаточно высокие посты в Вооруженных силах, но не имели перспектив служебного роста, и это, видимо, послужило причиной их направления на зарубежную работу.

Языка они не знали, правил дипломатического этикета, местных обычаев тоже, не разбирались в элементарных военно-политических вопросах.

Естественно, авторитет среди диппредставителей других стран был невысок, их практически игнорировали военные руководители Пентагона.

В сложившихся условиях роль таких руководителей в организации деятельности подчиненных оказалась незавидной.

Мы, молодые офицеры-разведчики, были вынуждены действовать самостоятельно, допуская ошибки и просчеты, за что жестоко расплачивались. С другой стороны, предоставленная нам полная свобода и возможность проявить инициативу заставили нас мыслить более масштабно, находить решения вопреки сложившимся догмам и стандартам».

Все это понял и осмыслил Иван Сакулькин позже, а сейчас ему предстояла большая работа по совершенствованию английского языка, изучению города и обретению должного

опыта вождения автомобиля по улицам Вашингтона.

Языком с ним занималась госпожа Пек, милая и добродушная старушка, которая вручила Ивану брошюру под редакцией Диксона с типовыми американскими выражениями. Потребовала выучить брошюру наизусть. Сакулькин выполнил требования.

Старушка рекомендовала следующую брошюру. Иван Павлович и сам понимал, сколь важен язык. И потому делал все, чтобы освоить его как можно быстрее — посещал кинотеатры, слушал радиопередачи и, главное, постоянно общался с местными жителями. К завершению первого года пребывания Сакулькин добился серьезных результатов в совершенствовании английского. Он обошел многих коллег, выпускников института иностранных языков.

Практики вождения автомобиля «Победа» по улицам Москвы тоже было явно недостаточно. В американской столице движение автотранспорта более интенсивное и напряженное, да и машины отличались от советских и габаритами, и мощью моторов. Пришлось переучиваться и осваивать новую технику. На все ушло две недели, после чего Сакулькин занял водительское место в представительском «Линкольне» военно-морского атташе.

Первую поездку он совершил в советское посольство, расположенное в нескольких кварталах от Белого дома на 16-й улице округа Колумбия в Вашингтоне.

Однако Сакулькин был офицером молодым и амбициозным. И он понимал, что перевозка атташе и его жены в разные уголки столицы дело нужное, но судить о нем в Центре будут не по умению маневрировать «Линкольном», а по реальному вкладу в деятельность резидентуры. Надо было начинать эту работу. Но с чего ее начинать?

В академии учили, что начало всему — оценка оперативной обстановки в стране пребывания. Успех решения поставленных на командировку задач во многом зависит именно от нее. А вот тут, откровенно говоря, похвастаться было нечем.

* * *

«Холодная война» уже набрала темп. В прессе, на радио нагнеталась обстановка шпиономании и антисоветизма. Не забыли американцы еще не столь давнюю компанию реакционного сенатора Маккарти. Имешю он объявил беспощадную борьбу с международным коммунизмом.

В Белом доме в тот период находился президент Дуайт Эйзенхауэр. Будучи человеком военным, прошедшим Вторую

мировую, в первые годы после победы он высказывался за установление дружественных отношений с СССР. В 1945 году он сказал: «Русские очень дружественно настроены. Я убежден, что они хотят мира…» Но уже через два года Эйзенхауэр заявил: «… Мы должны признать тот суровый факт, что дух сотрудничества пошел на убыль… Мир разбит на два лагеря…»

И тем не менее, какой бы сложной ни была оперативная обстановка, разведчику надо работать. А Сакулькин официально трудился водителем военно-морского атташе. Потому он старался как можно чаще бывать в городе, легендируя свое пребывание там сугубо хозяйственными заботами по обслуживанию начальника и его жены.

По несколько раз днем, вечером выезжал па бензоколонки для заправки автомашин, на станции техобслуживания, в магазины, кинотеатры, в парки, в места проведения спортивных мероприятий. Везде старался устанавливать контакты, объясняя это желанием совершенствования языковой практики и изучения культурных и национальных традиций страны.

Столь частые выезда в город и выполнение мелких хозяйственных забот убедили в конце концов контрразведку, что этот шустрый молодой человек — есть истинный шофер. И «топтуны» из ФБР оставили его в покое. Хотя за другими сотрудниками аппарата «топтались» днями, а порою и неделями.

Все это давало возможность обзавестись знакомыми, а с некоторыми из них и установить доверительные отношения.

Как-то возвращаясь домой, Иван Павлович разговорился с таксистом, который его подвозил. Водитель оказался русским. Уехал из России после Октябрьской революции. В царские времена его отец был командующим одного из императорских флотов.

Таксист, узнав, что Сакулькин русский, да еще из Советского Союза, усердно расспрашивал Ивана о нынешнем состоянии страны, о победе над фашизмом, сам с ностальгией вспоминал Петербург.

Сакулькин старался рассказать самое лучшее о советской стране: красочно живописал о гигантских стройках, говорил о том, как бережно охраняются и реставрируются исторические здания, памятники прошлого, как развиваются заводы и фабрики, улучшается жизнь на селе.

Таксист внимательно слушал рассказ, потом затормозил у обочины машину, заглушил двигатель и неожиданно заплакал. Откровенно говоря, Иван не ожидал такой реакции, но сразу понял — слезы случайного собеседника были искренними. Расстались они добрыми знакомыми и договорились встретиться

еще раз.

На следующую встречу таксист пришел не один. Он привел своего друга, тоже русского, который занимал высокую должность в одном из министерств США, являлся членом республиканской партии и поддерживал дружеские отношения со многими влиятельными представителями этой партии.

В США новый знакомый Ивана (назовем его Джоном) оказался в 1922 году после окончания Института востоковедения, который в ту пору находился во Владивостоке.

Его, молодого и романтичного юношу, позвала в Америку любовь. Он влюбился в однокурсницу, которая вместе с богатыми родителями уехала сначала в Харбин, потом в США. Юноша проделал тот же путь и оказался за океаном без средств к существованию. Чтобы выжить, брался за самую грязную и низкооплачиваемую работу. Одновременно учился в Стэнфордском университете. Таковы были требования родителей невесты, они не хотели выдавать замуж дочь за голодранца.

И все же, обладая большим трудолюбием и незаурядным талантом, Джон добился своего. Однако совместная жизнь была непродолжительной. В США даже выпускнику престижного университета без надежных связей не сделать карьеру. Жена же, привыкшая к богатству и роскоши, ждать не желала, пока муж выйдет в люди, и вскоре подала на развод, а потом вышла замуж за миллионера.

Джон так и остался холостяком. С годами пришли успех, деньги, но ему хотелось чего-то большего для утверждения собственной личности. Например, оказать помощь своей Родине, которую он когда-то с такой легкостью покинул. Но мечтал вернуться домой.

Он хорошо знал цену «американской демократии». Если бы обратился в советское посольство с просьбой о возвращении в СССР, его тут же выгнали бы с престижной должности в министерстве, а потом начались бы преследования не только его самого, но и друзей, знакомых, коллег по работе.

Джон был первым человеком на американском континенте, который ввел молодого военного разведчика в обстановку.

«Я искренне благодарен ему, — скажет с годами Иван Павлович. — Он подробно и точно охарактеризовал крупных государственных деятелей США, их связи в промышленных кругах, раскрыл секреты американской политической кухни, главных “поваров” на ней, кто за ними стоит и чьи интересы они защищают, что скрывается за яркой вывеской свободы и демократии.

Важными и весьма перспективными были его рассказы о

русской колонии в Вашингтоне: где собираются эти люди, о чем говорят, каких взглядов придерживаются.

От него я узнал о судьбах многих выдающихся русских ученых, оказавшихся за океаном и внесших выдающийся вклад в развитие американского общества: ученый-химик Игнатьев, архитектор Сорокин, конструктор вертолетов Сикорский, создатель самолетов Северский, электронщик Сарнов».

Джон, пользуясь своим высоким положением в министерстве и в партии, добывал очень ценные материалы по военно-политическим и экономическим вопросам.

Однако надо сказать, что найти подобных Джону людей в США оказалось не просто. Американцы были столь оболванены официальной пропагандой, что в каждом русском видели шпиона. Кто-то, узнав, что Иван из Советского Союза, шарахался от него как черт от ладана, но были и другие «тихие американцы». Встречу с таким он запомнил на всю жизнь.

Как-то тщательно проверяясь на маршруте, нет ли за ним слежки, Иван Павлович заглянул в бар. Оглядевшись, попросил разрешения у одиноко сидящего американца разделить с ним компанию. Тот согласился. Выпили. Завязался разговор. Собеседник спросил, кто он, откуда. Иван представился как сотрудник аппарата советского военно-морского атташе. Новый знакомый изменился в лице, неожиданно вскочил и громко, перекрикивая шум, взвизгнул:

— Господа! Среди нас русский шпион. Прошу лично познакомиться и высказать свое мнение по поводу того, что мы думаем о нем.

Что тут скажешь? Это был удар под самый вздох. Сакупысин поначалу растерялся, но быстро собравшись, ответил американцу так же громко и уверенно:

— Господа! Мой собеседник прав, за десять минут беседы мне удалось выторговать у него за миллион долларов миниатюрный бритвенный прибор. Готов закупить у присутствующих в зале и другие предметы домашнего обихода.

В зале раздался хохот, хлопки аплодисментов. Иван оказался в центре внимания. К нему подходили американцы, жали руку, выражали симпатию, некоторые извинялись за бестактность соотечественника.

Потом подошел высокий американский сержант, представился солистом армейского хора и на ломаном русском языке исполнил «Катюшу». Обстановка разрядилась.

Однако засиживаться в баре было недосуг, так как Иван знал: наряду с нормальными людьми найдутся и такие, как его недавний собеседник, которые быстро сообщат о нем в ФБР. Он

попрощался с окружающими и покинул бар.

Поиск источников развединформации, изучение их, разработка, вербовка в чужой стране — это всегда хождение по краю пропасти. Особенно если ты молод, горяч и недостаточно опытен.

Хаживал по краю такой пропасти и капитан-лейтенант Сакулькин.

Однажды в ресторане «Макдональдс» он познакомился с американским сержантом и его женой. После приятной беседы супруги пригласили выпить по кружке пива в одном из ночных клубов. Они предложили следовать за их машиной. На улице уже было темно, и Иван, доверившись новым знакомым, заехал вслед за ними на территорию какой-то воинской части. Правда, поначалу он в темноте ничего толком не разглядел и догадался об этом, лишь оказавшись в сержантском клубе, где веселилась военная молодежь со своими подружками.

Сакулькин попытался объяснить, что ему запрещено посещать военные объекты и поход в бар может закончиться самыми печальными последствиями для обоих. Однако сержант никакие уговоры не принимал. Ему просто хотелось угостить этого симпатичного русского. И только после того как в клубе завязалась драка и вскоре должна была приехать военная полиция, жене сержанта удалось уговорить его покинуть помещение. Уезжая из части, они услышали вой подъезжающих к клубу полицейских машин.

В последующем с сержантом и его женой у Сакулькина сложились доверительные отношения, и они, встречаясь под общий хохот, поднимали тост за провидение божье, избавившее их от лишних хлопот.

С одним из будущих агентов Ивана Павловича познакомил… его двухлетний сын. А случилось это так. Чета Сакулькиных вместе с маленьким сыном приехала в магазин за продуктами. Увлекшись выбором фруктов, они потеряли из виду сына и бросились его искал» по огромному супермаркету. К счастью, вскоре увидели своего ребенка. С ним пытался заговорить какой-то американец. Подойдя к ним, Сакулькин извинился за оплошность и объяснил, что он работник советского посольства, а его сын не говорит по-английски.

Американец внимательно выслушал взволнованного отца, понимающе улыбнулся и протянул Ивану визитную карточку. Попросил навестить его. Сказал, что будет рад пообщаться. Сакулькин отметил: американец говорил вполне искренне и заинтересованно.

Через некоторое время Иван Павлович, прихватив бутылку

«Столичной», банку икры, приехал по указанному в визитке адресу.

Хозяин был дома. Он с радостью принял гостя. Достаточно большая квартира напоминала скорее не жилище, а склад радиоэлектронной аппаратуры. Сомнений не было: новый знакомый занимался именно тем, что написал в своей визитке — «свободный торговец радиотоваров».

Они с удовольствием выпили по рюмке водки, и хозяин поведал грустную историю своей жизни. Нет, он не всегда торговал радиоэлектроникой. Прежде занимал ответственные посты, имел влиятельные связи как в правительственных, так и в промышленных кругах (впрочем, как заметил он, связи эти поддерживает и поныне), и был даже знаком с президентом США.

А потом он приобщился к выпивке. Его уволили с работы, от него ушла жена, и теперь он торгует радиотоварами.

Иван Павлович, откровенно говоря, не очень поверил рассказу нового знакомого, особенно насчет знакомства с президентом. Мало ли чего наговорит человек под рюмку водки.

Выпили по второй, третьей. Собеседник хмелел. Он стал рассуждать на политические темы. Сказал, что ему вовсе не нравятся коммунисты, и завел весьма популярную среди американцев антисоветскую песню. Иван категорически не соглашался с хозяином дома. Не стесняясь, заявил, что тот, как и многие в США, зомбирован прессой, которая однобоко и агрессивно пишет об СССР. «Свободный торговец» умолк и внимательно слушал Ивана, потом как-то сразу отрезвел и неожиданно предложил показать документы. Сакулькин показал.

Американец внимательно изучил их и, видимо, убедившись в подлинности, попросил прощения за весь этот спектакль.

— Что делать, меры предосторожности не лишние. Мне очень не хочется, чтобы на вашем месте оказался агент ФБР, — сказал он.

Сакулькин ответил, что очень хорошо его понимает, и разлил водку по рюмкам.

Новый знакомый вытащил из стола альбом.

— Прошу, — и он открыл нужную страницу, — вот я, а вот президент США. А это госсекретарь. Ведь, скажите правду, вы не очень поверили в мои байки.

«В проницательности этому человеку не откажешь», — подумал Иван, разглядывая фото.

— Я был разведчиком. Много лет работал в Европе. Судя по-моему окружению, работал не плохо.

Действительно, фотоархив «свободного торговца» был очень убедителен, и у Ивана не осталось сомнений в том, что все

сказанное ранее правда.

Последний тост был за дружбу. При расставании хозяин дома вручил Ивану увесистый пакет и сказал:

— Если что-либо из содержимого понравится тебе или твоему начальству, — и он ткнул пальцем вверх, — готов приобрести любую интересующую вас вещь. Поверьте моему опыту, здесь много замечательных поделок.

Возвратившись в аппарат атташе, Сакулькин внимательно изучил подарки «свободного торговца». Он и вправду не обманул. Тут действительно было много «замечательных поделок», и в первую очередь каталоги крупнейших американских фирм, поставщиков Пентагона. В дополнение к подаркам его новый знакомый, видимо, в подтверждение полезности их будущего сотрудничества приложил техническое описание новейшей радиолокационной станции.

Конечно, работа советских военных разведчиков в США состояла не только из многочисленных встреч, знакомств, общений, из которых потом вырастали доверительные отношения, дружба, вербовки. Важнейшей заботой было изучение театра военных действий. Для этого офицеры Вашингтонской резидентуры совершали регулярные поездки по стране.

Делать это было непросто. Ведь режим передвижения сотрудников советских учреждений регламентируется Госдепом США. В каждом штате есть закрытые для посещения районы, вокруг городов Вашингтон, Нью-Йорк и Сан-Франциско установлены 25-мильные зоны. Любой выезд за пределы этой зоны классифицируется как поездка по стране. Необходимо предварительное уведомление.

Словом, американцы устраивали всевозможные препятствия для передвижения советских военных атташе и офицеров их аппаратов по стране. Что ж, приходилось преодолевать эти препятствия.

В апреле 1956 года старший помощник военно-морского атташе подполковник Сергей Федоров и офицер аппарата капитан-лейтенант Иван Сакулькин, получив разрешение Пентагона, вылетели в город Сиэтл. Там арендовали автомобиль и три недели путешествовали по штатам Вашингтон и Орегон. При этом заявленный маршрут не нарушали и никуда от него не отклонялись. Тем не менее их поездка наделала много шума и стала причиной для обсуждения в конгрессе США.

Чтобы понять, чем же были возмущены конгрессмены, приведем отрывки из речи сенатора из Вашингтона Уоррена Дж. Магнасона.

«Господин председатель! — возмущался Магнасон, — я

обращаю внимание конгресса па ситуацию, которую считаю очень необычной…

В моем штате в течение последней недели произошло ряд событий, которые наглядно продемонстрировали вопиющие недостатки в нашей системе безопасности. Двое военных атташе, не обыкновенные русские гости, а военные атташе из посольства СССР, лица, интересующиеся вопросами обороны, появились в северо-западных районах Тихоокеанского побережья США, имея при себе разрешение госдепартамента. Их имена подполковник Федоров С.С. и капитан-лейтенант Сакулькин И.П.

В ходе поездки русские посетили районы расположения наиболее важных военных объектов США.

Сперва они побывали в Сиэтле, где выпускаются стратегические бомбардировщики Б-52 и где можно найти всю техническую документацию и другие данные, связанные с его разработкой и производством… Б-52 является одним из самых современных и секретных американских самолетов.

Они прибыли в Сиэтл, объехали завод «Боинг» и другие объекты, которые не мог бы посетить без санкции военных не только обычный американец, но даже сенатор.

Далее русские перебрались через залив Бремертон. И этот город, по непонятной причине, для них оказался открытым, хотя здесь находятся крупнейшая в мире военно-морская верфь, основная ремонтная база ВМС США и наибольшее количество корыблей и судов на консервации.

В Бремертоне они, по-видимому, взяли лодку и обошли на ней всю акваторию верфи.

Затем русские атташе изъявили желание посетить ряд мест в графстве Китсэп, куда не заезжают обычные туристы, а также Бангор и Кипорт. В Бангоре размещен один из крупнейших складов боеприпасов, Кипорт является крупным научным и промышленным центром, где осуществляется разработка и производство торпед.

Я не знаю, были ли русские на самих объектах, но они, безусловно, имели возможность изучить все, что с ними связано. Так, по поступившим данным, они скупали все карты, которые смогли найти, для чего даже вступили в ассоциацию «ААА», что совсем не обязательно, так как эти карты можно приобрести на любой заправочной станции.

Далее военные атташе арендовали автомашину и направились через графство Кинг на север в графство Снохомиш… Там развернута секретная мощная радиостанция, обеспечивающая связь в пределах всей тихоокеанской зоны.

Понимая, что они не смогут проехать через графство Китсэп

на автомашине, русские пересекли его на автобусе, а затем вновь арендовали автомобиль и продолжили путешествие на север. По пути они имели возможность наведаться в район базы ВМС Уйтби Айленд, где проводится обработка секретных методов ведения боевых действий флота и авиации».

Когда в резидентуру доставили текст речи сенатора и офицеры сделали перевод, Сакулькин убедился, что Магнасон, конечно же не без помощи спецслужб, достаточно хорошо отследил маршрут их передвижения.

Действительно, после базы Уйтби Айленд они поехали в Беллингхэм, потом в Колумбию. Там большое количество дамб, плотин, завод по производству аллюминия. Далее был полет в Такому, один день в Бремертоне. Что ж, сенатор верно подметил, что «ни один человек, который едет в эту живописную местность, не выберет такого места, как Бремертон, так как кроме нашей крупнейшей военно-морской базы там ничего нет».

Следующим пунктом назначения стал Порт Очард. «Интересно, почему два советских военных атташе захотели посетить маленькое местечко Порт Очард, находящееся в 3000 миль от Вашингтона?» — вопрошал сенатор.

Он еще долго перечислял местечки, городки, острова, через которые пролегал путь советских офицеров. Закончил Магнасон свою речь словами: «Определенно, их поездка была самой вызывающей из когда-либо предпринятых поездок по США этой категорией лиц».

Потом оповестил конгресс, что по поводу инциндента обратился с письмом в Госдепартамент, в Министерство обороны, в Министерство юстиции и конечно же в ЦРУ.

Разумеется, выступление Магнасона сопровождалось многочисленными публикациями в прессе. Ситуация была неприятная и по оценкам посольства могла закончиться для Федорова и Сакулькина высылкой из США. Однако ничего этого не случилось. Госдеп все взял на себя, правда, закрыл на длительное время штаг Вашингтон для посещения советскими представителями.

* * *

Конечно же эта шумиха не остановила разведчиков. Поездки продолжались. Во всяком случае, Сакулькин успел посетить 30 штатов из пятидесяти. Понятно, что совершались они не ради американских красот.

Весной 1958 года завершилась первая зарубежная

командировка Ивана Сакулькина. Случилось так, что билетов туристического класса не оказалось и ему было дозволено совершить возвращение из США в Европу первым классом на знаменитом морском лайнере «Куин Элизабет».

Шесть дней пути, и корабль пришвартовался во французском порту Шербур. Оттуда по железной дороге в Москву. В Центре Иван Павлович долго не задержался. Уже через полтора года он помощник, а потом и старший помощник военного атташе в Великобритании. Это будет его вторая командировка. Потом третья и четвертая — опять в США.

По возвращении из последней командировки контр-адмирал Иван Павлович Сакулькин возглавит управление в ГРУ Генштаба.

В 1991 году уйдет в отставку.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В АДЕН

Путь полковника Владимира Ованесовича Наона был извилистым и трудным. Мечтал быть военным моряком или летчиком, а стал — танкистом. Желал служить на Севере, но всю жизнь прослужил на юге. Всей душой рвался в командиры, но закончил инженерный факультет Бронетанковой академии и был замотехом. Любил английский язык, а попал на арабское отделение.

И вместе с тем он был лучшим курсантом своего училища, передовым взводным в дивизии, его прочили из замотеха па должность командира полка. Но Наон стал военным разведчиком. Служил помощникам военного атташе Советского Союза в Египте, военным атташе в Народной Демократической Республике Йемен.

«Хочу быть танкистом…»

Володька Наон сколько помнил себя — столько мечтал стать военным. Только военным. От роду ему было семнадцать лет, но характер еще тот — упертый, резкий. Ежели что задумает, обязательно своего добьется.

Отец не одобрял решение сына. Хотел видеть Володьку студентом университета. Да только что ж от его хотения. Попытался убедить, да толку никакого. Наон-младший и слушать не желал про студенческую жизнь, грезил офицерскими погонами.

Ованес Наон был секретарем райкома партии Адлерского района Сочи, руководил тысячами людей, и делал это вполне успешно. А вот с сыном совладать не смог. Володька, несмотря на молодость, был сам себе голова.

В конце концов отец сдался, махнул рукой. Хочешь стать офицером — езжай. И вчерашний выпускник школы Владимир Наон махнул в Летппрад, в знаменитую «фрунзенку» — Военно-морское училище им. М.В. Фрунзе.

Прошел медкомиссию, успешно сдал экзамены. А на «мандатке» начальник училища, старенький, седенький адмирал (во всяком случае, таким он показался семнадцатилетнему парию), сказал: «Давай, сынок, расскажи свою биографию». А что тут, собственно, рассказывать: родился, учился, не женился. Вот и

начал Володька с того момента, как появился на свет. Отчеканил, как положено: «Родился в 1933 году…» Хотел было перейти к делам школьным, да видит, у адмирала лицо от удивления вытянулось:

— Так тебе сколько лет, сынок? Семнадцать, что ли?

— Семнадцать, — подтвердил Наон.

— А ведь мы с восемнадцати принимаем. Таков закон.

Адмирал развел руками.

— Приезжай на следующий год.

Володька чуть не заплакал от обиды. Как это на следующий год. А до восемнадцати как ему жить?

Но, как говорят, выше головы не прыгнешь. Собрал вещички и двинул в дорогу. Только не домой, а в Батайск, в военное авиационное училище. Наон не собирался сдаваться. Тем более знал, в Батайском авиационном учат летать на реактивных самолетах.

Но и там его быстро вычислили как «малолетку» и отправили к месту постоянного жительства. Вернуться домой, к отцу, означало пойти в университет. А он мечтал о курсантской жизни. Однако мечты мечтами, а возвращаться пришлось.

Володька добрался до Краснодара и от нечего делать коротал время на вокзале, ждал поезд на Адлер. Случайно познакомился с ребятами, тоже выпускниками школы. Они ехали в Саратов — поступать в танковое военное училище. Те, видя его настроение, естественно, спросили: «Че киснешь?» Рассказал. И про Ленинград, и про «фрунзенку», и про Батайск. Пацаны поначалу притихли, осмысливая сказанное, а потом кто-то неожиданно предложил:

— А, была — не была, давай с нами, в Саратов. Может, повезет.

— Поехали… — поддержали другие.

— Да что толку, — отмахнулся Володька. — Опять домой отправят.

— Авось не отправят, — успокаивали его ребята, — бог любит троицу…

Это был серьезный аргумент, и Наон, подхватив свой чемоданчик, поспешил за своими новыми товарищами.

В Саратове все повторилось заново: медицина, экзамены, мандатная комиссия. У него были справки из обоих училищ об успешной сдаче вступительных испытаний, но Владимир их зажал, не показывал. Ведь ясно — предъяви справку — и сразу вопрос: а почему не приняли? Потому и пошел он в третий раз по большому кругу, все сдал, выдержал, а на «мандатке» его опять завернули.

Вышел из кабинета, на душе кошки скребут, присел в комнате дежурного, вытащил из кармана куртки свои любимые спортивные значки.

— Твои, что ли? — спросил через плечо курсант с повязкой помощника дежурного на рукаве.

— Мои, — отозвался со вздохом Володька.

— А чего невесел, голову повесил?

— Да в училище не приняли.

— Как не приняли? — удивился помдеж, — с такими значками. Да я с ними в любое военное училище поступлю.

Наон удивленно поднял голову. Курсант ткнул пальцем в значок второго спортивного разряда.

— Это по какому виду?

— По самбо.

— А тот?

— По боксу… У меня еще грамоты и дипломы есть, — с надеждой сказал Володька.

— Так вот, завтра натягивай все значки па грудь, бери под мышку дипломы и вперед на мандатку. Только не стесняйся, будь понаглее. Точно примут, это я тебе говорю…

Назавтра Владимир Наон так и сделал — переступил порог кабинета, где заседали члены мандатной комиссии, — вся грудь в значках, а под мышкой — сверток с грамотами.

Начальник училища, генерал, бывший кавалерист, удивился:

— По-моему, ты вчера был, Наон.

— Да, был, вы меня не приняли. Но я хочу стать танкистом. Я, что, виноват, что родился на год позже?

Генерал аж из-за стола подскочил от такой наглости. Захотел разглядеть поближе нахала, подошел и остановился. Стал рассматривать значки и, подобно вчерашнему помощнику дежурного, спрашивал: это по какому виду спорта, а это?..

Увидев сверток, попросил развернуть. Читал, удовлетворенно качал головой. Потом возвратился за стол комиссии.

— А впрочем, ему уже восемнадцатый год. Я в его лета уже шашкой беляков рубил. Ничего, жив, здоров. И он выдержит, парень крепкий, спортивный, — подвел итог генерал, оглядев членов комиссии. — Наон Владимир Ованесович, вы зачислены в училище. Думаю, возражений нет.

Возражений не было. Так Владимир стал курсантом Саратовского танкового командного училища.

Через два года его в числе лучших курсантов в качестве поощрения переведут в Ульяновское гвардейское танковое училище. Практиковался в ту пору подобный вид поощрения. Хотя был весьма спорным. Курсантов срывали из родного

училища, из привычной обстановки, коллектива и отправляли к новому месту учебы. Тем более что в Саратове обучение шло на тяжелых танках, а в Ульяновске на средних.

Пришлось курсанту Наону срочно догонять своих товарищей по роте, которые уже два года учили средний танк. Но тем не менее догнал.

В 1953 году закончил училище и попал служить в Китай, на Ляодунский полуостров в город Цзинь-Чжоу. Волей судьбы оказался не в танковом подразделении, а в батальоне, на вооружении которого стояли самоходные артиллерийские установки. Опять пришлось переучиваться.

Через два года советские войска из Китая стали выводить, и он в составе своего подразделения прибыл в Группу Советских войск в Германии. Попал в 12-ю танковую дивизию, которая дислоцировалась в городе Нойруппине.

Прибыв в отделение кадров, случайно услышал, что один из полков дивизии перевооружают на новые тапки Т-54. «Лга, — решил он, — значит, есть возможность освоить самые современные боевые машины». И Наон во время беседы, как бы между прочим, заметил, мол, в училище изучал Т-54. Хотя на самом деле и в глаза его не видел. Разумеется, Владимира распределили в этот полк.

«Вы нам подходите»

Командиром взвода в полку лейтенант Наон был передовым, лучшим, но отношение к нему у руководства было неоднозначное. Уж очень отличался Владимир от других взводных. Он никогда не повышал голос, не кричал на подчиненных, но потребовать, добиться своего умел как никто другой.

На занятиях взводный дважды не повторял. Он заранее предупреждал об этом своих подчиненных. Проводит, к примеру, занятие по инженерной подготовке. Рассказывает об окопе полного профиля, даст для запоминания размеры. Однако видит, его предупреждению не все вняли. Поднимает солдата, просит назвать размеры окопа. Тот не слушал объяснения командира, мямлит, ответить не может. Нет, лейтенант не ругает его, не взывает к комсомольской совести. Приходит очередное воскресенье, и нерадивый солдат-двоечник в сопровождении взводного оказывается на полигоне.

Приказ: отрыть окоп полного профиля. Начитается работа. После упорного труда — окоп готов. Лейтенант рулеткой

придирчиво вымеряет стенки. Ошибся солдат: тут на десять сантиметров больше, а там на двадцать меньше. Окоп зарывается, и работа начинается заново. Перед этим двоечник взводному докладывает точные размеры саперной лопатки. Ведь у солдата нет рулетки, а лопаткой можно прекрасно измерить стенки окопа.

Такое «воскресное воспитательное занятие» дает прекрасные результаты: солдат не только натренирован в рытье окопа, но и на всю жизнь запоминает его размеры.

Подобных воспитательных приемов в арсенале лейтенанта Наона было немало. Однако не всякий вышестоящий командир одобрял их, а замполит батальона считал, что лучше «пропесочить» двоечника на комсомольском собрании. Но Владимир упрямо гнул свою линию. И она давала отличные результаты — взвод от проверки к проверке признавался лучшим в полку. За три года службы в ГСВГ за успешное командование подразделением и высокие результаты в боевой и политической подготовке Наон получил две грамоты ЦК комсомола. Всякий, кто помнит те времена, подтвердит: такие грамоты направо и налево не раздавали, их действительно надо было заработать.

Поговаривали, что его вот-вот выдвинут на роту, но неожиданно лейтенанта Наона вызвал к себе комдив. Честь высокая, редко какого взводного приглашает на разговор сам генерал. Казалось бы, радоваться надо, а Наон после беседы с комдивом огорчился. Дело в том, что генерал предложил ему, как лучшему взводному, назначение в учебный батальон. Иные от такого назначения были бы вне себя от радости, но Владимир отказался. А батальон, между прочим, ходил в лучших, его командир сам объезжал подразделения, искал, подбирал офицеров.

Теперь пришла очередь удивляться и огорчаться командиру дивизии. Естественно, он спросил, почему Наон отказывается служить там, куда другие мечтают попасть. Лейтенант сказал, что, во-первых, видит себя только в боевых частях, а не в учебных, во-вторых, методы его работы с личным составом не вписываются в систему воспитания и обучения в батальоне.

Генерал позеленел от возмущения и, едва сдерживаясь, сказал, что командованию дивизии виднее, где и как использовать лейтенанта.

Так Наон оказался в учебном батальоне. Правда, комбат вскоре пожалел, что взял этого ершистого взводного к себе. Нет, служил лейтенант добросовестно, обязанности свои выполнял в полном объеме, и учебный взвод под его командованием также числился в лучших. Но головной боли у командира прибавилось.

Любил комбат по утрам пройтись по территории части. Идет,

ба! окурок. «Командира дежурной роты ко мне!» — звучит команда. Обязанности ротного исполняет лейтенант Наон. Появляется пред очами комбата.

— Это что, товарищ лейтенант?

— Окурок, товарищ майор.

— Почему на территории?

Вместо того чтобы быстро устранить недостаток, исполняющий обязанности ротного с невинным видом заявляет:

— Это не по мне вопрос, а к вашему заместителю. Такие папиросы курит только майор Кирий.

Ну какому командиру понравится подобный разговор?! Однако опытному комбату признаваться, что он ошибся в подборе кадров, тоже не с руки. Что ему ответят? Да как обычно в таких случаях — воспитывайте. И тоща комбат использовал старый проверенный прием — выдвинуть Наона кандидатом для поступления в бронетанковую академию. Кто усомнится в правильности решения? Никто. Наон — образцовый офицер, лучший в соединении командир взвода. Словом, с глаз долой— из сердца вон. И, разумеется, подальше от себя.

Наон и здесь сопротивлялся, как мог. Он хотел в академию на командный факультет, его же рекомендовали на инженерный.

Экзамены сдал успешно, поступил, отучился пять лет. По окончании просил послать его в любой гарнизон, где похолоднее — в Забайкалье, на Чукотку, Камчатку. Послали в Закавказский военный округ, в Ахалкалаки.

Была еще одна беседа перед отъездом в часть. Правда, он не воспринял се всерьез, тем более что на некие странные предложения Наон ответил в своем стиле — прямо, жестко, с насмешкой. Беседу вел полковник, как он представился, «одного из Главных управлений Генштаба»:

— Мы изучили ваше личное дело. Вы нам подходите.

— Товарищ полковник, а чем я буду заниматься, что делать, объясните?

— Этого вам сейчас сказать не могу.

— Но тогда возникает другой вопрос: я вам подхожу, а вы — мне? Поймите, здесь я получил образование, люблю и знаю свое дело. То, что вы предлагаете, — не представляю.

На том и разошлись. Полковник, видимо, ушел в свое Главное управление, Наон уехал в Ахалкалаки.

В дивизии его назначили старшим помощником замкомдива по технической части. Однако он целый год исполнял обязанности зампотеха соединения, так как его начальник находился в командировке на Кубе.

Однажды Наона пригласили на беседу. Неужто вновь

«полковник одного из Главных управлений Генштаба», — подумал Владимир. Однако на сей раз приехал вполне нормальный, понимающий офицер. Рассказал, что он представляет Главное разведывательное управление и о Наоне не забыли в Москве. Предложил стать кандидатом для поступления в военно-дипломатическую академию.

— Боюсь, что в моей биографии есть один сложный момент, — признался Наон, — и я вам не подойду.

— Говорите…

— Моя сестра вышла замуж за румына и покончила жизнь самоубийством.

Полковник улыбнулся и сказал:

— Правильно, что не умолчали, но мы это знаем. Наше предложение остается в силе.

Вскоре капитана Владимира Наона перевели в разведуправление Закавказского военного округа на стажировку. На следующий год он уехал в Москву, сдал экзамены. На мандатной комиссии ему задали всего два вопроса. Первый — что это за значок у него на груди? Наон ответил: «Мастер вождения».

Второй вопрос задал седой человек с красивыми вьющимися волосами. Был он в гражданском костюме, сидел в сторонке, что-то чирикал на листе бумаги и, казалось, совсем не слушал, о чем говорят члены мандатной комиссии.

Когда начальник академии спросил, есть ли еще вопросы, седой встал, подошел к Наону, показал лист бумаги. Владимира удивило, с каким мастерством был сделан карандашный набросок одного из лидеров арабского мира.

— Это кто? — спросил седой.

— Гамаль Абдель Насер, — ответил Наон.

— Я его беру.

Позже Владимир Ованесович узнает: это был начальник ближневосточного управления ГРУ генерал Сеськин. «Так я попал на арабский язык, — скажет в беседе со мной Наон. — Было неимоверно тяжело. Приходил и до полуночи учил. В шесть утра вставал и опять зубрил. Но язык не шел совершенно. Со второго курса стали давать нам английский. И вот мне сдавать госэкзамены по арабскому языку, а я начинаю успешно говорить на английском.

И тем не менее экзамены сдал, из академии выпустился и был назначен помощником военного атташе в Египет.

4 апреля 1970 года я прибыл в Каир».

Выговор от министра и орден на груди

К тому времени Владимиру Наону исполнилось 37 лет. Он уже двадцать лет носил погоны, имел солидный послужной список, но вот в разведке, на практической работе подполковник делал только первые шаги.

К счастью, ему повезло на учителей. В ту пору резидентом советской военной разведки в Египте был генерал Николай Леонидович Румянцев. Личность неординарная, профессионал самой высокой пробы, с огромным опытом работы за рубежом.

Как вспоминал сам Наон, «у Румянцева была потрясающая работоспособность. Мог работать без отдыха сутками. А еще он всегда мыслил нестандартно.

Однажды “дед” (так мы звали Николая Леонидовича между собой) дал мне предметный урок по подбору тайников. Для разведчика, знамо дело, тайник первейшая забота. Ходишь, смотришь, выбираешь. Потом, как учили в академии, описываешь. Ну вот я присмотрел такой тайник, описал. “Дед” прочел и говорит:

— Поехали, посмотрим.

Приехали. Он все оглядел, ничего не сказал. Молча вернулись в посольство.

Наступил вечер. “Дед” меня вызывает:

— Вперед, но коням. Туда же.

Едем, пока ничего не понимаю. Останавливаемся. Выходим из машины. И… немая сцена.

Слева и справа от того места, где я выбрал тайник, два огромных фонаря. Горят ярко, светло как днем. Как к такому тайнику подойдешь?

— Ты теперь все понял? — спрашивает “дед”.—Место для тайника надо выбрать ночью, а сам тайник днем.

Отличный урок».

Потом, когда Наон сам станет руководителем разведаппарата, будет постоянно применять «метод Румянцева». Только, разумеется, дополнит и разовьет его.

Помнится, подчиненный подберет тайник и будет настаивать, доказывая сколь он хорош. «Ладно, — согласится Наон, — у нас сегодня день зарплаты. Так вот половину от нее оставишь в тайнике, а я через сутки лично заберу ее оттуда».

Офицер задумался, притих. Потом воспринял слова шефа за розыгрыш.

— Что вы, Владимир Ованесович, это же зарплата.

— А агент, который придет к тайнику, между прочим, туда не зарплату кладет, а голову.

Больше подчиненный не проронил ни слова. Только попросил поработать еще некоторое время над выбором тайника.

Да, уж генерал Румянцев был классным педагогом. Однажды напрочь выбившись из сил, использовав, на свой взгляд, все возможные варианты подхода к агенту, Владимир Наон сдался.

Право слово, не в его правилах сдаваться, но тут, как казалось разведчику, был случай особый. А познакомиться помощник военного атташе желал ни много ни мало, а с египетским генералом. Станет ли этот генерал впоследствии источником, время покажет, а пока задача одна — «подойти к нему поближе», как говорят в разведке.

В общем, пробовал Владимир и так и этак — не выходит. Пришло время, доложил шефу все как на духу. Тот выслушал, да как гаркнет:

— Ах, мать вашу, никто думать не хочет.

— Да думал я, все время думал, — пытался оправдаться Наон.

— Плохо думал. Разбей ему машину. И дело с концом.

Видя, как опешил подполковник, Румянцев улыбнулся.

— Заодно и повод будет познакомиться.

Разбить машину… Для молодого советского разведчика, чье детство пришлось на войну, а юность на голодные послевоенные годы, проделать подобное — из ряда фантастики. Ему и в голову такое прийти не могло.

Но шеф дал добро. И через два дня старенькая посольская «Волга», неуклюже пытаясь припарковаться у небольшой лавчонки рядом с домом генерала, разбила фару у «мерседеса».

Из «Волги» вышли двое, из магазина выскочил испуганный хозяин, все ахали, сожалели.

Одни из двоих спросил хозяина лавки:

— Кто хозяин этой машины?

— О, это большой человек! — закатил глаза к небу араб.

— Он в форме?

— Да, но форму одевает редко. По праздникам. — И тут же посоветовал: — Вы уезжайте скорее, он сегодня был не в духе.

Наон не согласился:

— Как же уехать, ведь мы разбили машину. Где он живет?

Хозяин лавки назвал подъезд, квартиру. Владимир Ованесович поднимается, звонит. Дверь открывает заспанный недовольный генерал. Происходит объяснение не из приятных, мол, я работник советского посольства, случайно разбил фару у вашей машины. Но обязуюсь восстановить, а пока она будет в ремонте, поработаю у вас за водителя.

Назавтра Наон отвез генерала на службу, доставил обратно, на следующий день проделал то же. Вечером, когда возвращались к дому генерала, отремонтированный сияющий «мерседес» уже

стоял на стоянке. Так они познакомились.

За четыре года работы в Египте у Владимира Наона было много всякого. Попал он и на войну, ту самую, которую египтяне назвали «Операцией Бадр», а израильтяне «Иом-Киппур», что в переводе на русский означает «День Искушения», или «День суда». Советские историки именовали се просто «Октябрьской войной 1973 года».

Конечно, он не шел с передовыми частями наступающих египетских войск и не сидел в окопах с солдатами 3-й окруженной армии, по у него были свои очень важные задачи. Каждый день помощник советского военного атташе проводил в войсках, чтобы собственными глазами убедиться, в каком положении находятся противоборствующие силы, каковы итоги боев, потери и многое другое, что интересовало в те дни Москву. Дважды в сутки он добирался с фронта в посольство, чтобы написать отчет. Л утром — новая поездка на фронт. Такой график был у Владимира Ованесовича практически целый месяц.

«Жутко тяжелый месяц, — признавался Наон. — С передового командного пункта надо было отмахать 120 километров. Усталость дикая. Хорошо, что там пустыня, максимум в песок зароешься. Вот я выезжал, намечал две точки и, закрыв глаза, старался делать только одно — держать руль прямо. Доезжал до предполагаемой точки, и все повторялось заново».

На той войне он увидел много такого, что не сможет забыть потом всю жизнь. Например, расстрел танковой колонны израильской бригады. Египтяне устроили примитивную засаду у дороги, подбили первые два танка, последний — и началась бойня. Боевые машины пылали, как свечки, солдаты выскакивали из танков. Бежали. Падали убитые, раненые. Это он видел собственными глазами.

Потом вместе с офицером из египетского генштаба побывали на поле боя. Страшная картина. Остовы догорающих танков, погибшие, погибшие… Зацепился взгляд на убитого молодого мальчонку, израильского танкиста. Лет девятнадцать, не больше, лицо открытое, красивое, ветерок шевелит волосы на голове.

Часа через два, когда возвращались обратно, Наон вновь отыскал глазами этого израильского юношу. Но теперь он лежал почему-то босой. Стало горько на сердце, неужто украли ботинки. Присмотрелся, оказывается, ботинки лежали рядом. Солнце высушило труп, ступни усохли, и обувь свалилась с ног. Голова танкиста тоже ссохлась, стала с кулачок, и только ветер по-прежнему шевелил его густые волосы.

Разумеется, кроме самой свежей информации с переднего края на сотрудниках атташе лежала другая традиционная задача

— добывание образцов новой военной техники и оружия. А поскольку израильтянам эта самая техника и оружие поставлялись из США, задача обретала особую ценность.

На первый взгляд, тут не было никакой проблемы. В те годы Египет — дружественная Советскому Союзу страна. Вся их армия оснащена нашим оружием. В период той же октябрьской войны 1973 года СССР организовал по сути воздушный мост. В Египет, в Сирию, в Ирак на самолетах АНТ-12, АНТ-16, АНТ-22 перебрасывалась боевая техника, оружие, боеприпасы, словом, все необходимое для ведения войны.

В свою очередь, подобным образом американцы помогали израильтянам. Казалось бы, стороны определились, ясно, где друг, а где враг. Однако на самом деле все обстояло намного сложнее. После смерти президента Гамаль Абдель Насера Египтом вот уже третий год правил Анвар Садат. Он проводил иную политику, чем его предшественник. От помощи Советского Союза не отказывался, но по всему чувствовалось охлаждение отношений между двумя странами. А летом 1972 года советских специалистов и вовсе попросили из страны. Так и объявили: по решению египетских властей миссия советских военных специалистов прекращается.

Кстати, с поворотом политики администрации президента Садата связана поучительная история из жизни помощника военного атташе Владимира Наона.

За несколько месяцев до высылки советских специалистов из Египта, когда, казалось, отношения между нашими странами по-прежнему были безоблачны и крепки, один из ценных источников Наона, имеющих доступ к информации государственной важности, принес поистине шокирующую весть: принято решение отказаться от помощи военных советников и специалистов из СССР. Когда это будет осуществлено, источник не знал, но то, что принципиальное решение принято — утверждал со стопроцентной уверенностью.

Действительно, информация неожиданная и в ту пору больше похожая на некую провокацию, чем на правду. По существу, этот агент, как оракул, предсказывал крушение почти двадцатилетнего сотрудничества между СССР и Египтом. В такое трудно было поверить.

Резидент приглашал к себе подполковника Наона еще и еще раз. Но ничего нового Владимир Ованесович добавить не мог, кроме того, что источник надежный, а решение в Каире было принято в узком кругу президента Садата и его самых близких соратников.

После раздумий, сомнений резидент все-таки принял

решение, и в Москву была отправлена соответствующая телеграмма.

Три дня Центр молчал. Потом в резидентуру пришел разгромный ответ. Информация источника Наона была названа дезинформацией, а резидент строго предупрежден. В телеграмме — резюме: подобная дезинформация может нанести ущерб долголетним советско-египетским отношениям.

Владимир Ованесович потом не раз будет возвращаться в мыслях к этой жесткой оценке Москвы. Каким образом его развединформация могла помешать отношениям двух стран, сложно сказать. Но с Центром особо не поспоришь. Тем более в данном случае.

Жизнь вскоре подтвердила правильность действий ценного источника, его руководителя Наона и резидента, однако официально этого никто не признал. Да и кому хочется посыпать голову пеплом и каяться в своих ошибках. Хотя пример весьма показательный.

… Однако вернемся в 1973 год, в октябрьские дни, к задаче, которую выполняли наши разведчики — добывание образцов военной техники вероятного противника.

«Мелочевку от египтян, — вспоминал Владимир Ованесович Наон, — какие-то мины, снаряды, которые и не шибко нам были нужны, мы получали без проблем.

Шариковые бомбы имели. Поначалу ведь непонятно было, от чего погибает человек. Ранение в ногу вроде не тяжелое, а солдат — погиб. Почему? Оказывается, от болевого шока.

Получили от египтян танк “Центурион”. Но это же старье, ничего интересного. Он нам был известен от и до еще в академии. А вот как только дело дошло до новых моделей американских боевых машин, тут — стоп! Все кивают наверх. Хорошо, идем с атташе к начальнику генштаба. Мило улыбается: “Конечно дадим. Есть у нас такие образцы, захвачены. Но я не вправе. Только министр обороны может дать добро”.

Идем к министру. Та же картина. Только теперь министр кивает на президента».

С огромным трудом военному атташе и его помощнику удалось добиться разрешения на передачу танка советской стороне и отправку его в Москву. Но даже на последнем этапе, когда, казалось, самые «высокие» разрешения получены, им пытались вставить палки в колеса. Возможно, египетским генералам это бы и удалось, но, увы, им не повезло. Помощник военного атташе Советского Союза подполковник Владимир Наон оказался танкистом. Более того, в академии он учился на инженерном факультете, а потом служил зампотехом. Так что

танки, как свои, так и чужие, знал отменно. Конечно, новейший американский танк, захваченный в ходе боев у израильтян, он видел впервые, но это не меняло сути дела.

А вот египтяне думали иначе. Они надеялись, что обхитрят советских офицеров. Тем более что военный атташе был морским офицером. Откуда ему знать американские танки?

Словом, египетские военные показали впервые американский танк и дали согласие, забирайте. Правда, уточнили, как будете вывозить?

— Самолетом, — ответил атташе.

— Не выйдет, пушка развернута на 90 градусов. Не войдет даже в самый большой самолет.

— Так мы ее развернем…

На это хитрые египтяне только усмехнулись.

— Она не разворачивается.

— Почему?

Начальник бронетанковых войск генерал Самир показал Наону на башне небольшую вмятину:

— Заклинило от удара.

Теперь пришло время улыбнуться Наону. «Что ж ты мне мозги пудришь, — подумал про себя Владимир Ованесович, — от такого удара башню не заклинит».

Пришлось залезть в танк. Подполковник осмотрелся. «Ага, а вот тут должна быть шестерня, на которой и вращается башня». Отвернул несколько болтов, снял так называемый погон башни, который прикрывает шестерню. А вот и подарок, подготовленный египтянами, — стальные шарики, аккуратно уложенные между зубьями шестерни. Они-то и заклинивали башню.

«Это же задачка для первоклассников», — хмыкнул Наон.

Через несколько минут, к изумлению и досаде бронетанкового генерала, башня начала отменно вращаться и была установлена в нужное положение.

Однако теперь запустить двигатель танка не удалось. Но вскоре неисправность обнаружилась: чья-то услужливая рука разъединила контакты, вставив между ними картонку.

Вскоре «американец» взревел всей мощью двигателя, и это говорило о рухнувших надеждах египтян.

… В тот же день боевая машина была отправлена в Москву. Правда, Владимир Наон еще не знал, что имешю этот танк, который они с таким трудом вырвали у египтян, станет причиной для его… наказания. Да еще какого наказания. Он, подполковник, попадет в приказ самого министра обороны.

А произойдет это следующим образом. В сумасшедшей спешке, в борьбе с египтянами, он заберет танк, загонит его в

самолет, но не успеет проверить пушку. Лайнер проделает путь Каир — Будапешт — Москва, а когда сделает посадку в Чкаловском и танк выгонят из самолета, откроют клип танковой пушки, оттуда выскользнет снаряд. Так что выговор в приказе министра обороны поделом, считал сам Владимир Ованесович. Остается добавить, что по итогам командировки в Египет он получил еще и орден Красной Звезды. Что поделаешь, таковы парадоксы жизни военного разведчика: за одно и то же можно сразу получить и выговор и орден.

Вооруженное столкновение неизбежно

По возвращении из Египта подполковник Владимир Наон два года служил в центральном аппарате ГРУ. «В Центре больше двух лет сидеть не на пользу, — скажет однажды в беседе с автором этих строк Владимир Ованесович. — И когда начальник управления генерал Вилков вызвал меня на беседу, внутренне я уже был готов двинуть в командировку. Куда? Тоже примерно знал. До этого несколько офицеров в Южный Йемен отказались ехать. Кому климат не подходит, а кто уже в Москве пригрелся — не оторвать.

Словом, Вилков предложил мне место военного атташе в Адене. Я согласился. Сказал тоща, что не стану обещать горы своротить, а вдруг не сворочу, но работать буду честно и добросовестно.

7 мая 1976 года, только что назначенный министром обороны Дмитрий Федорович Устинов досрочно присвоил мне звание полковника и назначил военным атташе Советского Союза в Йеменской народно-демократической республике».

Тогда Владимир Наон не знал — не ведал, что вся его последующая служба с некоторым перерывом будет связана с Йеменом, сначала с Южным, а потом уже и с объединенным. Десять лет жизни проведет он в этой арабской стране на юге Аравийского полуострова.

Это будут тревожные, непростые годы в истории Йемена— военный переворот 1978-го, вооруженное столкновение между сторонниками президента страны Салем Рубейя Али и генерального секретаря социалистической партии Абдель Фаттах Исмаила. Все произойдет во время первого пребывания Наона в Йемене. Вторая командировка в январе 1986 года и срочное прибытие в Аден Владимира Наона и вовсе будет происходить во время гражданской войны, когда все дороги в Южный Йемен окажутся перекрыты. Его путь в охваченную войной страну —

история особая и рассказ о ней впереди.

Так что это были десять лет напряженной, опасной работы.

А началась она с того, что Москва… не поверила своему атташе в Южном Йемене.

«Когда я приехал в Аден, — рассказывал Владимир Ованесович, — это была тихая, мирная страна. В декабре 1977-го пишу доклад о состоянии военно-политической обстановки. Получилась такая огромная телеграмма. В ней главное — неизбежность вооруженного столкновения двух лидеров, то есть, иными словами, — гражданская война. Ну а кому же это хочется слышать. Все было мирно, тихо, а тут Наон войну напророчил.

Сначала я назвал срок ноябрь — декабрь, но чуть позже, в апреле, в новой телеграмме в Центр, уточнил — вооруженное столкновение произойдет не позднее конца августа. Было ясно, ни тому ни другому отступать некуда. Но мы еще могли их остановить. Я предлагал пригласить и Салема Рубейя Али, и Абдель Фатгаха Исмаила в Москву и сказать: “Вы нам оба нужны, но не каждый в отдельности. Только вместе. Езжайте, работайте”.

К сожалению, этого не сказали. И как я узнал позже, в Центре решили, что Наон вообще перегрелся. Мол, климат тропический, тяжелый, атташе два года в отпуске не был. Разрешили пойти в отпуск».

Но все это будет потом. А пока страна упорно двигалась к гражданской войне. По мнению Владимира Наона, у Рубейя оставался единственный выход: объявить войну Йеменской арабской республике. Пусть война продлится сутки, двое, неделю, не важно, но это даст возможность Верховному главнокомандующему поднять войска, ввести их в Аден и блокировать партийную верхушку.

В июне, накануне трагических событий, Наон вновь докладывает в Москву: противоборство двух враждующих сторон приняло острый и необратимый характер, вооруженное столкновение неизбежно.

До полуночи советский военный атташе находился в посольстве. Но в городе было тихо, и он уехал домой. Лег спать, а уснуть не мог: сверлила мысль, неужто ошибся?

Едва задремал, как в 2 часа ночи его разбудил грохот орудий. Началось. Президент вывел из казарм бригаду и открыл артиллерийский огонь по зданию ЦК партии и правительства.

Владимир Ованесович решил офицеров атташата не посылать под пули, но сам выехал, чтобы осмотреться, разобраться в обстановке. На машине поднялся на сопку, которая господствовала над городом. Видно было — стреляют в разных концах столицы.

Чтобы получше рассмотреть, вышел из автомобиля. Едва отступил на несколько шагов, как по машине ударила автоматная очередь. Неизвестный стрелок, видимо, заметил свет в салоне, когда он открывал дверь, и нажал на курок, к счастью, с небольшим опозданием. Утром Владимир Ованесович так и приехал в посольство на автомобиле, пробитом пулями.

Еще сутки в городе шли бои. Все закончилось победой Абдель Фаттаха Исмаила и его сторонников. Однако победа была пиррова. Новый президент и генсек в одном лице — руководитель слабый, безвольный, пристрастившийся к выпивке, всюду за собой таскал любовницу. Уже через несколько месяцев стало ясно, что он обречен.

Один из агентов Наона, близкий к высшим руководителям страны, принес тревожную весть: Абдель Фаттаха Исмаила будут снимать. А это могло повлечь за собой роковые последствия.

Наон доложил эту информацию послу — Борису Федотову. Тот, откровенно говоря, поначалу отнесся к ней с недоверием. «Вчера был у него, — сказал посол, — Фаттах спокоен, считает, что оснований для беспокойства нет».

Помнится, тоща Наон только и ответил послу, что может сказать руководитель, который не только не контролирует ситуацию, но даже себя. На том и разошлись.

А через несколько дней, ночью в дверь квартиры военного атташе постучали. На пороге стоял испуганный агент:

— Фаттаха будут расстреливать!..

Полковник Наон быстро оделся, прыгнул в машину и погнал к зданию Центрального Комитета. Здание было окружено танками.

Владимир Ованесович развернулся, помчался в посольство. Поднял с постели заспанного посла, рассказал о случившемся.

— Надо спасать Фаттаха, — вымолвил Федотов.

Пока собирались, стало известно, что Фаттаха перевезли из здания ЦК в президентский дворец. Вдвоем, посол Федотов и военный атташе полковник Наон, вскоре были у ворот дворца. К ним навстречу вышел министр иностранных дел.

— У нас личное послание руководителя Советского Союза для вашего президента.

Министр замялся, бормотал что-то невнятное, но посла уже было не остановить. Их проводили в президентские покои. Перед ними предстал бледный, еле живой Абдель Фатгах Исмаил.

— Вот что, господа, — сказал советский посол, — кто будет президентом в стране, это ваше внутреннее дело, но если с Фаттаха упадет хоть один волос, вся ответственность ляжет на вас. — И он обвел взглядом присутствующих здесь премьер-

министра, министра иностранных дел, других руководителей. — В зависимости от этого Советский Союз будет определять свою будущую политику по отношению к вашей стране. — Он повернулся к Наону. — Пожалуйста, военный атташе может подтвердить мои слова.

В это время Владимир Ованесович стоял спиной к окну. Услышав слова посла, он сделал шаг в сторону, чтобы подойти поближе к Федотову, и потянул плечом штору. Окно обнажилось, с улицы ударил яркий свет, и все вдруг увидели несколько красавцев — советских боевых кораблей, которые мирно покачивались на лазурных волнах Аденского залива.

В кабинете неожиданно стало тихо. Йеменские руководители завороженно смотрели на залив. Первым заговорил премьер-министр. Он заверил, что у них и в мыслях не было убивать Фаттаха.

…Когда посол и военный атташе покидали президентский дворец, Федотов с улыбкой спросил:

— Ты это специально финт со шторой проделал, Владимир Ованесович?

— Да нет, Борис Николаевич, случайно. — И хитро подмигнул послу. — А что, не слабый аргумент в поддержку ваших слов. Главное, своевременный.

Они оба от души рассмеялись.

«Доплыву, сынки…»

Вторая командировка в Аден состоялась у полковника Наона в начале 1986 года. По сути, он опять попал на войну. В Южном Йемене вновь стреляли друг в друга.

Спустя несколько лет, которые старый знакомый Наона Абдель Фаттах Исмаил провел в Советском Союзе, он возвратился в Йемен. Его ввели в политбюро ЦК партии, и когда Фаттах стал набирать силу и авторитет, противники устроили на него покушение. Специально подготовленный убийца под видом официанта принес чай в кабинет, где заседали Фаттах, заместитель премьера Али Антар, министр обороны Касем, начальник политуправления Алишея. Выхватив автомат, он расстрелял всех, кто находился здесь. Это стало началом гражданской войны.

Что и говорить, война есть война. И, разумеется, в таких экстремальных условиях дипломаты нередко попадают в сложное положение. Однако, как ни горько в этом признаваться, советский военный атташе, мягко говоря, повел себя неадекватно. Было

принято решение отозвать его на Родину. На замену в Южный Йемен срочно убыл полковник Наон.

«Когда я приехал в Аден, — рассказывал Владимир Ованесович, — оставалось только посочувствовать коллеге: “Мне кажется, тебя неласково встретят в Москве”, — сказал тогда. Да он и сам это понимал».

Но до того момента, как Наон взглянул в глаза коллеге, было целое путешествие.

Это в мирное время — сел на самолет, загрузился в пароход, долго ли коротко, но добрался до места службы, где бы оно ни располагалось. Но война ставит иные проблемы. Как попасть в страну, в шторой идут боевые действия и все въезды в нее — дороги, вокзалы, порты, аэродромы — закрыты. Считай, как в кино — миссия невыполнима. Только тут не кино, а суровая действительность.

К счастью, прошлая командировка не пропала даром: Наон хорошо знал этот регион. Поэтому путь его сначала лежал в Северный Йемен, оттуда — в Джибути. Перед отъездом руководство военной разведки договорилось с Главным штабом военно-морского флота о посылке в Джибути корабля, на котором военного атташе полковника Владимира Наона предстояло доставить в Аден. Иного пути просто не было.

«В общем, из Джибути, — вспоминал Владимир Ованесович, — отправил телеграмму в Главный штаб ВМФ. Корабль прибыл, па который, кстати, пришлось пробираться с большим трудом. Веда это в Йемене я — военный атташе Советского Союза, а в Джибути — кто такой? Да никто. И в порт кто меня официально пропустит?

Пришлось действовать неофициально. В Джибути родной язык арабский, но все, особенно иностранцы, говорят на французском. А я с пограничником завел разговор по-арабски. Они, конечно, размякли, заулыбались, вдобавок блок сигарет, две бутылки виски сделали свое дело. Через час я уже загружался в нашу шлюпку и вперед на родной, советский корабль.

А у меня ведь в мешке радиостанция, документация. Только подумаешь — вспотеешь. Если что — трибунал».

Однако все прошло, как говорят космонавты, в штатном режиме. Хотя сама ситуация — уникальна. Военный атташе, миновав все границы, высаживается с борта советского десантного корабля в Аденском заливе.

Так оно и было. Наш десантный корабль, замаскированный под нефтеналивной танкер, через несколько часов пути лег на курс Адена. Когда стали подходить ближе к берегу, Наон, помнится, не удержался, подсказал капитану, мол, возьми правее,

а то сядешь на мель. Капитан сильно удивился, что сухопутный пассажир указывает морскому волку куда идти: вот перед ним лоция.

— Да ты не обижайся, командир. *Я* тут каждый камешек знаю. В первый заезд подводной охотой увлекался, изучил залив как свои пять пальцев, — успокоил Наон.

Корабль остановился на рейде. Вновь Владимир Ованесович вместе с мешком погрузился в шлюпку — и к берегу.

А на берегу тем временем стреляли. Не доходя метров ста пятидесяти, полковник Наон приказал: давайте, ребята, назад, на корабль, а я уж сам доберусь. Старший из матросов пытался возразить, мол, как же вы до берега догребете с таким баулом.

— Догребу, сынки, а вами рисковать не хочу. Мало ли кто с берега увидит шлюпку, подумает недоброе. А один я скорее проскользну.

Наон знал, он опытный пловец, до берега доберется благополучно, даже с тяжелым мешком. А дальше уже своя земля — территория Советского посольства в Адене выходила прямо к заливу.

Сотрудники аппарата военного атташе потеряли дар речи, когда увидели своего нового шефа — мокрого с ног до головы и с мешком за плечами.

— Откуда вы, товарищ полковник?

— Со стороны Аравийского моря. Иначе к вам не попасть. Вы же здесь как в осажденной крепости.

На следующий день Владимир Ованесович поехал к своему старому знакомому — начальнику бронетанковых войск. За эти годы главный танкист вырос в должности — возглавил Генеральный штаб.

А в первую свою командировку с этим йеменским генералом они дружили. Генерал в свое время закончил бронетанковую академию в Москве, с симпатией относился к нашей стране. Но сошлись советский военный атташе и йеменский генерал не только на этом. Как-то на учениях танкисты местной бригады утопили танк, а Наон, присутствовавший на маневрах, подсказал, как проще, легче и быстрее вытащить боевую машину.

С тех пор при встречах с генералом военный атташе шутил:

— Как там мой танк? Смотри, если содержится не в порядке, заберу.

Генералу нравилась эта шутка. Теперь Наон ехал в Генштаб и надеялся, что генерал не забыл его.

«Приезжаю, захожу в приемную, — поведал Владимир Ованесович, — а порученец у него все тот же. Знает меня прекрасно. Увидел, глаза округлились, вскочил, поспешил

докладывать. Я остановил его: “Сиди, сам доложу…” Открываю дверь, захожу. Начальник Генштаба сидит за столом, скользнул мимолетным взглядом, в лицо даже не посмотрел. А моего предшественника он не жаловал.

Подхожу, положил руку на плечо и по-русски говорю:

— Ты, может, поздороваешься, а то ведь заберу свой танк.

Генерал вскинул голову, удивился:

— Владимир, откуда? Не знал, что ты приехал.

Посидели. Поговорили. Вспомнили былое. Владимир Ованесович вытащил паспорт, другие документы, попросил, чтобы сделали отметку, что въехал в страну официально.

— Хорошо, — сказал генерал, — паспорт через час, остальные документы — завтра.

И что самое важное — слово сдержал. Так началась его вторая командировка в Аден. Здесь полковник Наон пережил объединение Северного и Южного Йемена и стал руководителем аппарата ВАТ в новой столице государства — Сана, активно работал со своими офицерами в период первой ирако-кувейтской войны. Возвратился домой, в Москву, в октябре 1991 года, считай в другую страну. Ему уже было 58 лет, более сорока из которых он отдал армии.